

АЛТАЙ
В ЭПОХУ КАМНЯ И РАННЕГО МЕТАЛЛА

Барнаул—1985

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А Л Т А Й
В ЭПОХУ КАМНЯ И РАННЕГО МЕТАЛЛА

Межузовский сборник

Барнаул 1985

УДК 902.6

Алтай в эпоху камня и раннего металла: Межузовский сборник научных статей. — Барнаул: изд. Алтайск. ун-та, 1985. — 207 с.

В межузовском сборнике исследуются вопросы, связанные со спецификой археологических источников, с формированием и хронологией археологических культур эпохи камня и металла на территории Алтайского края.

Науч. спец. 07.00.06.

Р е д а к ц и о н н а я
к о л л е г и я:

кандидат исторических наук Иирский В.А. — ответственный редактор;
доктор исторических наук Молочин В.К.,
доктор исторических наук Косарев М.А.,
кандидат исторических наук Петрин В.Т.;

Владимиров В.М. — секретарь

Р е ц е н з е н т ы:

кафедра истории Барнаульского государственного
педагогического института;
кандидат исторических наук Демин М.А.

Темплан Минвуза РСФСР 1985 г., п.1038

© Алтайский государственный университет, 1985

М.Ф. Косарев

(Институт археологии АН СССР, Москва)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ

В свое время В.Н.Чернецов высказал мысль, что сложение уральской языковой семьи было следствием продвижения в мезолитическую эпоху на территории, прилегающие к Уральскому хребту, южного населения — из Приаралья и, возможно, Прикаспия. Придя на север, оно ассимилировало аборигенов, результатом чего и явилось сложение уральской (прото-финно-угро-самодийской) общности /1; 2/. Дальнейшее расселение на запад и восток привело к расширению ареала этой общности, а затем к ее распаду /3/. Точка зрения В.Н.Чернецова до сих пор пользуется признанием у археологов.

Признаки распада прото-финно-угро-самодийской общности особенно явственно прослеживаются на территории Западной Сибири. Мы уже отмечали ранее, что с позднего неолита (а по некоторым данным, и с более раннего времени) в таежном Обь-Иртыше существовали три культурные (этнические) линии преемственности, наиболее ярко выраженные в традиционности орнаментальных комплексов: гребенчатая (разделившаяся накануне эпохи бронзы на собственно гребенчатую и андроновидную), гребенчато-ямочная и отступающе-накольчатая традиции /4; 5/.

В конце неолита гребенчатая традиция локализовалась в основном в районах, прилегающих к Уралу (стоянки Сосновый Остров, Байрык IД, Чашиха, Нижняя Мануша, Дувенское 5, Чес-тый-яг и другие). По своей орнаментальной схеме, равно как по технике выполнения узоров, восточно-уральская гребенчатая керамика близка посуде волго-камского гребенчатого неолита. Видимо, на поздних стадиях неолита эти два гребенчатых ареала — приуральский и зауральский — составляли единый массив этнически родственных культур. Однако с конца неолитической эпохи различия между приуральской и зауральской частями гребенчатого массива все более углубляются. В энеолите и в начале бронзового века в Приуралье распространяются памятники гаринско-борской культуры с керамикой, которая и в орнаменте, и в форме несет все основные традиционные черты, характерные для местной неолитической гребенчатой посуды.

В Зауралье гребенчатая традиция, начиная с рубежа неолита и бронзового века, существенно трансформируется. В южной и средней частях этого региона она развивается по линии внедрения в нее богатого и колоритного андронидного геометризма. Можно выделить три основных этапа этой (уже не просто гребенчатой, а андронидной) орнаментальной традиции: алтокий (раннебронзовый век), коптяковский (самусьско-сайминская эпоха) и черкаскульско-федоровский (андроновское время). На Зауральском Севере элементы андронидного орнаментального комплекса не получили сколько-нибудь широкого распространения. Здесь и на смежной территории Нижнего Приобья в самусьско-сайминскую эпоху складывается на основе традиционного гребенчатого орнамента своеобразный "сотовый" геометризм, который хотя и вынуждает отдельные андронидные ассоциации, отличается иным принципом построения геометрических узоров /6; 7/.

Археологически фиксируемое расчленение уральского гребенчатого массива на две равные культурные области (приуральскую и зауральскую) отражает, видимо, распад финно-угорской общности на две: финно-пермскую и угорскую. О.Н.Бадер относил этот распад к неолитической эпохе. Он, в частности, писал: "Для неолитического населения камской или волго-камской, приуральской историко-культурной области устанавливается в материальной культуре преемственная связь вплоть до этнических местных культур удмуртов и коми в Прикамье и марийцев в Поволжье. Надо полагать, что в это время уже произошло разделение древнего финно-угорского языка-основы, что находит свое археологическое выражение в существовании двух различных, но родственных обширных историко-культурных областей неолита по обе стороны Уральского хребта. Волго-камскую область следует считать пермско-финской, восточно-уральскую - угорской" /8/.

Разделяя в целом эту точку зрения, мы не можем вполне согласиться со столь ранней датой разделения финно-угорского массива на финно-пермскую и угорскую этнические ветви (неолит, с точки зрения О.Н.Бадера). Думается, что это расчленение завершилось не ранее, чем в гребенчатой орнаментации керамики Восточного Зауралья оформились основы гребенчатого (андронидного и "сотового") геометризма, что соответственно и определило этническую специфику восточно-уральской области. На основе археологических данных можно сделать вывод, что это произошло не

ранее рубежа неолита и бронзового века. С наибольшей определенностью исследователи говорят сейчас об угорской принадлежности черкаскульской и андроновской (федоровской) культур, которые относятся ко второй половине бронзового века, когда андроновидный орнаментальный комплекс в Восточном Зауралье сложился окончательно /9; 10; 11/. Этнографически изученный андроновидный орнаментальный комплекс Западной Сибири, наиболее выраженный в изобразительном искусстве обских угров, сопоставим не с андроновским орнаментом вообще и не алакульским, в частности, а прежде всего с орнаментальными мотивами федоровской и черкаскульской керамики. Что касается дифференциации восточно-уральского геометризма на андроновидный (Южное и Среднее Зауралье) и "сотовый" (Зауральский Север и Нижнее Приобье), то это хочется воспринимать как свидетельство начавшейся локальной этнической расчлененности угорской общности.

Наиболее ранние памятники, характеризующие гребенчато-ямочную традицию в Западной Сибири, относятся к концу неолита и к энеолиту. По имеющимся сейчас археологическим свидетельствам, они в это время локализовались в лесостепном и таежном Ишимо-Иртышье (стоянки Кокуй I, Байрик-Иска I, Екатерининка I, 2, 4, Бичили, Красноярка, Лавровка, Венгерово 3, Пеньки I, 2 и другие). В самусьско-сейминскую эпоху, когда южно-таежное и предтаежное Обь-Иртышье занимает население самусьской и кротовской культур, гребенчато-ямочный ареал смещается вглубь таежной зоны. К концу II тысячелетия до н.э. носители гребенчато-ямочной традиции осваивают северные районы Западной Сибири. В Нижнем Приобье и бассейне Тазы Л.П.Лашук, Л.П.Хлюбытия, Е.А.Васильев и другие нашли значительное число поселений с гребенчато-ямочной керамикой, относящихся в основном к последней трети II тысячелетия до н.э. К сожалению, эти материалы до сих пор не опубликованы.

Распространение на север Западной Сибири населения с гребенчато-ямочной посудой, видимо, привело к полному или частичному поглощению ими живших здесь ранее носителей "сотового" геометризма. Не исключено, однако, что отдельные группы местного населения — потомки носителей гребенчатой традиции, теснимые пришельцами, — сместились в сторону Уральского Севера или к низовьям Енисея, которые по существу еще не исследовались археологами.

Пока нет данных, свидетельствующих о местных, западно-сибирских истоках гребенчато-ямочной традиции. Уровень имеющегося материала позволяет считать более вероятным, что гребенчато-ямочная орнаментация была принесена в Западную Сибирь из Восточной Европы, где она имела глубокие местные корни. Это произошло, скорее всего, на поздних этапах неолита, когда в Восточной Европе начинается отмеченный археологически массовый исход населения с гребенчато-ямочной керамикой из Волго-Окского междуречья в смежные районы. Возможно, в конце неолита эти мощные миграционные волны перекрестили Уральский хребет и распространились на Западно-Сибирскую равнину. Произошло как бы перераспределение этнокультурных ареалов: в лесной зоне Восточной Европы в конце неолита утверждается таринско-борская и волосовская культуры, характеризующиеся гребенчатой керамикой; одновременно здесь происходит затухание гребенчато-ямочной традиции, но она неожиданно расцветает к востоку от Урала, в Западной Сибири.

В ранее опубликованных работах мы высказали предположение, что развитие гребенчато-ямочной традиции на территории Западной Сибири характеризует процесс формирования древних самодийских групп /11; 12/. В последние годы эта точка зрения получила поддержку ряда сибирских археологов и этнографов /13; 14/. Если признать правотой мысль о связи гребенчато-ямочной орнаментальной традиции с древними самодийцами, то начало самодийского этногенеза следует искать к западу от Уральского хребта. Этому не противоречат лингвистические данные. А.П.Дульзон обратил внимание, что некоторые восточно-европейские гидронимы самодийского происхождения древнее сибирских. Исходя из этого, он присоединялся к мнению тех лингвистов, которые считают, что самодийцы пришли в Сибирь из Восточной Европы /15/. К такой же точке зрения, основываясь на гораздо большем топонимическом материале, пришла Э.Г.Беккер /16/. Согласно исследованиям Д.В.Бубриха, самодийские языки по своей грамматической и фонетической структуре находят больше соответствий в финских языках, чем в угорских /17/. В этой связи интересно, что саамский (лопарский) язык обнаруживает близкие этимологические параллели в самодийских языках; это дает основание предполагать, что древние протосаамы первоначально говорили на языке, сходном с самодийским, и лишь позднее восприняли язык финнокой группы /18/.

Определение этнической принадлежности носителей отступающе-накольчатой традиции в керамике еще более сложно. На ранних стадиях неолита отступающе-накольчатая традиция распространялась чрезвычайно широко — от Енисея на востоке до Украины на западе, захватывая на юге районы, прилегающие к Аралу. Она, в отличие от гребенчатой и гребенчато-ямочной традиций, не имеет достаточно четкого набора характерных черт, а представлена несколькими вариациями, крайние из которых по существу не сопоставимы. Так, верхнеобский отступающе-накольчатый неолит похож на свердловско-тагильский, свердловско-тегильский на икско-бельский, икско-бельский на днепро-донецкий и так далее, но верхнеобский и днепро-донецкий неолит почти не имеют ничего общего. Следовательно, отступающе-накольчатый ареал в целом вряд ли возможно отождествить с какой-либо определенной этнической общностью; скорее всего это реликт культуры древних этнически нерасчлененных уральцев. Ниже мы коснемся лишь той части отступающе-накольчатого ареала, которая находилась в пределах Восточного Зауралья и Западной Сибири.

Накопленные в последние десятилетия археологические данные позволяют считать, что на зауральско-западносибирской территории отступающе-накольчатая традиция сложилась ранее гребенчатой и гребенчато-ямочной. Так, в Среднем Зауралье известен ряд ранне-неолитических памятников с отступающе-накольчатой керамикой (поселения Евстухиха, Махтыли, Ипкуль XIII и другие), тогда как самые древние в этом районе комплексы с гребенчатой посудой относятся к позднему неолиту (поселения Аять, Сосновый Остров, Байрик IД и другие). В лесостепной Барабе отступающе-накольчатая посуда лежит ниже гребенчато-ямочной, распространившейся здесь на финальной стадии неолитической эпохи. В низовьях Томи и Чулыма отступающе-накольчатая традиция была сменена гребенчато-ямочной лишь в конце самусьско-сейминского периода. Таким образом, отступающе-накольчатый орнаментальный комплекс на зауральско-западносибирской территории выступает как автохтонный.

С распространением в Зауралье носителей гребенчатой, а в лесостепном и южно-таежном Поишимье и Прииртышье гребенчато-ямочной орнаментации единство зауральско-западносибирского отступающе-накольчатого ареала нарушилось. В позднем неолите он состоял из двух больших изолированных островов. Один из них, западный, тяготел в основном к Среднему и Нижнему Приоболью

(памятники кошкинского типа, по мнению В.Т.Ковалевой) /19/, другой, восточный, занимал Верхнее и отчасти Среднее Приобье (отоянки Вавьялово 2,8, Седовая Заимка 2 и другие) /20/. Их разделял гребенчато-ямочный ареал, локализовавшийся в это

время в лесостепном и таежном Прииртышье (памятники екатерининского типа) /21/. Примерно такая же этнокультурная обстановка сохраняется в энеолите: в западной части на смену кошкинским памятникам приходят боборыкинские и липчинокие, керамика которых украшалась в традиционной отступающе-накольчатой манере; в Верхнем и отчасти Среднем Приобье распространяются памятники новокусовского типа с керамикой, продолжающей развивать в своей орнаментации отступающе-накольчатые приемы выполнения узоров; на промежуточной территории, в лесостепном и таежном Прииртышье, локализовались в это время памятники байрыцкого и позднего екатерининского этапов, для которых была характерна гребенчато-ямочная посуда.

При значительном внешнем сходстве западный и восточный варианты западно-сибирской отступающе-накольчатой традиции вряд ли можно связывать с единой этнической общностью. Так, западная часть ареала уже в энеолите утратила многие традиционные черты: боборыкинская культура сложилась при участии оильных южных влияний, возможно связанных с притоком в Среднее Приобье значительных групп населения из Прииралья или Прикаспия; население липчинской культуры испытывает все усиливающееся влияние носителей гребенчатой орнаментальной традиции, что завершилось в начале бронзового века растворением их в среде аяцкого населения, заложившего в своем изобретательном искусстве основу андроновидного орнаментального комплекса. Эти процессы привели к тому, что в начале бронзового века западный (восточно-уральский) вариант отступающе-накольчатой традиции по существу прекратил свое существование.

Восточная (верхнеобская) часть отступающе-накольчатого ареала развивалась более традиционно. Около середины II тысячелетия до н.э. эта продолжающаяся линия культурной преемственности привела к сложению в низовьях Томи и Чулыма богатой и колоритной самуьской культуры, население которой овладевает и совершенствует производство бронзовых орудий турбиноносейминских типов, развивающееся на алтае-сайянских рудных месторождениях. В XIV-XIII вв. до н.э. население самуьской культуры

расширило свой ареал далеко на запад, вплоть до лесостепного Поишимья и Тжменского Притоболья, отодвинув к северу южную границу гребенчато-ямочного ареала.

Примерно в XIII в. до н.э. или около рубежа XIII и XII вв. до н.э. самусьская культурная общность на юге Западной Сибири исчезла. Большую часть территории самусьцев заняло пришлое вдроновское (федоровское) население. Отступающе-накольчатая (в данном случае самусьская) орнаментальная традиция уже не выступала в своем чистом виде. Видимо, основная масса самусьцев ушла на север, в глубинные районы Западной Сибири, и сосредоточилась в пределах гребенчато-ямочного ареала. Во всяком случае, эпизодическое возрождение в дальнейшем в обь-иртышских лесостепях некоторых элементов отступающе-накольчатого (самусьского?) орнаментального комплекса было потом всегда связано с продвижением сюда северных таяжных групп населения.

Если принять высказанную выше точку зрения о самодийской принадлежности гребенчато-ямочной орнаментальной традиции и согласиться с другими исследователями относительно угорской принадлежности гребенчатого и черкаскульско-федоровского орнаментальных комплексов, то для носителей самусьской культуры остается, учитывая топонимическую стратиграфию и планиграфию Западной Сибири /22/, по существу лишь один вариант этнической идентификации — связь их с предками современных кетов (ныне небольшой народности, язык которой находит лексические соответствия в сино-тибетских языках). Многие астральные мотивы в самусьской орнаментации (разобщенные группы лучей на солярных изображениях, концентрические полуокружности), композиционная сложность астральной символики (внутреннее солнце в виде круга с крестом, заключенное в круг с лучами и обрамленное затем несколькими концентрическими окружностями, последняя из которых тоже имеет лучи) и другая — удивительно напоминают астральные композиции на кетских бубнах, воспроизводящие так называемую модель мира /23/. Исключительное богатство и многообразие самусьской солярно-астральной символики позволяют предположить наличие в самусьской культуре каких-то южных или юго-восточных черт. В этой связи обращает на себя внимание известная близость самусьско-ростовкинских бронз (ножи, копья с "бугром", лопатки и другие) карасукским и аньянским, свидетельствующая, видимо, об общих истоках самусьско-

сейминокой, карасукокой и аяньюнской бронзовой металлургии и, возможно, о едином генетическом корне ее носителей.

Сменив в предтаежной и южно-таежной части Обь-Иртышья самушцев, андроновское (федоровское) население вступило в активные контакты с жившими севернее носителями гребенчато-ямочной орнаментальной традиции, в результате чего в южной части обь-иртышской тайги сложились сузгунская и еловская культуры, в орнаменте которых явственно прослеживается сочетание элементов двух орнаментальных традиций — андроновской (федоровской) и гребенчато-ямочной. Если учесть, что большинство археологов связывает федоровцев (и черкаскульцев) с уграми, а носителей гребенчато-ямочной традиции — с самодийцами, то сложение сузгунско-еловской общности в этническом аспекте следует воспринимать как процесс взаимодействия и смешения угорских и самодийских групп.

Северная часть гребенчато-ямочного ареала не испытала сколько-нибудь существенных андроновских (федоровских) воздействий. Однако и здесь развитие гребенчато-ямочной орнаментации несколько отклонилось от традиционного пути. На поздних этапах бронзового века в орнаменты керамики северных районов Западной Сибири все более внедряются крестовый и отчасти мелкоотруйчатый штампы. Удельный вес гребенчатого штампа соответственно снижается, в результате чего гребенчатая и гребенчато-ямочная традиции трансформируются здесь в крестово-отруйчатую и крестово-ямочную. Следует особо отметить, что оформившаяся в Нижнем Обь-Иртыше на поздних этапах бронзового века крестово-ямочная орнаментация генетически близка гребенчато-ямочной, возникла на ее основе и по существу являет собой не что иное, как северный вариант развития гребенчато-ямочной орнаментальной традиции. Поэтому мы вправе рассматривать население с крестово-ямочной и гребенчато-ямочной керамикой как носителей единой (самодийской) линии этнической преемственности. Не исключено, что генетические истоки крестово-отруйчатого орнаментального комплекса будут найдены в гребенчатой орнаментальной традиции.

В начале I тысячелетия до н.э. значительная часть этого северного населения переселяется в более южные районы Зауралья и Западной Сибири. В свердловско-тагильский район и в северную часть Южного Зауралья приходит население с крестово-отруйчатой

посудой, оставившее здесь памятники гемаюнской культуры. Накануне прихода гемаюнец часть жившего здесь черкаскульско-межовского населения передвигается на юг — в сторону Верхнего Приобья и степного Поимья /24; 25/. Хотя пришедшее в предтаежное и Среднее Зауралье население с крестово-струйчатой керамикой было весьма многочисленным (судя по обилию оставленных ими памятников и материалов), оно так и не смогло преодолеть местную (в данном случае черкаскульско-межовскую) линию развития. Сложившаяся здесь около VI в. до н.э. иткульская культура является прямым продолжением межовской и не содержит в своих орнаментах ничего от крестово-струйчатого орнаментального комплекса. Таким образом, приход гемаюнец — кто бы они ни были в этническом отношении — не повлиял сколько-нибудь существенно на дальнейшую этническую историю Восточного Зауралья, хотя южная граница угорского ареала в конце бронзового века, очевидно, сместилась к югу (мы имеем в виду вытеснение гемаюдцами в сторону степей части черкаскульско-межовского населения).

Примерно в то же время, т.е. около рубежа бронзового и железного веков, южно-таежное и лесостепное Обь-Иртышь заняли продвинувшиеся сюда с севера носители крестово-ямочного орнаментального комплекса. Они известны по памятникам красноозерского типа в Среднем Прииртышье (поселения Красноозерское, Инберень 5-8 и другие) и завьяловского в Новосибирском Приобье (поселения Завьялово I, Ордынское I, городище Завьялово 5 и другие). Территорией их первоначального формирования было Нижнее Приобье, где на поздних этапах бронзового века на базе местных гребенчато-ямочных культур сложилась атлымская культура с характерной крестово-ямочной керамикой /26/. Осваивая южные районы Западной Сибири, эти северные группы частично ассимилировали сузгунское и еловское население, частично оттеснили его далее на юг — вверх по Иртышу и Оби (поселения Новочекино 3, Стрелка, Дворниково, Коровья Пристань, Корчажка 5 и другие). Черты гребенчато-ямочной орнаментации живут на верхнеобской керамике эпохи раннего железа: чередование решетчатых поясов; параллельные ряды "жемчулки", соответствующие горизонтальным рядам ямок на гребенчато-ямочной посуде; усеченный зигзаг и так далее /27/. Скорее всего, миграция на юг носителей гребенчато-ямочной (и крестово-ямочной) традиции отражает приход в

верхнюю часть бассейна Оби большой группы самодийского населения.

Несколько столетий спустя была еще одна самодийская волна с севера, тоже докатившаяся до Алтае-Саян. Мы имеем в виду продвижение около рубежа н.э. из таянских районов Приобья в сторону Алтая населения кулайской культуры. Правда, к этому времени на территории Западной Сибири произошло смешение равных орнаментальных традиций, и они практически не выступали в осязном "чистом" виде. Так, в орнаментации кулайской керамики присутствуют узоры, сопоставимые с федоровскими, гребенчато-ямочными и самусьскими декоративными элементами, но определить, черты какого орнаментального комплекса являются ведущими, практически невозможно, так как они представлены в трансформированном виде, и их удельный вес в разных районах и на разных этапах кулайской культуры неоднозначен. Однако, если признать справедливым мнение В.Н.Чернецова, что культуры I тысячелетия н.э. в Нарымском Приобье, генетически связанные с кулайской, можно считать древнеселькупскими /28/, то правомерно предположить, что в составе кулайцев скорей всего преобладал самодийский этнический компонент.

Видимо, часть пришедшего на юг северного самодийского населения закрепились в Алтае-Саянах и дожила до этнографической современности (мы имеем в виду исчезающие самодийские народы, которые застал там в середине прошлого столетия М.А.Кастрен). В этой связи следует особо подчеркнуть, что традиционная точка зрения о саяно-алтайском происхождении самодийцев не подтверждается археологическими материалами. Факт недавнего проживания самодийцев в Алтае-Саянах не может служить свидетельством их саяно-алтайского происхождения - это, на наш взгляд, лишь один из этапов или эпизодов сложной, богатой миграциями истории самодийского населения.

Наряду с двумя мощными продвижениями самодийцев с севера на юг западно-сибирские археологические материалы фиксируют по крайней мере три большие волны самодийцев в противоположную сторону - на север Западной Сибири. Первая из них произошла в самусьско-сейминскую эпоху, когда основная масса носителей гребенчато-ямочной традиции покинула предтаежное и южно-таянское Ишимо-Иртышье и ушла в глубинные таянские районы Западной Сибири, достигнув к концу II тысячелетия до н.э. низовий Оби и Тазы.

Вторая большая самодийская волна относится к рубежу н.э. и связана с миграцией из Нарымского Приобья на север населения кулайской культуры. В.И.Васильев предполагает, что соответствие некоторых южно- и северосамодийских этнонимов является подтверждением южносибирского происхождения северных самодийцев /14, с.29-41/. Не возражая в принципе против южносибирского происхождения северных самодийцев, мы хотели бы указать на необходимость учитывать, что в данном конкретном случае сходство южносамодийских и северосамодийских этнонимов скорее всего объясняется тем, что их носителями были среднеобские (нарымские) кулайцы, которые, распространившись на север, в сторону полярного круга, и на юг, в сторону Алтае-Саян, могли принести туда одинаковые или сходно звучащие этнонимы.

Третья большая миграционная волна самодийцев на север имела место около рубежа I и II тысячелетий н.э., хотя объективности ради следует сказать, что она в силу слабой археологической изученности этой эпохи не столько прослеживается, сколько угадывается. Тем не менее, ряд косвенных данных свидетельствует о том, что в это время значительная часть самодийского и, видимо, смешанного угро-самодийского населения отошла из Среднего Обь-Иртышья в циркумполярные районы Западной Сибири (под давлением тюрков?). Нам представляется, что тот этнический пласт в тундровой зоне, который сибирские этнографы склонны считать досамодийским /14, с.48/, поскольку он предшествует приходу на север непосредственных предков ненцев, нельзя называть досамодийским, потому что тем самым как бы постулируется этническая чуждость последней самодийской волны на север предыдущим. Скорей всего предки ненцев, прийдя на север, застали там самодийцев же, может быть более архаичных по языку и культуре, не утративших до конца близости с прапопарями.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Чернецов В.Н. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы. - В кн.: Тезисы докладов и выступлений по методологии этногенетических исследований. - М., 1951.

2. Чернецов В.Н. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре. - В кн.: УП Международный конгресс антропологических и этнографических наук. - М., 1964.

3. Чернецов В.Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита. - В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. - М., 1973, с.10-17.

4. Косарев М.Ф. К проблеме западно-сибирской культурной общности. - СА, 1974, № 3, с.3-13.

5. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. - М., 1981, - 276 с.

6. Васильев Е.А. Работы в Нижнем Приобье. - АО 1977 г. - М., 1978, с.213-214.

7. Окладников А.П., Молодин В.И., Волков И.А. Памятник у о.Малый Атлым на р.Оби. - В кн.: Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1979, с.118-125.

8. Бадер О.Н. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой. - В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. - М., 1972, с.12.

9. Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 1953, № 35, с.61.

10. Салыников К.В. Очерки древней истории Южно-Урала. - М., 1967, с.347; 373-374.

11. Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. - М., 1974, с.150, 158-159.

12. Косарев М.Ф. Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья: Автореф. дис. ... канд.ист.наук. - М., 1964. - 16 с.

13. Посредников В.А. О культурно-этнической принадлежности поселения Большой Дарьяк 2 и некоторых других памятников в таяжном Приобье. - ИИС. - Томск, 1973, вып.7, с.95-107.

14. Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. - М., 1979. - 241 с.

15. Дульзон А.П. Дорусское население Западной Сибири. - В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1961, с.361-371.

16. Беккер Э.А. О некоторых параллелях в гидронимии Европейского Севера. - Языки и топонимия Сибири. - Томск, 1970.

17. Бубрих Д.В. К вопросу о соотношении между самодийскими и финно-угорскими языками. - Изв. АН СССР, отд. литературы и языка, 1948, т.УП, вып.6, с.611.

18. Тоивонен J. Zum Problem des Protolepparischen. - Helsinki, 1950.

19. К о в а л е в а В.Т., В е р а н к и н Н.В. К вопросу о происхождении обобрыкинской культуры. - В кн.: Вопросы археологии Приобья. - Тюмень, 1976, с.21-29.
20. М о л о д и н В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. - Новосибирск, 1977. - 172 с.
21. П е т р о в А.И. Екатерининский тип керамики на памятниках Среднего Прииртышья. - В кн.: Археология Прииртышья. - Томск, 1980, с.3-15.
22. Д у л ь з о н А.П. Топонимика Западной Сибири как один из источников ее древней истории. - В кн.: Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. - Томск, 1952, с.24-28.
23. П р о к о ф ь е в а Е.Д. Шаманские бубны. - В кн.: Историко-этнографический атлас Сибири. - М.;Л., 1961, табл.5.
24. З д а н о в и ч Г.Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Повисшья: Автореф. дис. ... канд.ист.наук. - М., 1975. - 23 с.
25. П о т е м к и н а Т.М. Культура населения Среднего Приобья в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... канд.ист.наук. - М., 1976. - 27 с.
26. В а с и л ь е в Е.А. Северотаяжное Приобье в эпоху поздней бронзы. - В кн.: Археология и этнография Приобья. - Томск, 1982, с.3-14.
27. Г р я з н о в М.П. История древних племен верхней Оби. - МИА, 1956, № 48, табл.Х,ХІІ,ХІІІ.
28. Ч е р н е ц о в В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии до н.э. - МИА, 1957, № 58, с.238.

В.Т.Плахин

(Алтайский государственный университет, Барнаул)

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В то время как проблема исторического источника имеет уже солидную историографию, представленную работами ученых различных школ и направлений /1; 2/, теория археологического источника находится еще в стадии своего становления. В настоящей работе исследуется лишь часть большой и сложной проблемы археоло-

гического источника, в именно: специфично ли отражение исторического прошлого в археологическом источнике по сравнению с письменным источником? Ответ на этот вопрос определяет особенности не только археологической источниковедческой процедуры, но и в целом археологии как самостоятельного способа познания исторической действительности.

В 20-30 гг. XX в. на этот вопрос отвечали отрицательно как представители старой археологической школы, так и молодые исследователи, с именами которых самым непосредственным образом связан постановка этого вопроса в советской археологии. Так, С.А.Жебелев, не признавая никакой специфики археологических источников, считал, что "какой-либо особый археологический метод вряд ли есть нужда придумывать, равно как не приходится говорить и с каком-то особом "подходе" при занятиях археологией" /3/. В.А.Городцов образно писал, что "чтение археологических памятников, расположенных на листах (слоях) почвы, ... должно быть столь же точно и связано, как чтение обыкновенной книги. При этом не требуется никаких субъективных вмешательств исследователя, так как каждое явление, каждая вещь должны говорить сами за себя, как буквы и слова... говорят читателю все, что им вменено сказать" /4/. Процесс познания исторического прошлого по археологическим источникам представляется в данном случае весьма упрощенно: так называемый язык вещей далеко не так легок для понимания. Более того, для извлечения исторической информации из письменного документа порой недостаточно знания языка, на котором он написан, знания грамматических правил и лексики той или иной эпохи, а необходимо истолкование всего текста /5/.

Видный теоретик марксистской археологии того времени С.Н.Быковский, как бы продолжая эстафету непризнания специфики археологических источников, отмечал, что "исторический процесс отражался в различных источниках, так сказать, не считаясь с их видом и характером" /6/. Конечно, в данном положении содержится ценная мысль о единстве исторического процесса, но в целом его нельзя признать верным. Ошибка С.Н.Быковского заключалась в следующем: справедливо признавая, что "памятники отражают следы минувшего не подобно зеркалу или фотографической пластинке, а более или менее искаженно", он единственную причину связывал с "мировоззрением эпохи, класса" /7/, на что в

современной литературе уже указывал Л.С.Клейн /8/.

Поддерживая С.Н.Быковского, А.В.Арциковский, С.В.Киселев и А.П.Смирнов, будущие ведущие специалисты советской археологии дни ратовали за ее упразднение, отмечая, однако, что при этом нужны останутся "археологи, т.е. историки, умеющие производить раскопки и научно пользоваться вещественными памятниками" /9/. Время показало несостоятельность ликвидаторских настроений подобного рода; археологию отменяли, но не отменили. Но вместе с тем еще долгое время проблема специфики археологических источников не привлекала внимания исследователей.

Иногда среди отличительных черт данного вида источников называют такие, как ископаемость и неполнота. Так, традиционная формула "археолог — это историк с лопатой" прямо указывает на первый из этих признаков. Второй из них И.С.Каменецкий, Б.И.Маршак и Я.А.Шер считали настолько существенным, что, по их мнению, он являлся причиной, сдерживающей развитие теоретической мысли в археологии /10/. Но второстепенные и необязательные черты присущи и письменным источникам. Так, например, ни писаницы, ни древние церкви, которые изучают археологи, не являются погребенными под почвой. Для получения довольно верного представления о том или ином поселении порой достаточно и подземного материала (поселение Бобровка, комплекс поселений Павловска в Алтайском крае) /11/. Предположим, что часть комплексов, расположенных под землей и над ней, при должном подходе может стать археологическим источником. Учет зависимости между устройством надмогильных сооружений и конструкцией погребальных камер позволяет еще до раскопок выяснить ареал распространения памятников той или иной культуры и предварительно их датировать.

С другой стороны, и письменные источники могут быть погребенными. Глиняные клинописные таблички из библиотеки Ашшурбанипала пролежали в земле почти 2500 лет /12/. Берестяные грамоты с письменными текстами из древнего Новгорода тоже нет оснований считать археологическими источниками, хотя найдены они были в процессе археологических раскопок, обнаружены в комплексе с археологическими источниками и очень удачно дополняют их. Далее, письменные источники не являются полными и в том смысле, что до нас дошла лишь их часть, в которой освещены далеко не все стороны прошлого. Так, в материалах I пере-

писи в 1898 г. в России, проводившейся для сбора всей возможной информации о населении, не нашли должного отражения социальное положение поданных и получаемые ими доходы /13/. Существуют и современные документы, которые не входят в круг рассмотрения историков и, следовательно, не являются пока историческими источниками.

Мнение о том, что письменные и археологические источники разделяет то, что древние остатки, якобы, объективны, а предание — тенденциозно — заслуживает более внимательного рассмотрения. При раскопках, работе с археологическими материалами часто создается впечатление непосредственного соприкосновения с самим прошлым /14/, которое в письменном источнике дано опосредованно, в преломленном в сознании древнего автора виде. "Вещественные памятники, — писал С.А.Жебелев, — сами по себе неодушевленные предметы, и поэтому они строго объективны" /3, с.9/. Это мнение весьма устойчиво: ведь и четверть века спустя И.С.Кон как о чем-то само собой разумеющемся говорил о том, что археологические источники "не содержат никакой тенденциозности" /15/. Однако предметы материальной культуры явились результатом деятельности субъектов и воплотили их многочисленные, сложные и часто искаженные представления о мире. Сознание этих субъектов — продукт эпохи, уже поэтому остатки по-своему тенденциозны.

Эта тенденциозность проявляется в материалах погребального обряда племен и народов, традиционно являющихся объектом изучения палеоэтнографии и археологии. При этом нам нет нужды рассматривать вопрос о том, когда окончательно сформировался погребальный обряд, анализировать понимание этого термина в археологии /16; 17/ и этнографии /18, с.6/ и касаться дискуссионных моментов, возникших в литературе при определении понятия "обряд" вообще /19; 20, с.17, 21/. Нас удовлетворит предельно общая философская характеристика обряда как ряда символов, которые являются особой разновидностью знака /20, с.23, 25/. В семиотике знак понимается как предмет, обладающий предметным и смысловым значением для некоторой организованной системы /21/. Видимо, и погребальный обряд в самом общем виде можно определить как систему, в которую будут включены двигательные, вещественные и звуковые подсистемы. Часть этих знаков может стать объектом изучения археологов, но, как это ни парадоксально, знаками для них являться не будет. Код записи информа-

ции априорно не известен. При изучении погребального комплекса встанет задача выяснения смыслового и предметного значения найденных вещей.

В смысле же интерпретации нам представляется возможным охарактеризовать погребальный обряд как систему знаков для общения с предками, богами, духами, самим умершим, с целью обеспечить его благополучное существование после смерти. Возможны возражения по поводу того, что знаковой ситуации, которая предполагает не только сообщаемого, но и воспринимающего информацию, здесь не возникает, так как ни боги, ни духи, ни предки не существуют как реальные объекты, да и сам умерший, естественно, воспринять никакой информации не может. Общение же понимается не просто как действия, а именно взаимодействие, как практическая активность одних субъектов, направленная на других и не превращающая их в объекты, а ориентирующаяся на них именно как на субъектов /22, с.82/. Но дело в том, что духи, боги и предки мыслятся первобытным сознанием не только существующими, но и способными взаимодействовать с человеком, причем быть инициаторами общения. В погребальных обрядах включено не просто обращение с телом покойника, а именно общение с ним и его душой. У народов Сибири функцию общения от лица умершего часто берут на себя шаман или близкий родственник покойного, которые в новом качестве прорабатывают достаточно сложные манипуляции /18, с.42; 23/. При этом мыслится, что и сам покойник по возможности помогает людям себя похоронить /24, с.48/.

Заботой о судьбе умершего пронизаны у сибирских народов все стороны погребального обряда, включая выбор места погребения, сопроводительный инвентарь, тризну. Например, у хантов каждый член рода должен быть похоронен на родовом кладбище, так как, по их представлениям, умершие живут в потустороннем мире селениями, соответствующими родовым кладбищам, и не теряют при этом связей с живыми сородичами /25, с.123, 148/. В дорогу умершего снабжают всем тем, что представляется необходимым. Этот аспект погребального обряда вовсе не так прост, как может показаться на первый взгляд. Во-первых, для того, чтобы служить умершему в другой жизни, вещи должны претерпевать изменения. Обычно это поломки, которые по-разному мотивируются /26, с.182; 27, с.104/. Во-вторых, иногда самым обычным вещам отводилась в

потустороннем мире иная, чем на земле, роль /28, с. 287/.
В-третьих, некоторые вещи, которые сопровождали покойника, предназначались вовсе не ему, а его ранее умершим родственникам /18, с. 23/.

Кроме того, принесенные в жертву животные часто являются не пищей для умершего, а его спутниками в потусторонний мир /26, с. 175; 29, с. 262/.

Общение с покойным не прекращается сразу после похорон. Живые стремятся узнать, переселился ли покойник в другой мир, все ли было соблюдено при совершении погребального обряда, если нет, то что можно исправить /18, с. 59, 65/. Благополучие живых людей зависело от благополучия умершего: покойник, которого похоронили неправильно, превращался в существо, способное приносить вред людям /26, с. 165, 167, 171; 28, с. 62, 63, 73/.

Создается впечатление, что у ряда сибирских народов, несмотря на связи погребального обряда с представлениями о хозяевах Верхнего и Нижнего миров, в центре внимания находятся все же интересы самого человека, "любовь к умершему и страх перед ним в его новом состоянии" /25, с. 62, 63/.

По сравнению с этими обрядами в погребальном обряде древних индоариев, имеющих более развитые религиозные воззрения, внимание акцентируется не столько на общении с умершим /30, с. 203/, сколько на общении с богами и мифическими предками, в честь которых поются священные гимны и которым предназначается жертвенная пища /30, с. 200, 202/.

Разумеется, данное нами определение раскрывает лишь один семантический аспект погребального обряда. Оно не претендует на исключительность и универсальность и выдвинуто нами в служебных целях. В нашу задачу входило вскрыть непростой, порой неожиданный характер отражения исторической действительности в материалах погребальных комплексов, который противоречит применению привычных интерпретационных штампов. К сожалению, в археологии еще не взято отношение к материалам захоронений как к чуть ли не готовому отчету о социально-экономической жизни древних обществ /31, с. 88/, что и вызывает в литературе справедливую критику /29/.

Традиционно более надежным источником изучения социально-экономических отношений считаются материалы поселений, в которых отражалась повседневная деятельность людей. По соотношению

различных вещей, употребляемых в жизни, не равно соотношению предметов, обнаруженных на поселениях. Более ценные, например, металлические вещи, служили долго, керамикой дорожили меньше, это, как правило, самый богатый археологический материал. Американский исследователь Д.Д.Андерсон, широко использующий этнографические данные при реконструкции по археологическим источникам социально-экономической жизни эскимосов Аляски, главную трудность построения модели жизнеобеспечения путем подсчета соотношения остатков разных видов животных на стоянке видит в том, что фаунистические останки обладают различной степенью сохранности. Кости крупных животных сохраняются хорошо, мелкие кости рыб, птиц порой исчезают бесследно. Кроме того, на поселениях происходит дифференциальное накопление материала. Некоторые виды животных эскимосы разделяют на берегу и на стоянке приносят только мягкие части туши. Зато кости животных, представляющие ценность как поделочный и строительный материал, часто собирают со всей округи или приобретают путем обмена. Отношение к костям уже принесенных на поселение животных также весьма разнообразно: одни из них идут на корм собакам, другие же специально накапливаются и используются в религиозных целях /32/.

Следовательно, и в данном случае "следы" прошлого весьма тенденциозно отражают жизнь и деятельность древних обществ и нуждаются в глубокой внутренней критике. Еще Ф.В.Кларисов для обозначения отбросов производства и потребления, которые не являлись для древних людей потребительными стоимостями, ввел термин "побочный продукт" /33/. Не случайно, что потом археологи, обратившие внимание на тенденциозность археологических источников, стали употреблять его по отношению ко всей их совокупности /34/.

Многое в процессе археологического отражения объясняют введенные в литературу Г.-Ю.Эггерсом и Ю.Н.Захаруком понятия "живая" и "мертвая" культуры. Волею же философов /22, с.188, 189/, Ю.Н.Захарук считает, что под "живой" культурой следует понимать деятельность общества и ее результаты. Археологическая ("мертвая") культура — лишь совокупность следов деятельности уже несуществующих обществ и культур, это культура, лишенная связи как с самой деятельностью, так и ее субъектом /35/. Но как бы от "живой" культуры не отличалась "мертвая",

еще больше от нее отличается третье состояние культуры: остатки давно умершей культуры, которые и достаются археологам /8, с. 55/. За это время происходят существенные изменения: дерево и другая органика сгнивают, растворяются скелеты погребенных младенцев, металлы корродируют, поселения оспаются, разрушаются надмогильные сооружения. Геологические процессы сильнее всего воздействуют на археологические остатки, в особенности палеолитического времени. Ущерб памятникам наносит и сам человек: погребальные комплексы нарушаются более поздними (афанасьевские могилы перекрыты окуневскими) /36/. Грабители с древности интересовались содержанием погребений (колоритную фигуру бугровщика Селенги, раскапывающего таштыкские курганы, рисуют Г.Ф.Миллер и И.Г.Гмелин) /37/. У воюющих племен было обычаем осквернять могилы врагов.

В наше время степные курганы распаханы, различные земляные работы нарушают стратиграфию поселений, значение которой не надо пояснять (вспомним, какие серьезные изменения внесло в проблематику андроновской культуры исследование поселений с ненарушенной стратиграфией /38/). Уже в прошлом веке ученые обратили внимание на гибель археологических памятников. С трибуны I археологического съезда М.П.Погодин с горькой иронией говорил: "О сохранении памятников древности начинают заботиться обыкновенно тогда, как остается их очень мало, тогда, как время, невежество и злоупотребление уже значительно опустошили священную их область" /39/. XX век, век все более возрастающего воздействия человека на окружающую среду, обострил противоречия между порожденными культурным прогрессом тенденциями: сохранить исторические памятники в интересах изучения прошлого и уничтожить их во имя продвижения к будущему /40, с. 76/.

Итак, в процессе образования, отмирания и познания материальной культуры информация, воплощенная в археологических источниках, проходит через целую систему "кривых зеркал", или, точнее, "шлюзов", неся в каждом потери и претерпевая изменения /40, с. III/.

Время искажает не только внешний вид реликтов. С течением времени резко падает диагностичность археологических остатков /8, с. 56-59; 41/: мы часто не знаем, что обозначают те или иные предметы, пусть даже хорошо сохранившиеся или умело реконстру-

ированные. Назначение одних до сих пор неизвестно, для определения функций других потребовались весьма тонкие эксперименты /43/. Древние предметы со временем превратились из "вещей для нас" в "вещи в себе". Задача археолога - сделать обратное, т.е. установить место археологических находок в системе "живой" культуры.

При этом нельзя забывать, что вещи были полифункциональны и полисемантичны, в них выражался комплекс представлений о мире; они зачастую выполняли и коммуникативную функцию. К.Маркс и Ф.Энгельс писали: "Производство идей, представлений, сознания первоначально вплетено в материальную деятельность и материальное общение людей, в язык реальной жизни" /43, с.24/. Б.А.Рыбаков, изучавший семантику орнаментов трипольской керамики, пришел к выводу, что роспись на бытовых сосудах представляет собой "довольно сложный комплекс космологических представлений..." /44/. У племен басуто (Лесото) традиционно дома украшаются затейливым орнаментом, каждая композиция которого представляет собой страничку истории живущей здесь семьи /45/. Васюганские канты по форме головок на носу и корме обласок, по расположению компонентов орнамента на одежде, даже по следу лыж узнают, какому роду принадлежит эти вещи, кто их изготовил /46, с.51/. Столь щедрая семантика предметов присуща им прежде всего в доклассовую эпоху в силу неразочленности материальной и духовной деятельности человека. Но и позднее, например, в эпоху раннего средневековья, характеризовавшейся массовыми передвижениями народов, созданием временных военных союзов и равноязычных племен, появилась необходимость в неязыковом средстве общения. Так, "полк был своеобразным паспортом" дружинников VI-IX вв., свидетельством их места в дружинной иерархии /47/.

Следовательно, только при востороннем изучении материальные древности превращаются в "вещи для нас", раскрывают все новые стороны содержащейся в них информации. Но чтобы вещи "заговорили", необходимо эту информацию перевести с "языка вещей" на любой из "естественных" языков, т.е. описать вещи, их признаки и соотношения. По мнению Л.С.Клейна, обратившего внимание на этот "необычный перевод", "это уже язык общенаучного мышления, но это еще не тот язык, на котором разрабатывается история" /8, с.47/. Этот язык еще не выражает существенных,

причинно-следственных связей прошлого, не объясняет его, а ограничивается констатацией поверхностных связей, которые в том виде, в каком их формулируют, зачастую не имели места в действительности. Такую связь, например, характеризует широко распространенное выражение "влияние одного орнамента на другой".

Семантическому, а не просто формальному анализу трипольской керамики, который провел Б.А.Рыбаков, способствовало то, что близкая по смыслу информация хранилась в письменных источниках, была достоянием этнографии. "Ключами" к переводу он назвал этнографический материал по народному искусству, Ригведу, Авесту, результаты изучения индоевропейской лексики /48/. Изображения на ряде скифских сосудов так и считались бы просто бытовыми сценами, если бы не "История" Геродота, которая помогла сделать предположение, что на них запечатлен один из сюжетов легенды о происхождении скифов /49/. Пусть подобные истолкования гипотетичны, но их появление помогает устанавливать связи, присущие прошлому.

Видимо, прав Л.С.Клейн, усматривающий главную специфику археологических источников в существовании двойного разрыва, который необходимо преодолеть исследователю. Первый из них — в объективации (между миром вещей и миром научных идей); второй — в традициях (между далеким прошлым и современностью) /8, с.61/. Этот второй разрыв, который затрудняет понимание археологических остатков, Л.С.Клейн связывает с фактором забвения /8, с.58/. Промежуточное положение между древними вещами (т.е. археологическими источниками), чье место в системе культуры забыто и для восстановления которого нужен археологический поиск, и современными вещами занимает вещи старинные. Последние технически и морально устарели, но еще сохраняются в живом обиходе и, как правило, изучаются этнографически. Уже применительно к ним есть, на наш взгляд, основания говорить о тенденции образования второго разрыва. Так, басуто уже не могут прочесть истории своих предков, "написанной" на стенах собственных домов. Ханты, несмотря на то, что скрупулезно воспроизводят на берестяной утвари орнаментацию, уже не понимают ее смысла /46, с.104-105/, оценивая ее лишь с эстетических позиций. На вопрос о том, что означают орнаменты на деревянных священных молотах с Места Молотов, ханты отвечают, что это

сделано "для красоты", что "так надо" (устное свидетельство Ю.Ф.Кирушина).

Можно было бы привести многие примеры, подтверждающие забвение предметного и смыслового значения древних вещей, с которыми работают археологи /50/. Но нам кажется, что следует подойти к вопросу о разрыве в традициях о более общих позициях. В настоящее время в науке перспективным представляется определение традиции как выраженного в социально организованных стереотипах группового опыта /51, с.80/. Рассматривая традиции и инновации в диалектической взаимосвязи, автор этой концепции Э.С.Маркарян отмечает, что динамика культурной традиции – это постоянный процесс преодоления одних видов стереотипов и образования новых /51, с.81/. Если к тому же учесть возросшие темпы смены традиций /51, с.87/, то разница в традициях далекого прошлого и настоящего (или разрыв в традициях, по определению Л.С.Клейна) не должна вызывать сомнений. По мнению специалистов, термины "культура" и "традиция" в предельной абстракции синонимичны. Разница заключается только в том, что термин "культура" обозначает сам феномен, а "традиция" – механизм ее формирования, трансмиссии и функционирования /52/. Поэтому отрицание разрыва в традициях равносильно отождествлению древних и современных культур. Конечно, в каждом состоянии культуры и в каждой традиции есть одновременные по своему происхождению элементы, и не всегда самые старые из них обладают наименьшей актуальностью (например, колесо, огонь и так далее) /52, с.106/. Но и тут, сравнивая культуры и традиции, разделенные временем, нельзя не учитывать, что эти элементы вписаны в качественно различные культурные системы.

Традиция может быть охарактеризована также как коллективная, социальная память /52, с.106; 53/. Поэтому Л.С.Клейн, на наш взгляд, справедливо считает фактор забвения решающим в процессе образования разрыва в традициях. Игнорирование этого разрыва, привычка считать археологическим источником любую вещь, а не вещь древнюю, по инерции видеть во всяких раскопках раскопки археологические, приводят к попыткам сделать археологию наукой не только о древности, но и о современности /54/. Обоснованная критика этих попыток уже дана в советской археологической литературе /8, с.51; 55/, а нам

не стоит ее повторить. Заметим лишь, что при таком подходе археологические источники вновь выглядят лишенными своей специфики, которая, в конечном счете, определяет потребность в целом арсенале археологических методов.

ЛИТ Е Р А Т У Р А

1. И в а н о в Г.М. Исторический источник и историческое познание. - Томск, 1973, с.38, 100.
2. П у ш к е р е в Л.Н. Понятие исторического источника в некоторых работах советских философов. - В кн.: Источниковедение отечественной истории. - М., 1976, с.75-86.
3. Ш е б е л е в С.А. Введение в археологию. - Пг., 1923, ч.П, с.3,4,9,27,130.
4. Г о р о д ц о в В.А. Археологии. - М.;Пг., 1923, т.1, с.16.
5. П р о н ш т е й н А.П. Истолкование исторических источников. - ВИ, 1969, № 10, с.72.
6. Б ы к о в с к и й С.Н. О предмете истории материальной культуры. - Сообщения ГАИМК, 1932, № 1-2, с.3-6.
7. Б ы к о в с к и й С.Н. Методика исторического исследования. - Л., 1931, с.31.
8. К л е й н Л.С. Археологические источники. - Л., 1978. - 120 с.
9. А р ц и х о в с к и й А.В., К и с е л е в С.В., С м и р н о в А.П. Возникновение, развитие и исчезновение "марксистской археологии". - ГАИМК, 1932, № 1-2, с.46-48.
10. К а м е н е ц к и й И.С., М а р ш а к Б.И., Ш е р Я.А. Анализ археологических источников. - М., 1975, с.67.
11. К и р я ш и н Ю.Ф., М а с л е н н и к о в а Г.В., Ш а м ш и н А.Б. Работы алтайской экспедиции. - АО 1980. - М., 1981, с.181-182.
12. М а т в е е в К.П., С а з о н о в А.А. Когда заговорил кленолист. - М., 1979, с.5.
13. Источниковедение истории СССР. - М., 1973, с.364.
14. К а б о В.Р. Теоретические проблемы реконструкции первобытности. - В кн.: Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. - М., 1979, с.60-107.

15. К о н И.С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. - М., 1959, с.236.
16. П о с р е д н и к о в В.А. Некоторые элементы религии еловского населения. - В кн.: Из истории Сибири, вып.19. - Томск, 1976, с.31.
17. А в д у с и н Д.А. Полевая археология СССР. - М., 1980, с.47.
18. Д љ я к о н о в а В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. - Л., 1975, с.6,23,42.
19. Т о к а р е в С.А. Обычаи и обряды как объект этнографического исследования. - СЭ, 1980, № 3, с.26-28.
20. У г р и н о в и ч Д.М. Обряды, за и против. - М., 1976. - 175 с.
21. В е т р о в А.А. Семиотика и ее основные проблемы. - М., 1968, с.28-29.
22. К а г а н М.С. Человеческая деятельность. - М., 1974. - 328 с.
23. П о п о в А.А. Душа и смерть по воззрениям ингушанов. - В кн.: Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. - Л., 1976, с.28-43.
24. Г р а ч е в а Г.Н. Человек, смерть и земля мертвых у ингушан. - В кн.: Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. - Л., 1976, с.44-66.
25. Ч е р н е ц о в В.Н. Представление о душе у обских угров. - Труды ИЭ, новая серия, 1959, т.51, с.114-156.
26. А л е к о е в Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов. - Новосибирск, 1980. - 317 с.
27. А л е к о е в н о Е.А. Представление кетов о мире. - В кн.: Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. - Л., 1976, с.67-105.
28. П е л я х Г.И. Происхождение селькупов. - Томск, 1972. - 424 с.
29. К у з њ м и н а Е.Е. Рецензия на кн.: Шилов В.П. Очерки по истории древнейших племен Нижнего Поволжья. - Л., 1976. - СА, 1977, № 2, с.261-265.
30. Ригведа: Избранные гимны. - М., 1972. - 418 с.
31. Ш и л о в В.П. Очерки по истории древнейших племен Нижнего Поволжья. - Л., 1976, с.88.

32. А н д е р о о н Д.Д. Об изменении доисторических моделей жизнеобеспечения эскимосов: предварительная разработка. - В кн.: Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. - М., 1981, с.67-82.
33. К и п а р и с о в Ф.В. Вещь - исторический источник. - Известия ГАИМК, вып.100, 1933, с.12.
34. К л е й н Л.С. Рец.: *New perspectives in archeology.* - СА, 1973, № 2, с.306.
35. З а х а р у к Ю.Н. Археологическая культура: категория онтологическая или гносеологическая. - В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. - М., 1976, с.4.
36. М а к о и м е н к о в Г.А. Впускные погребения охунского этапа в афанасьевских курганах. - СА, 1965, № 4, с.204-211.
37. К и о с е л е в С.В. Древняя история Южной Сибири. - М., 1951, с.400-401.
38. З д а н о в и ч Г.Б. Стратиграфия поселения Новоникольское I. - В кн.: Археологические исследования в Казахстане. - Алма-Ата, 1973, с.113-127.
39. П о г о д и н М.П. Судьбы археологии в России. - В кн.: Труды I археологического съезда в Москве, 1869. - М., 1871, т.1, с.1-2.
40. К л е й н Л.С. Структура археологической теории. - ВФ, 1980, № 3, с.99-115.
41. З а х а р у к Ю.Н. К вопросу о предмете и процедуре археологического исследования. - В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. - Л., 1975, с.4-6.
42. С е м е н о в С.А. Первобытная техника. - М.;Л., 1957. - 240 с.
43. М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Немецкая идеология. - Соч. 2-е изд., т.3, с.24.
44. Р ы б а к о в Б.А. Космология и мифология земледельцев неолита. - СА, 1965, № 2, с.13.
45. Народы Африки /Под ред. Д.А.Ольдерогге, И.И.Потекина. - М., 1954, с.540.
46. К у л е м з и н В.М., Д у к и н а Н.В. Васюганско-ваховские ханты. - Томск, 1977. - 225 с.

47. К о в а л е в с к а я В.Б. К изучению орнамента наборных поясов VI–IX вв. как знаковой системы. – В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М., 1970, с.144.

48. Р ы б а к о в Б.А. Космология и мифология земледельцев неолита. – СА, 1965, № 1, с.24–43; № 2, с.13–33.

49. Р а в е в с к и й Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. – М., 1977, с.21, 31, 36.

50. Ф о р м о з о в А.А. Очерки по истории русской археологии. – М., 1961, с.12–18, 21–22.

51. М а р к а р я н Э.С. Условные проблемы теории культурной традиции. – СЭ, 1981, № 2, с.78–96.

52. Ч и с т о в К.В. Традиция, "традиционные" общества и проблема варьирования. – СЭ, 1981, № 2, с.105–107.

53. З ы к о в М.Б. Понятие "память" как концептуальная основа для организаций междисциплинарного исследования понятия "культурная традиция". – СЭ, 1981, № 3, с.47.

54. Б о р я в В.Н. Природа археологического источника и объект археологии как науки. – В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. – Л., 1976, с.11.

55. З а х а р у к Ю.Н. Спорные вопросы объекта и предмета археологической науки. – В кн.: Вопросы теории и методологии археологической науки. – КСИА, № 152, – М., 1978, с.13.

А.Л.Кунгуров, Б.Х.Кадинов
(Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, Новосибирск;
краеведческий музей, Бийск)

МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ УСТЬ-СЕМА

В начале 60-х гг. сотрудник Бийского краеведческого музея Б.Х.Кадинов провел исследования палеолитического памятника в устье р.Сема, левого притока Катуня (Шебалинский район), открытого П.П.Хороших. В результате работ двумя раскопами вскрыта площадь свыше 400 кв.м. Общая мощность культурных слоев Усть-Семы – I м. Они залегают в пачке супесчаных отложений, перекрывающих аллювиальную песчано-галечниковую толщу террасы левого

берега Кетуни. Разборка культурных слоев производилась по горизонтам: I горизонт имеет мощность до 0,15 м; 2 - от 0,15 до 0,25 м; 3 - от 0,25 до 0,45 м; 4 - от 0,45 до 0,6 м; ниже 0,6 м - 5 горизонт.

В результате раскопок получено около 10 тысяч артефактов (коллекция под инвентарным № 153 Бийского краеведческого музея). В настоящей работе типологические выборки слоев и типы изделий сравнивались с помощью формулы χ^2 (хи-квадрат).

Следует отметить, что материалы Усть-Семы не однажды привлекали к себе внимание исследователей, но неверно трактовались из-за неизученности. Общеизвестным стало мнение, что культурный слой этого памятника залегает в "черном почвенном черноземовидном слое" /1; 2; 3/, а что вместе с наконечниками стрел обнаружены крупные скребла, чопперы и другие галечные орудия. В связи с этим особенно важна публикация материала поселения, позволяющая по-новому взглянуть на финал палеолитического времени Горного Алтая.

Перед непосредственным исследованием инвентаря необходимо сопоставить горизонты памятника с культурными слоями. Типологические выборки всех горизонтов были попарно сравнены с помощью формулы χ^2 (табл. I). Результаты сравнения: I и II горизонты $\chi^2 = 17,1$; II и III $\chi^2 = 2765,95$; III и IV $\chi^2 = 20,6$; IV и V $\chi^2 = 98,2$. "0" гипотеза была подтверждена в первом и третьем случае, следовательно, культурным слоям соответствует следующие горизонты: верхнему - I и 2, среднему - 3 и 4, нижнему - 5. Статистические выводы полностью согласуются с полевыми наблюдениями.

Таблица I
Типология выборки горизонтов поселения Усть-Сема

Горизонт	Тип находки										Сумма	
	нуклеусы			скребки	скребла	острия	резцы	пластины		чопперы		долота
	призмат.	клинов.	галечн.					об-р.	без обр.			
I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
I	7	-	-	7	-	2	2	6	30	-	I	55
2	6	10	-	18	-	2	8	32	125	-	I	202

Продолжение таблицы I

I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
3	27	9	1	47	4	8	13	43	189	-	3	344
4	20	23	4	35	6	4	13	66	197	1	-	369
5	1	3	8	6	4	4	8	3	13	5	1	66

Нижний культурный слой (горизонт 5, 64I артефакт). Отличительной чертой этого слоя является большое количество целых и колотых галек, галечных сколов и орудий (II %), тогда как в верхних слоях галечные изделия составляют соответственно 0,4 и 1,3 % и представляют собой, за редким исключением, отщепы и осколки. Для снятия мелких правяльных пластин использовались клиновидные (3) и грубопризматические (1) нуклеусы, а вот отщепы получали с неожиданной архайчностью ядра, редких для верхнепалеолитических памятников - дисковидных (рис. I, 1). Они представляют собой крупные расщепленные пополам валуны, с плоскости раскола которых радиально обинались грубые отщепы. Один из этих нуклеусов превращен после изготовления в рубящее орудие (рис. I, 2), остальные галечные нуклеусы не имеют устойчивых форм. Снятие отщепов на них производилось или с грубых, подготовленных одним-двумя сколами ядрами, или просто с плоской галечной поверхности валунов. Основную массу коллекции (70,8 %) составляют разнообразные отщепы и осколки. Пластин всего 16, из них ретушированы только 3.

Орудия составляют 7,5 % коллекции нижнего слоя, из них наиболее многочисленная группа - резцы (8 экз.) и резчики (4 экз.) Устойчивых типов резцов нет, рабочие кромки резцов оформлялись на удобных концах и краях осколков отщепов и орудий (рис. 5, 22-24). Резцы на пластинках не встречены.

Найдено шесть скребков. Следует подробнее остановиться на этом типе изделий. Всего в трех культурных слоях Усть-Семы насчитывается 113 скребков, которые поделены нами на 6 типов: I - концевые скребки на отщепах - характеризуются наличием рабочей кромки на дистальном конце отщепа. Единично встречен двойной концевой. В 3 горизонте найдены 4 скребка, аналогичных I типу, но с рабочими краями, расположенными на боковых краях широких отщепов. Они выделены во 2 тип. Тип 3 представлен

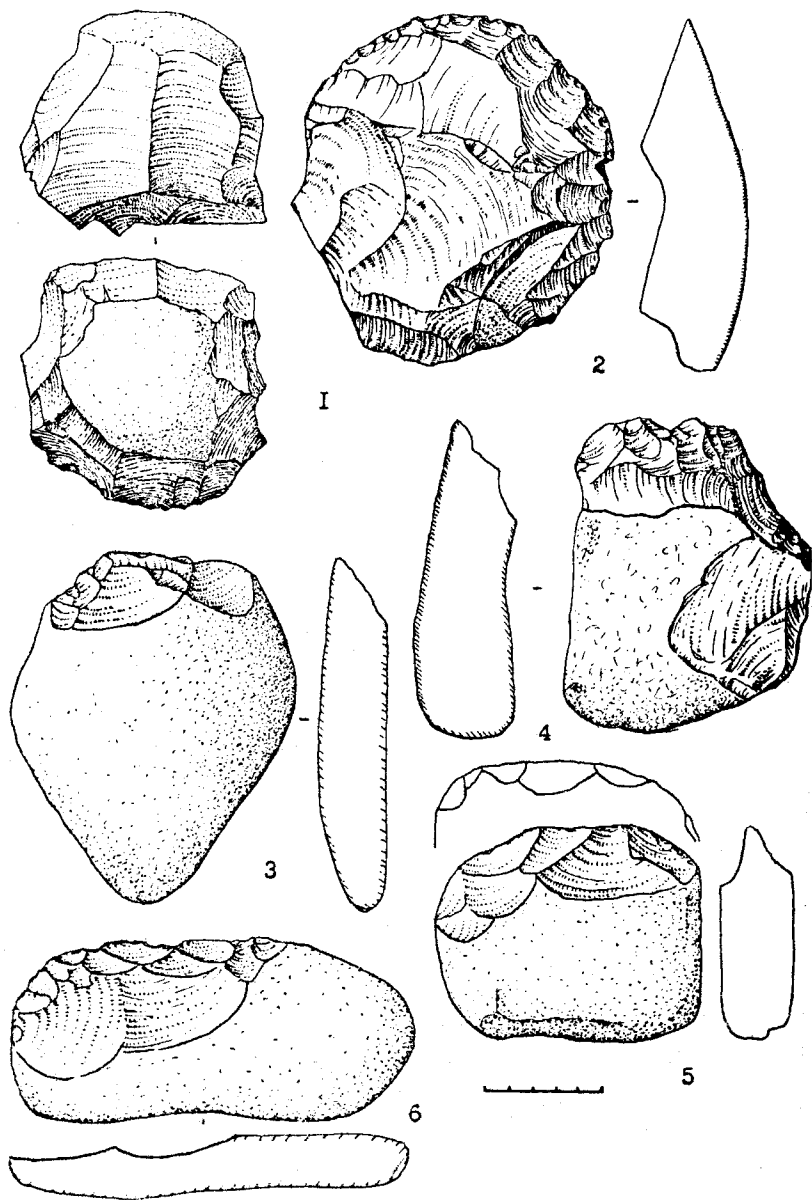

Рис. 1. Галечные изделия с поселения Усть-Сема: 1-3, 5, 6 -
 нижний культурный слой; 4 - средний культурный слой

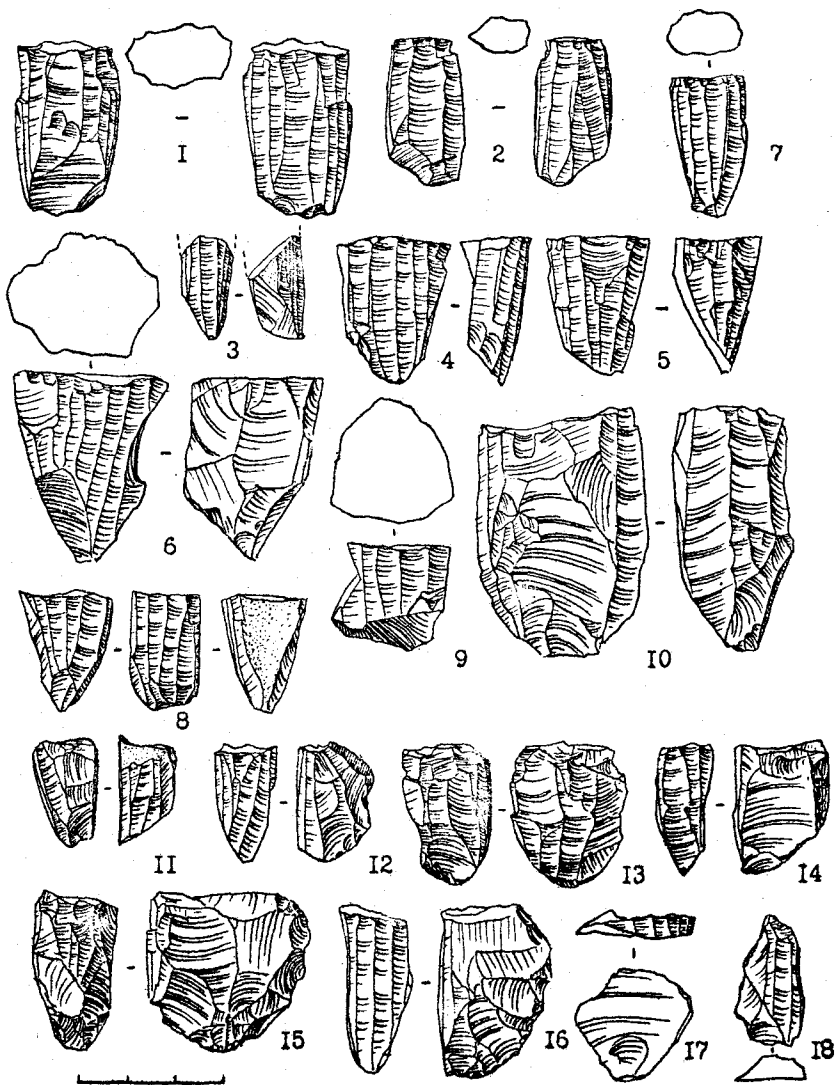

Рис.2. Нуклеусы с поселения Усть-Сема (верхний культурный слой)

скребками веерообразной формы, расширяющейся к рабочему краю. К 4 типу относится большая группа скребков, изготовленных на различных по конфигурации заготовках из отщепов. Объединяет их наличие рабочего края полуовальной или полукруглой формы, занимающего до половины периметра. Он охватывает преимущественно абрис отщепа, противоположный ударному бугорку. Тип 5 представлен скребками овальной или подпрямоугольной формы с ретушью по периметру (в некоторых случаях не обработана кромка ударного бугорка). Тип 6 представлен скребками, имеющими сегментовидную форму. Отдельно рассматриваются единичные и случайные изделия. В каждом из типов имеются скребки с высокой и низкой формой рабочего края.

Рассмотрим скребки нижнего культурного слоя. Тип 4 представлен здесь тремя орудиями (рис. 6, 31), тип 6 - одним. Два предмета определены как случайный и единичный. Этот последний имеет рабочий край в форме выступа, выделенного своеобразными "плечиками" (рис. 6, 30). В коллекции имеются четыре скребла, два представлены в обломках. Типологически все они однородны, несколько различаясь в размерах. Обработке подвергалась исключительно дорсальная сторона. Рабочий край этих изделий имеет овальную форму, обработан притупляющей ретушью (рис. 7, 9-13). Пять изделий отнесено к скобелям. Эти орудия выделяются по довольно устойчивым признакам: крутой, иногда отрицательный, высокий, острый рабочий край; плоские, занозистые фасетки отскокших при работе чешуек; частые заломы; наличие мелкой зубчатости. К скобелям, вероятно, можно отнести зубчато-внемчатые и внемчатые изделия, на которых мы остановимся особо. Скобели нижнего слоя оформлены на массивных осколках средних размеров. Три из них являются внемчатыми, два имеют прямой рабочий край. Острые четыре: два оформлены мелкими резцовыми сколами на острых концах отщепа и удлиненного осколка, два других имеют специально выделенные ретушью калыца (рис. 7, 17). В нижнем культурном слое Усть-Самы найдено 7 галечных орудий. Одно рубящее орудие изготовлено, как уже было сказано, с помощью односторонней приотстригающей оббивки из обработанного дисковидного нуклеуса. Остальные являются чопперами, 5 из них имеют характер рубящих орудий (рис. 1, 3, 5), а одно - скребловидное (рис. 1, 6). Скребловидный чоппер оформлен на длинном крае овального плоского валуна, рабочий край оббит сколами и

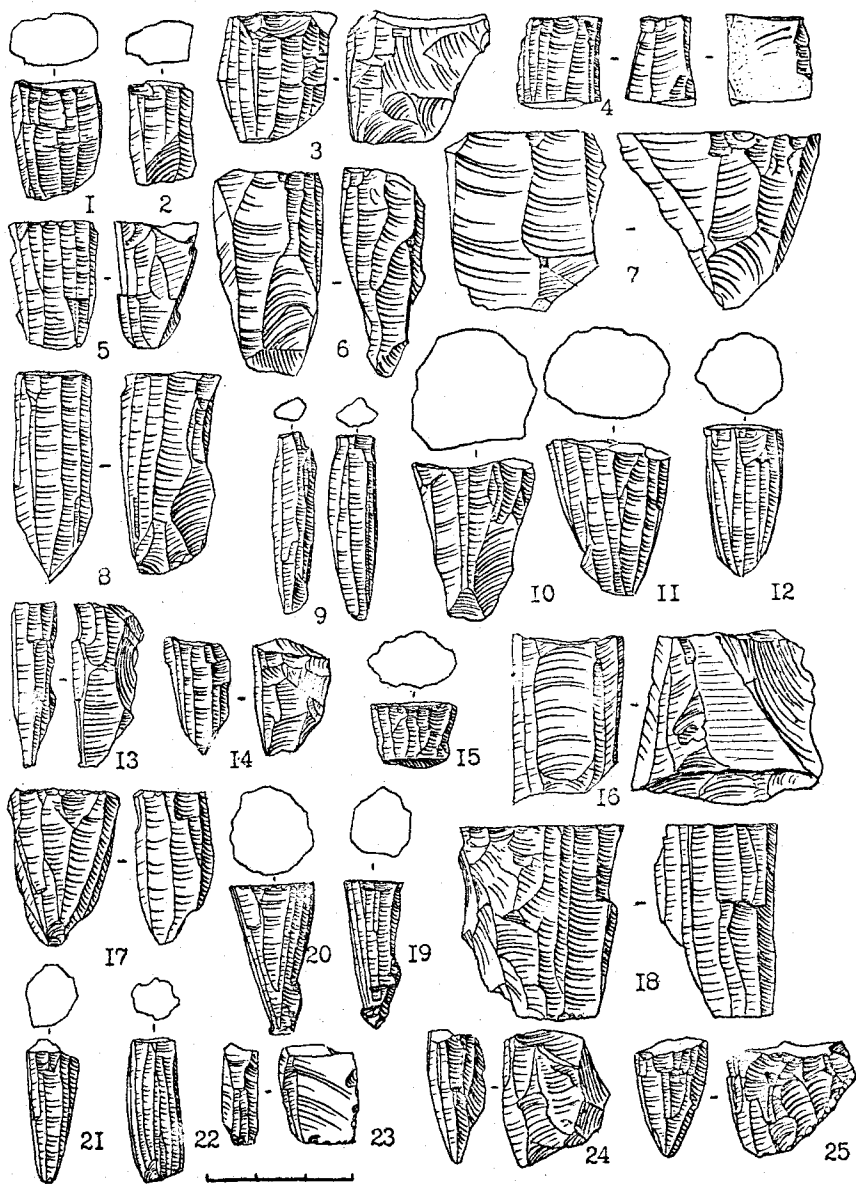

Рис.3. Нуклеусы с поселения Усть-Сема (средний культурный слой)

грубой притупляющей ретушью. Три чоппера изготовлены на целых крупных гальках и валунах, обработаны односторонне, один имеет двусторонне обработанное лезвие (рис. I, 5), последний оформлен односторонней оббивкой на разбитой гальке.

Средний культурный слой (горизонты 3-14, 52II артефактов) наиболее насыщен находками, они составляют 66,3 % всего инвентаря Усть-Семы. Как и в нижнем слое, большую часть составляют отщепы. Об интенсивности обработки каменного сырья в период существования среднего культурного слоя свидетельствует большое количество нуклеидных снятий (48) и нуклеусов (84), среди которых 5 галечных, все они аморфны. Исключение составляет нуклеус, имеющий две противоположные ударные площадки, образующие острый угол с осью орудия. После изработки этот нуклеус использовался как долото-видный инструмент. Остальные нуклеусы разделены нами на следующие типы:

- Уплотненно-призматические (2), характеризуются снятием пластин по всей поверхности овальной ударной площадки, обусловившей и форму нуклеуса (рис. 3, I, 2).

- Призматические (5), один из них двухплощадочный (рис. 3 4, 5, 12, 15, 17).

- Карандашевидные (3), видимо, до предела сработанные призматические, но выделяющиеся как достаточно устойчивая группа (рис. 3 9, 21, 22).

- Атилично-призматические (24) (рис. 3, 3, 6, 7, 16).

- Конусовидные (13) (рис. 3, 10, 11, 19, 20).

- Клиновидные торцового принципа скалывания (22), один из них двухплощадочный (рис. 3, 8, 13, 14, 18, 23-25).

- Кельтовидные (10) - клиновидные со снятием пластин с двух противоположных торцов и с одной ударной площадки. Обычно они крупнее остальных нуклеусов.

Ударные площадки перечисленных изделий составляют с осью орудий угол, преимущественно острый 90° . У 7 клиновидных и одного атилично-призматического этот угол острый.

В среднем культурном слое найдено 496 пластин (9,5 %). Их них 109 ретушированы (табл. 2). Орудий на пластинках немного: 8 боковых резаков (рис. 5, 16) и 6 резчиков. 9 пластин имеют подработку торца. Поскольку целых пластин всего 158, их размеры определялись по ширине, являющейся более устойчивым при-

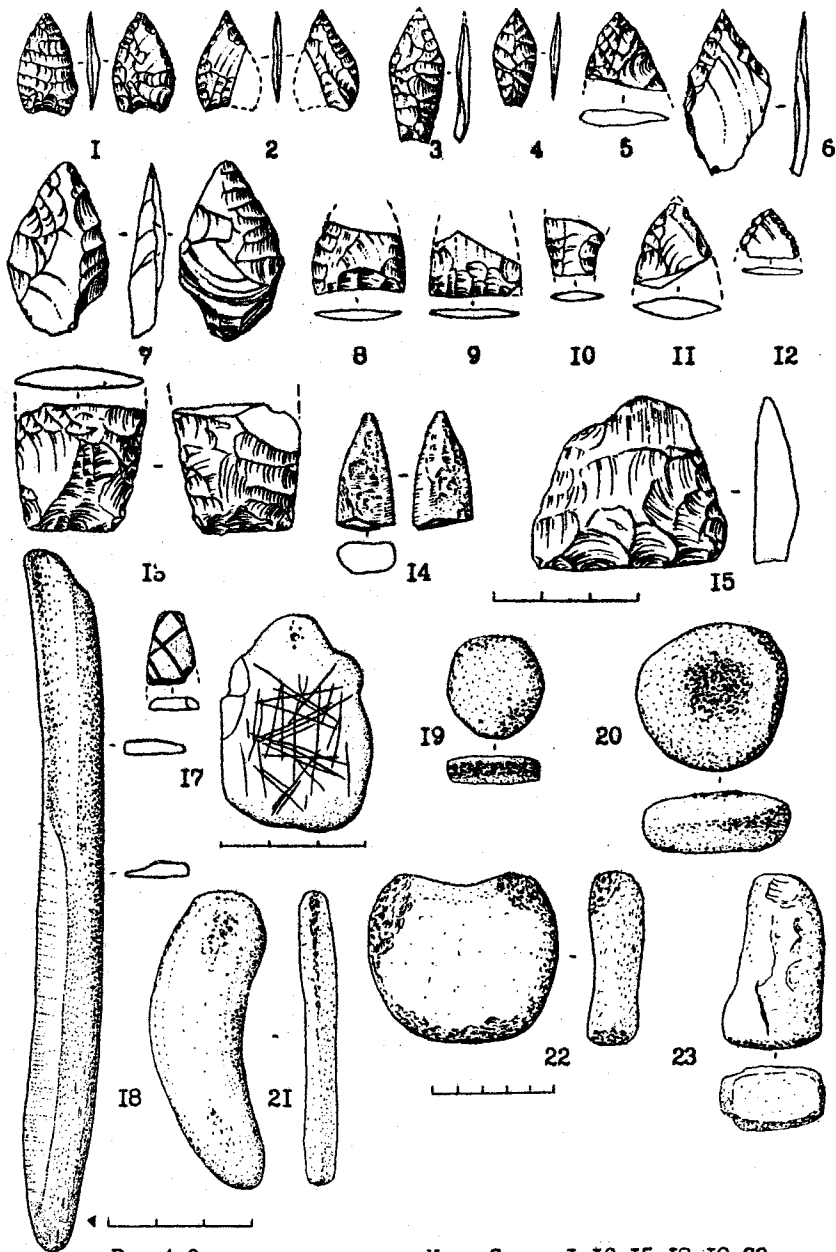

Рис.4. Орудия с поселения Усть-Сема: 1-10, 15, 18, 19, 22 - верхний культурный слой; 11-14, 17, 20, 21, 23 - средний культурный слой

знаком /4/. Крупных пластин только 10 (I,5-3,5 см), средних 154 (0,9-I,4), мелких 331 (0,3-0,7 см), т.е. большая часть - 66,8 % (рис.8 II, I2, I3). 337 пластин представлены обломками. Преобладают проксимальные фрагменты - 132 (26,7 %), ватем усеченные с двух концов пластины - 85 (I7,2 %), дистальные фрагменты - 66 (I2,7 %), сечения - 54 экземпляра (10,9 %). Наибольшая часть пластин обработана по одному (46 экз.) или двум (18 экз.) краям с дорсала, меньшая часть по одному (27 экз.) и по двум (4 экз.) краям с винтрала (на 9 пластинах сочетается ретушь по винтралу, дорсалу и двухсторонняя). Подсчеты расположения ретуши на пластинах велись независимо от количества пластин. Пластинчатые отщепы представлены 171 экземпляром, из них 5 тщательной обработкой превращены в орудия с зубчатым рабочим краем (рис.8, 54-56), а один является рванцом (рис.5, I2).

Орудий на отщепах в среднем культурном слое - 174 экз. (3,3 %). Наибольшим количеством представлены скребки - 82 экз. (47,1 %). Тип I насчитывает 23 орудия. Один скребок (из всей коллекции Усть-Семы) является двойным (рис.6, I5). Из них I4, в том числе и двойной, имеет высокую форму рабочего края, 3 - низкую, остальные занимают промежуточное положение (рис.6, I4, I5-I7, 29). Тип 2 - 5 экземпляров. Один имеет высокую форму. Рабочие лезвия оформлены у двух скребков на левом крае (рис.6, I2), а у трех - на правом (рис.6, I3). Тип 3 - 3 экземпляра, один высокой формы. Зажуживание к проксималу объясняется намеренным выбором заготовки (рис.6, I8, I9). Тип 4 - 17 экземпляров. Высокой формы - 7, низкой - 5. У одного скребка рабочий край оформлен на проксимальной части. 5 изделий имеют крупные размеры, приближаясь по величине к небольшим скребкам (рис.6, 20, 22-25). Тип 5 - 4 экземпляра, все высокой формы. Один скребок по очертаниям близок окружности, остальные - овальные (рис.6 28). Тип 6 - 6 экземпляров. Один экземпляр высокой формы, остальные низкой (рис.6, 21, 26, 27). Скребок случайных форм I9. Они изготовлены на отщепах и нуклеидных сколах (4), 3 орудия имеют два рабочих края овальной формы, расположенных один на винтральной, другой на дорсальной стороне. Встречен оригинальный скребок, отличающийся тем, что два его рабочих края расположены на верхней и нижней кромках дорсальной стороны. У двух изделий сколами обработана винт-

ральная часть. Единичных скребков 5. Они имеют не случайную, обусловленную очертаниями и конфигурацией отщепа, форму, а намеренно подготовленную – скребок с двумя рабочими краями, сходящимися под углом 30–40°. Края обработаны с дорсальной стороны притупляющей ретушью.

– 2 скребка с удлинённо-овальным рабочим краем (один обломан);

– скребок на округленном углу левого края и дистального конца отщепа;

– скребок концевой на осколке пластинчатого отщепа неправильной формы с двумя выступами на углах боковых и дистального краев (рис. 6, 23).

В среднем культурном слое обнаружено 10 скребел. Они довольно разнообразны. Три из них имеют по два рабочих края, одно конвергентное, два других – нет. Конвергентное скребло меньших размеров, более тщательно обработано, имеет ровный, плавный абрис рабочего края (рис. 7, 6). Кромка второго изделия зубчатая, рабочие края не сходятся под острым углом (рис. 7, 7). Третье скребло также не отличается тщательностью отделки, меньше первых по размерам. Рабочие края его также не сходятся, между ними сколом с дорсала образован острый выступ (рис. 7, 8). Четвертое орудие выполнено на подпрямоугольном тонком отщепе, левый край которого обработан разнофасеточными сколами и мелкой ретушью. В древности орудие было разбито на две части, которые найдены в разных квадратах, но на одной глубине (рис. 7, 2). Пятое скребло кроме овального рабочего края имеет скобелевидную выемку на краю и рецзовый скол, снявший часть рабочей кромки (рис. 7, 3). Шестое орудие, второе по величине, изготовлено из крупного плоского краевого отщепа. Один из его краев двусторонне оббит широкими плоскими сколами (рис. 7, 1). Седьмое скребло изготовлено из крупного подтреугольного краевого скола. Большая часть дорсала сохраняет валунную корку (рис. 7, 14). Остальные скребла менее выразительны, имеют случайную форму (рис. 7, 4, 5).

Большую группу в 26 изделий составляют резцы (12%). Среди них 3 двойных боковых на отщепах (рис. 5, 10, 14, 17), 5 боковых на отщепах (рис. 5, 18), 9 угловых на отщепах (рис. 5, 15, 20), 4 срединных (рис. 5, 9, 15), 1 двойной боковой с противолежащими рабочими кромками на одном краю отщепа (рис. 5, 19), 4 резца

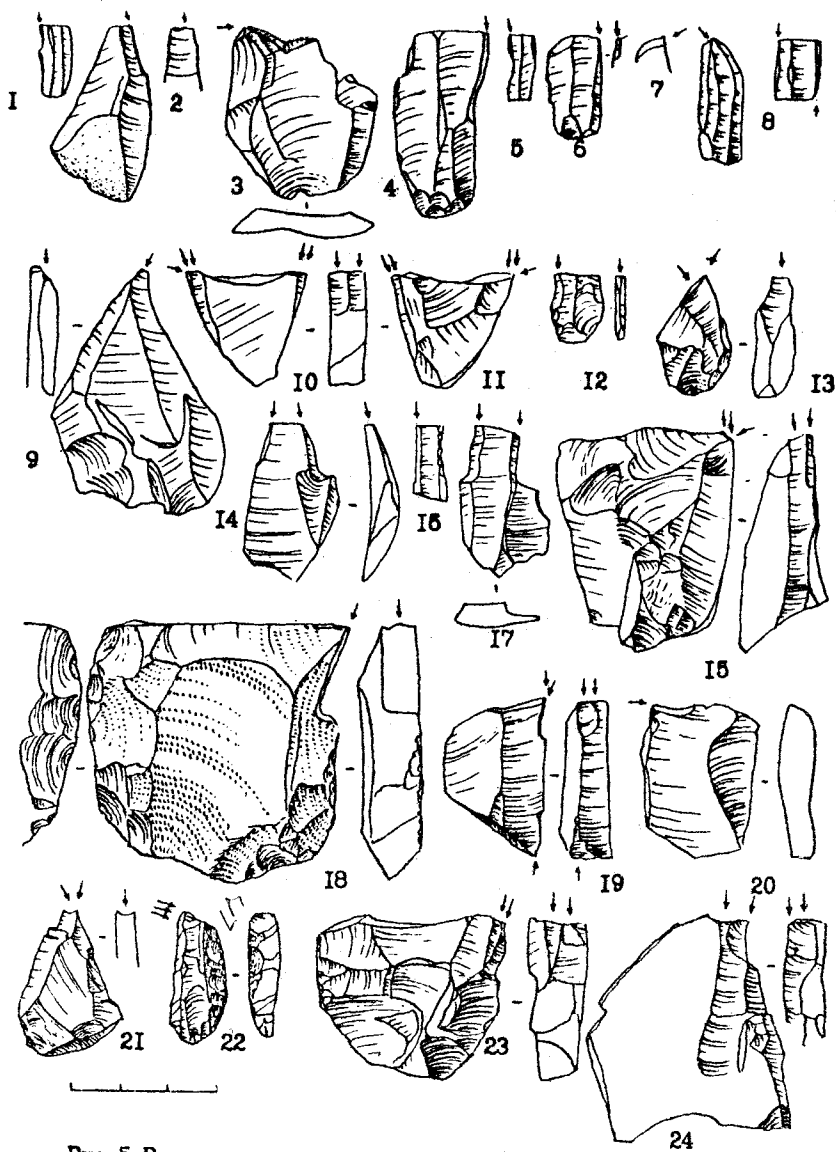

Рис.5.Резцы и резчик с поселения Усть-Сема:
 1-8 - верхний культурный слой; 9-21 - средний; 22-24 - нижний культурный слой

случайных форм. Найдено также 8 боковых резцов на пластинках. Встречен один полиэдрический резец. К резчикам отнесено 7 предметов. Скобелы представлены 33 экземплярами: 15 зубчато-выемчатых (рис.8,54-57,59), 8 выемчатых (рис.8,58) и 5 с прямым рабочим краем. Сюда же отнесены 5 зубчато-выемчатых орудий на пластинчатых отщепях, о которых уже упоминалось. Острий 12. Орудий со специально выделенными калъцами нет. У четырех изделий острия оформлены мелкими, остальные обработаны мелкими сколами и ретушью на острых краях отщепов. Долотовидных орудий всего 3, они невыразительны. Найдены только один чоппер (рис.1,4).

Большой интерес представляют два украшенных гравировкой предмета. Один - обломок сланцевого изделия удлиненной формы (подвеска?) с прорезанными линиями, образующими сеточку (рис.4, 16). Второй предмет является заготовкой крупной подвески-амулета из кремнистого материала. На ее уплощенной подшлифованной стороне имеется несколько углублений-сверлин, резцом или резчиком прорезаны линии, образующие какую-то комбинацию (рис.4,17). В материале среднего культурного слоя имеется также обломок мягкого камня со следами подшлифовки (рис.4,14).

Верхний культурный слой (горизонты I-2, 2001 артефакт). Находки этого культурного слоя залегают в почвенном горизонте и в кровле отложений супесчаной пачки. Отличает этот слой отсутствие скребел и галечных орудий, обнаружено только 8 осколков галек. Залегание верхнего слоя близко к современным отложениям привело к тому, что среди находок есть поздние предметы. Это несколько фрагментов керамики с орнаментом раннего железного века, 3 обломка зернотерок, бронзовый нож, вероятно, одновременный керамике (рис.4,18). Керамики раннего облика в коллекции нет, поэтому находки накопечников стрел из кремня можно с уверенностью отнести к верхнему культурному слою, тем более, что 7 из них представлены обломками, а 2 - заготовками.

Отщепы составляют 52,7 % инвентаря. Нуклеидных снятий (рис.2,17,18) - 0,8 %, реберчатых сколов - 1,4 %, столько же, сколько и в предыдущем слое. Несколько меньше в процентном отношении нуклеусов - 1,15 %. Галечных нуклеусов нет. Призматические нуклеусы представлены слабее: уплощенно-призматических - 3 (рис.2,1,2,7), призматических и карандашевидных нет совсем,

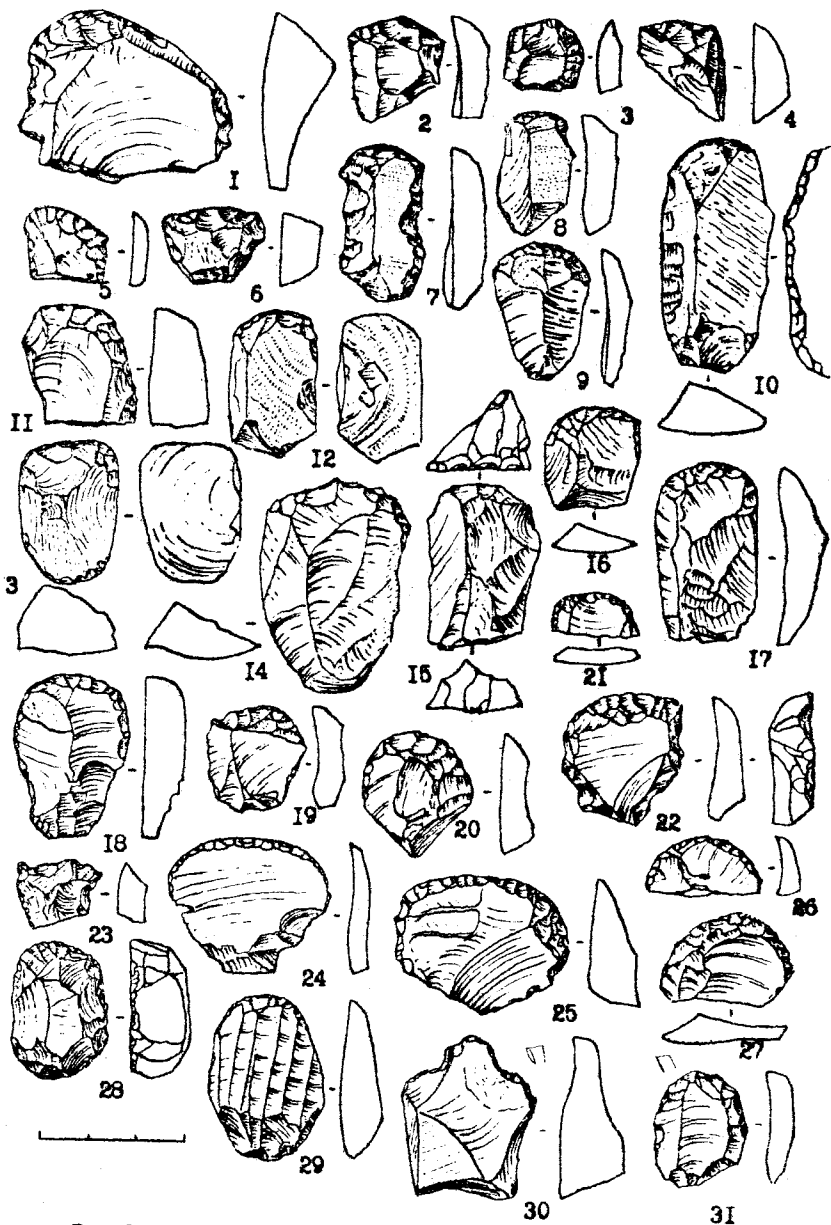

Рис.6.Скрепки с поселения Усть-Сема: I-II - верхний культурный слой; 12-29 - средний; 30,31 - нижний культурный слой

стично-призматических - 8 (рис.2,4-6,8,9). Конусовидных нуклеусов тоже нет. Клиновидные представлены 9 экземплярами (рис.2,3,12-16), кельтовидный - одним (рис.2,10) и два предмета являются нуклеовидными (рис.2,11). Ударная площадка составляет угол, равный 90° у всех предметов. Пластин в верхнем культурном слое - 193 (9,6 %), 38 ретушировано (рис.8,1-9), (табл.2). На пластинах изготовлено 3 боковых резца (рис.5,1,5,6), один двойной боковой (рис.5,8) и 3 резчика (рис.8,9). 2 пластины имеют подработку с торца. Крупных пластин по ширине - 9, средних - 41, остальные 143 - мелкие. Целых пластин 60, остальные представлены в обломках: проксимальные фрагменты - 44, дистальные - 31, сечения - 31 и усеченные с двух концов пластины - 27. В расположении рабочих краев, как и в среднем слое, преобладает обработка с дорсальной стороны по I (на II экз.) и 2 (на 8 экз.) краям. С винтральной стороны по I краю обработано II пластин, по двум краям только 3. Двустороннее ретуширование имеется только на одной пластине. Пластинчатых отщепов насчитывается 79, на 10 встречена ретушь. Орудий на отщепах 63 (3,15 %). Отсутствуют такие показательные орудия, как скребла, имеющиеся в нижних горизонтах.

Как и в среднем слое, наиболее многочисленными являются скребки - 25 экземпляров. Тип I представлен 9 экземплярами, I на нуклеовидном отщепе (рис.6,2-4,5,7,8,10), тип 3 - 3 изделия (рис.6,9), тип 4 - 5 изделий (рис.6,1), тип 5 - 3 изделия (рис.6,6), у двух, более округлой формы, не ретуширована кромка ударного бугорка. Пять скребков имеют случайную форму (рис.6,11). В верхнем слое обнаружено 6 резцов, к ним можно прибавить 4 на пластинах. Устойчивых типов нет, кромки оформлены, по-преимуществу, на боковых краях отщепов (рис.5,2,4), в одном случае - на углу пластинчатого отщепа (рис.5,7). Резчиков - 6 (рис.5,3). Скобели представлены 16 экземплярами: зубчато-выемчатых форм - 8, выемчатых - 4 (рис.5,57), скобелей с прямым рабочим краем - 4. Обнаружено 2 долотовидных орудия. Очень интересны острия (4 экз.), особенно два из них, с выделенными, тщательно ретушированными калейцами (рис.7,15,16). Еще одно острие следует отметить потому, что оно единственное из острий Усть-Семы, которое безошибочно можно определить как сверло. Его кончик до предела стерт и заполирован, а линейные концентрические следы видны невооруженным глазом.

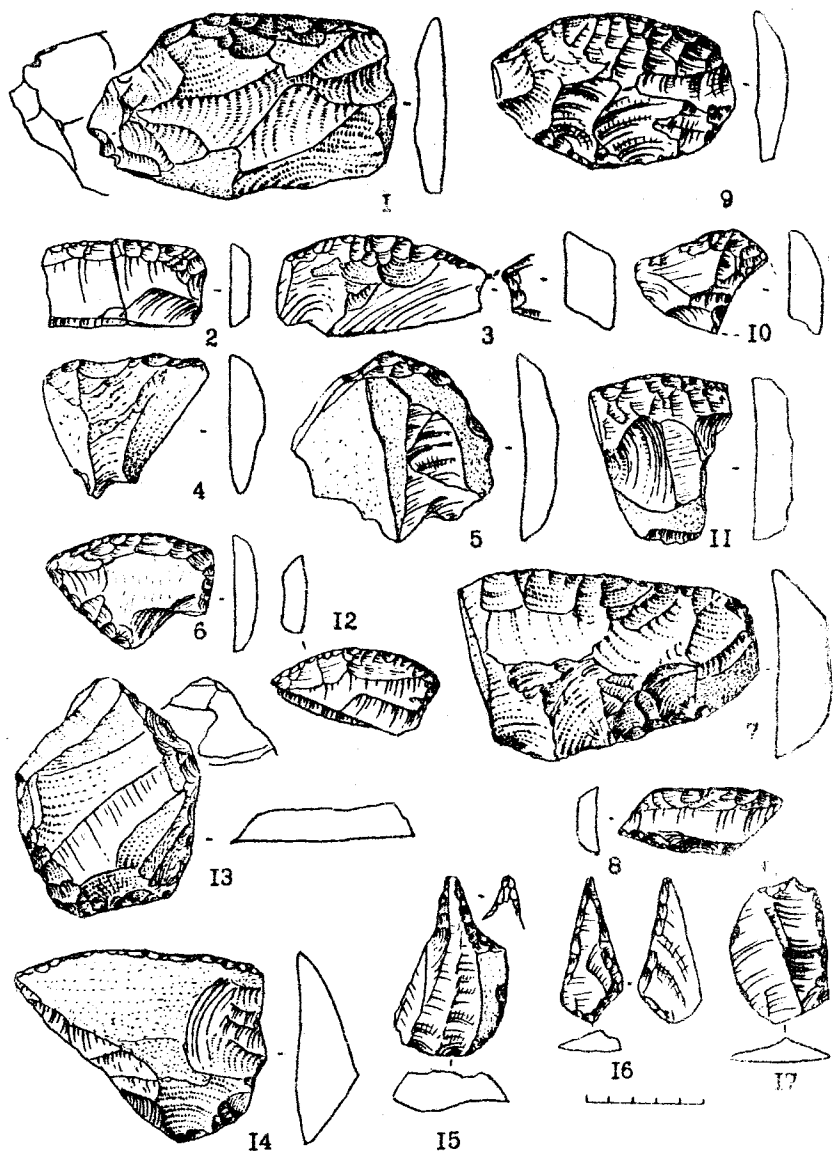

Рис.7.Скребки с поселения Усть-Сема: 1-8,14-16 - средний культурный слой;9-13,17 - нижний культурный слой

Таблица 2

Тип-лист
составных элементов культурных слоев поселения Усть-Сема

№ п/п	Типы сколов и заготовок	С л о й					
		нижний		средний		верхний	
		к-во	%	к-во	%	к-во	%
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Пластины мелкие	6	0,93	33I	6,35	I43	7,15
2	средние	10	1,56	I54	2,95	4I	2,05
3	крупные	-	-	10	0,2	9	0,44
4	Дистальные фрагменты	-	-	66	1,26	3I	1,5
5	Проксимальные фрагменты	II	1,72	I32	2,53	44	2,2
6	Сечения	I	0,15	54	1,0I	3I	1,5
7	Пластины усеченные	3	0,47	85	1,63	27	1,35
8	целые	5	0,78	I58	3,03	60	2,99
9	Нуклеусы галечные	8	1,25	5	0,09	-	-
10	клиновидные	3	0,47	22	0,42	9	0,44
II	кельтовидные	-	-	10	0,19	1	0,05
12	призматические	I	0,15	5	0,09	-	-
13	уплощенно-призматические	-	-	2	0,04	3	0,15
14	карандашевидные	-	-	3	0,06	-	-
15	конусовидные	-	-	13	0,25	-	-
16	атипично-призматические	-	-	24	0,46	8	0,4
17	Отщепы мелкие	I94	30,3	I954	37,5	680	34
18	средние	II3	I7,6	803	I5,4	345	I7,2
19	крупные	57	8,9	I73	3,3	59	2,9
20	Чешуйки	20	3,12	494	9,5	290	14,5
21	Реберчатые сколы	8	1,25	94	1,8	35	1,75
22	Нукл. сколы и обломки	8	1,25	29	0,55	10	0,5
23	Снятие площ. нукл.	2	0,3	19	0,36	6	0,3
24	Отщепы пластинчатые	I5	2,3	I7I	3,3	79	3,9
25	краевые	62	9,7	100	1,9	3I	1,5
26	Обломки галек	44	6,9	63	1,2	8	0,4
27	Гальки со сколами	I4	2,2	-	-	-	-
28	Орудия на гальках	7	1,1	1	0,02	-	-
29	Осколки мелкие	8	1,2	98	1,89	24	1,2
30	средние	7	1,1	I3I	2,5	43	2,15
31	крупные	I3	2,1	79	1,5	20	0,99

В	1	2	3	4	5	6	7	8
---	---	---	---	---	---	---	---	---

Краявая обработка пластин

I	Оба края с дорсала	I	18*	3,6	3,6	8*	4,1
2	с винтрала	I	4*	0,8	0,8	3*	1,55
3	Левый край с винтрала	-	8	1,6	1,6	6	3,1
4	с дорсала	-	-	2I	4,2	5	2,6
5	Правый край с винтрала	-	-	12**	2,4	3	1,55
6	с дорсала	-	-	16	3,2	3	1,55
7	Оба края двусторонние	-	-	3	0,6	-	-
8	Левый край двусторонний	-	-	3	0,6	I	0,5
9	Левый - дорсал, правый - винтрал	-	-	2	0,4	2	1,03
10	Левый - винтрал, правый - дорсал	I	-	4	0,8	-	-
11	Левый - дорсал, правый - двусторонний	-	-	I	0,2	I	0,5
12	Притупленный торец	-	-	9***	1,8	2**	1,03
13	Притупленная спинка	-	-	I	0,2	-	-

Изделия из пластин

I	с концевой подработкой:	-	-	9	1,8	2	1,03
2	со скошенным концом	-	-	2	0,4	-	-
3	с прямым концом	-	-	7	1,4	2	1,03
4	резчик	-	-	6	1,2	3	1,55
5	резец	-	-	8	1,6	4	2,07
6	Пластин с односторонней ретушью на 1 крае	-	-	60	12,1	18	9,3
7	Пластин с односторонней ретушью на 2 краях	3	-	28	5,6	13	6,7
8	Пластин с двусторонней ретушью на 1 крае	-	-	6	1,2	2	1,03
9	Пластин с двусторонней ретушью на 2 краях	-	-	3	0,6	-	-
10	Пластин с притупленным краем	-	-	I	0,2	-	-
11	обработка по винтралу	2	-	29	5,85	14	7,25
12	обработка по дорсалу	2	-	64	13	19	9,8
13	обработка двусторонняя	-	-	9	1,8	I	0,5

----- 1 ----- 2 ----- 3 ----- 4 ----- 5 ----- 6 ----- 7 ----- 8 -----

Изделия из отщепов и галек

1	Скребки	6	0,9	82	1,6	25	1,25
2	тип I	-	-	23	0,4	9	0,45
3	тип II	-	-	5	0,09	-	-
4	тип III	-	-	3	0,06	3	0,15
5	тип IV	3	0,47	17	0,3	5	0,25
6	тип V	-	-	4	0,07	3	0,15
7	тип VI	I	0,15	6	0,1	-	-
8	единичные и случайные	2	0,3	24	0,46	5	0,25
9	Скребла	4	0,6	10	0,2	-	-
10	с I рабочим краем	4	0,6	6	0,1	-	-
11	с 2 рабочими краями	-	-	3	0,06	-	-
12	конвергентные	-	-	1	0,02	-	-
13	Острия	4	0,6	12	0,23	4	0,19
14	Скобели	5	0,8	33	0,63	16	0,8
15	зубчато-внемчатые	-	-	20	0,4	8	0,4
16	внемчатые	3	0,47	8	0,14	4	0,19
17	с прямым краем	2	0,3	5	0,09	4	0,19
18	Резцы	8	1,25	26	0,49	10	0,5
19	Резчики	4	0,6	7	0,13	6	0,3
20	Долото	I	0,15	3	0,06	2	0,09
21	Чоперы	6	0,9	1	0,02	-	-
22	Отщепы с ретушью	II	1,7	47	0,9	13	0,6

Наконечники стрел (12 экз.) и наконечник дротика (рис. 4, 1-13) имеют сходные приемы обработки, хотя форма их довольно разнообразна: все, за исключением заготовок, имеют одну сторону, полностью обработанную встречной ретушью, другую - обработанную по краям. Интересным предметом является двусторонне обработанное орудие с подшлифовкой, видимо, тесло (рис. 4, 15).

В верхнем и среднем культурных слоях найдено 5 орудий, использовавшихся для обработки каменных изделий (рис. 4, 19-23). Они представляют собой уплощенные овальные и удлиненную галечку с многочисленными выщерблинами на краях и посередине (рис. 4, 20). Один предмет, кроме отбойника, служил еще и пестиком (рис. 4, 23).

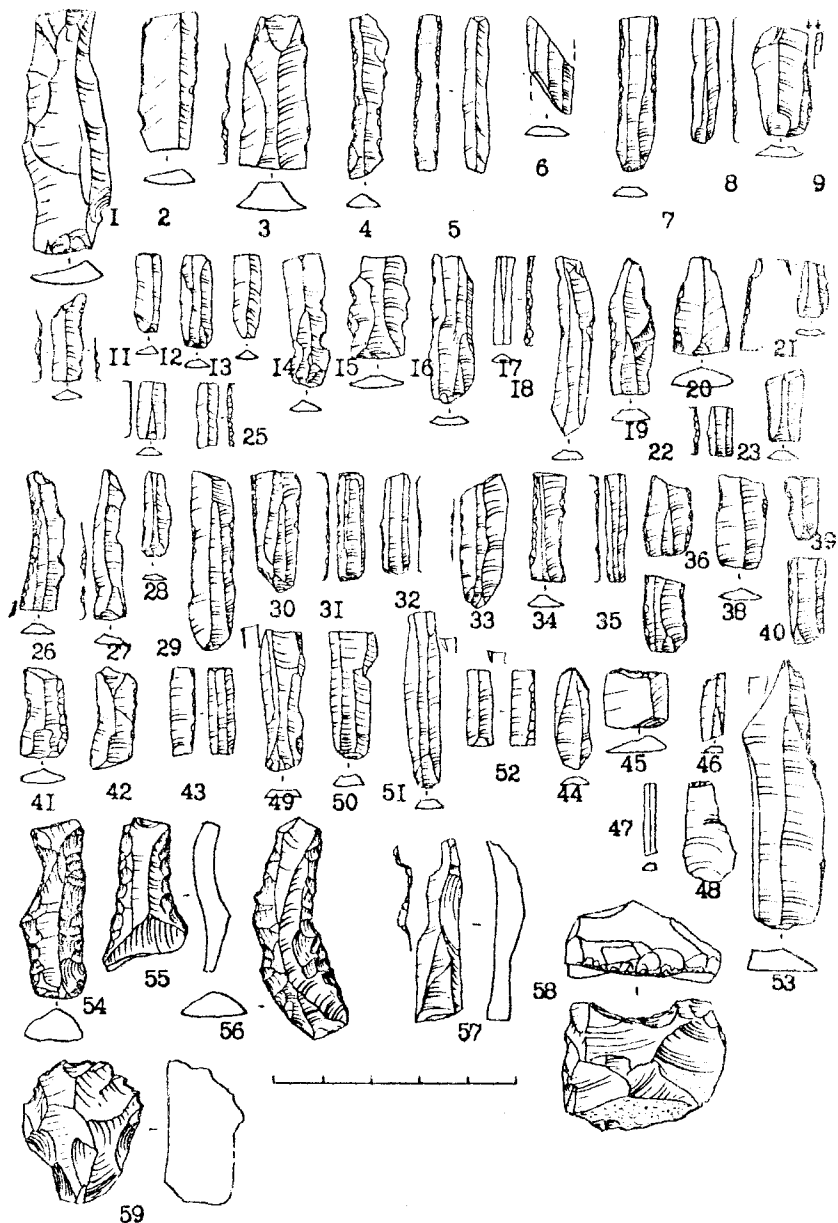

Рис.8.Пластины с поселения Усть-Сема: 1-9, 57 - верхний культурный слой; 10-48, 54-56, 58-59 - средний культурный слой; 49-53 - нижний культурный слой

Сделаем некоторые выводы, вытекающие из анализа материала. На поселении Усть-Сема представлены три разновременных культурных слоев, давших многочисленный интересный материал. Нижний слой следует датировать палеолитическим временем. Большое сходство материал этого слоя имеет с инвентарем поселения Каратурук /5/ и нижнего слоя Маймы /6/, что мы отмечали ранее /7/. Однако Каратурук и Майма являются более поздними памятниками, так как на них отсутствуют такие архаичные предметы, как диоксицидные нуклеусы, чоперы и в то же время более развитая техника снятия призматических пластин. Видимо, эти памятники являются этапами развития палеолитической культуры Алтая, имеющей сильные галечные традиции. Наиболее древними стоянками этой культуры являются Тымечин 2 /8/ и Одинцовка 4 /9,10/.

С помощью X² сравнили пластины по технике обработки и типы скребков среднего и верхнего культурного слоев. Оба сравнения показали полное сходство этих изделий ("0" гипотеза была подтверждена), что свидетельствует о незначительном хронологическом разрыве между слоями, на протяжении которого не произошло существенного изменения данных групп орудий (изменения коснулись их процентного соотношения). В верхнем культурном слое, по сравнению со средним, увеличилось количество пластин, обработанных с винтрала (с 5,85 до 7,25 %), и уменьшился с 13 до 9,8 % пластин, обработанных с дорсала. Уменьшается также количество средних пластин (с 2,95 до 2,05 %) за счет увеличения с 6,35 до 7,15 % количества мелких пластин. Приведенные примеры свидетельствуют об усиливающейся микролитизации верхнего слоя. Эти культурные слои выходят за рамки палеолитического времени и, скорее всего, представляют собой ступени развития культур эпохи мезолита.

ЛИТЕРАТУРА

1. А б р м о в а З.А. Находки каменного века в Абакано-Минусинской котловине. - В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. - Новосибирск, 1975, с.21-30.
2. О к л а д н и к о в А.П. К вопросу о мезолите и эпипалеолите в азиатской части СССР. - МИА, 1966, № 126, с.216.
3. История Сибири. Древняя Сибирь, т. I. - Л., 1968, с. 79.
4. К о р о б к о в а Г.Ф. Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии. - СА, 1973, № 3, с.12-20.

5. К а д и к о в Б.Х., Л а п ш и н Б.И. Каратурук - новая стоянка каменного века Горного Алтая. - В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск, 1978, с.3-10.

6. Л а п ш и н Б.И., К а д и к о в Б.Х. Позднепалеолитическая стоянка у села Майма в Горном Алтае. - В кн.: Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. - Новосибирск, 1981, с.9-21.

7. К у н г у р о в А.Л. Финальный палеолит Алтая. - В кн.: Проблемы исследования каменного века Евразии: Тезисы докладов. - Красноярск, 1984, с.28-30.

8. Ш у н ь к о в М.В. К вопросу о мустьерских памятниках Алтая. - В кн.: Палеолит Сибири. - Новосибирск, 1983, с.31-33.

9. К у н г у р о в А.Л. К вопросу о датировке палеолитических местонахождений у с.Одинцовка. - В кн.: Археология и этнография Южной Сибири. - Барнаул, 1984, с.20-25.

10. Л а п ш и н Б.И. Каменные орудия из района слияния Бии и Катунь. - В кн.: Археология Северной Азии. - Новосибирск, 1982, с.14-22.

В.И.Молодия, В.Т.Петрин

(Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, Новосибирск)

РАЗВЕДКА В ГОРНОМ АЛТАЕ

Археологическое изучение памятников в Горном Алтае имеет достаточно длительную историю. Библиография, посвященная археологии Алтая, насчитывает в настоящее время не одну сотню наименований публикаций, статей и монографий. Однако работа по паспортизации археологических объектов, постановке их на государственный учет фактически только начинается.

Огромное количество курганных могильников, которыми так богат этот район, часто приводило, как это ни парадоксально, к тому, что документация исследователей, раскапывающих тот или иной объект, страдала слабой информативностью. В результате чего одни и те же памятники "открывались" порой по несколько раз. Поэтому в настоящее время так остро стоит проблема составления археологической карты Алтая. Это тем более важно,

что многие археологические объекты просто гибнут из-за бесхозяйственности отдельных руководителей на местах, гибнут, так и не дождавшись своих исследователей.

Данная работа вводит в научный оборот материалы для археологической карты Горного Алтая.

Весной 1979 г. Западно-Сибирский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции вел работы в Горном Алтае. Общее руководство работами осуществлялось академиком Алексеем Павловичем Окладниковым /1/. Основной целью работы отряда являлись целенаправленные разведки по обнаружению памятников, прежде всего каменного века, а также проведение рекогносцировочных раскопок (рис.1). Неоценимую помощь в полевых работах оказали авторам научные сотрудники ИИФФ СО АН СССР к.и.н. А.П.Погожева, к.и.н. А.К.Конопецкий, аспиранты В.И.Лашин и Н.В.Полосмак, преподаватель АГУ к.и.н. Ю.Ф.Киршин.

Разведки и стационарные раскопки проводились в районе с.Манжерок Майминского района Горно-Алтайской автономной области. В 1,5 км от села вверх по р.Катунь в нее впадает р.Едрала, вытекающая из озера Манжерокского, расположенного в 4 км от Катуня, в горах. На обоих берегах устья р.Едрала расположены постройки с.Манжерокская Заимка, к востоку от устья, сразу за Чуйским трактом - пионерский лагерь, в верховьях ручья, на озере - отделение совхоза.

По предварительной классификации открытые памятники подразделяются следующим образом: 6 стоянок, 2 поселения, 3 могильника и 5 местонахождений.

М а н ж е р о к - I. Памятник расположен в устьевой зоне р.Едрала. В 1977-1978 гг. А.П.Окладниковым здесь были произведены сборы подъемного материала с галечного пляжа Катуня и Едралы. В 1979 г. на правом устьевом мысу (высота над уровнем Катуня-6 м) было заложено 2 раскопа площадью 20 и 48 кв.м. Стратиграфически разрезы раскопов различаются лишь деталями и мощностью. В обобщенном виде выявлена следующая стратиграфия:

- 1) почвенный слой серого цвета, сильно опесчаненный, мощность до 0,4 м;
- 2) крупнозернистый песок серого цвета с мелкими галечками, косослоистый, мощность до I м;
- 3) галечник с мелкими валунчиками и крупнозернистым песком, залегает неравномерно, мощность до I,5 м;

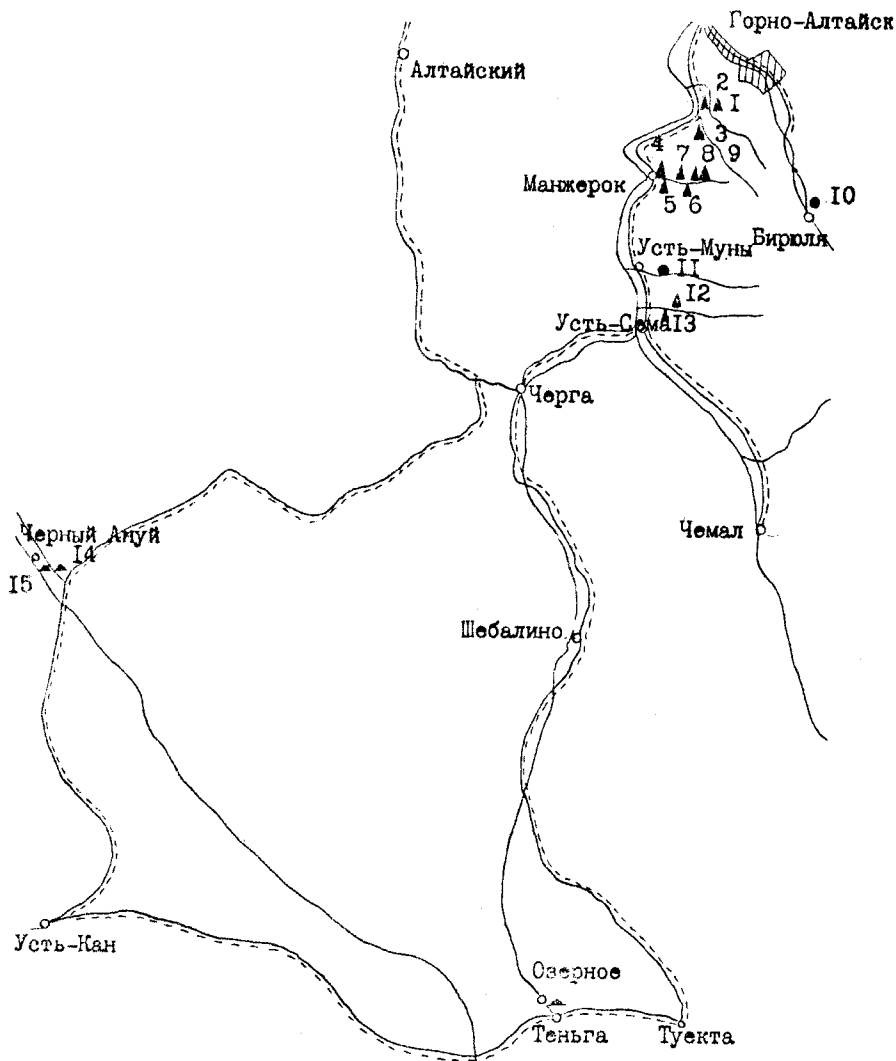

Рис. I. Схема археологических памятников, обследованных в 1979г.:
 1 - Черемшанка-I; 2 - Черемшанка-2; 3 - II3-й км; 4 - Манжерок-2 ;
 5 - Манжерок-2; 6 - Едрала-I; 7 - Едрала-2; 8 - Едрала-3; 9 - Едрала-4;
 10 - Бирюля I; II - Муны-I; 12 - Мунушка-I; 13 - Мунушка-2; 14 - Чер-
 ный Ануй-I; 15 - Черный Ануй-2; 16 - Озерное-2.
 ▲ - стоянка, ● - поселение, ◻ - могильник

4) сусесь серо-желтого цвета, плотного, без прослоев, мощность до 0,5 м;

5) галечник с валунчиками, щебенированный суглинистыми отложениями, видимой мощностью до 0,4 м.

Культурные остатки верхнепалеолитического облика, залегающие в галечнике (слой 3), имеют следы некоторой окатанности, их перестроенный характер не вызывает сомнений, это подчеркивается еще и тем обстоятельством, что ниже в сусеся (слое 4) найден непотревоженный культурный горизонт с каменными орудиями и небольшим количеством фрагментов керамики. Такая парадоксальная ситуация, когда типологически яркие палеолитические вещи лежали выше остатков неолита, а может и более позднего времени, требует своего объяснения. Можно предположить, что долина Едралы была привлекательной для обитания на протяжении длительного времени, в результате чего на мысах и других удобных местах появились культурные отложения. Уже в голоцене существовала небольшая отсыпка и непосредственно в устье. Из-за катастрофического обводнения, происходившего, примерно, 6-4 тыс. лет назад, мощный поток разрушил культурные напластования и вместе с галечником вынес материал палеолитического времени в устьевую зону и этим самым перекрыв в непотревоженном состоянии слой более поздней стоянки.

Каменные орудия палеолитического горизонта представлены скреблами (рис.2,3), крупными ножевидными пластинами (рис.7,2,4) и выразительными нуклеусами леваллуазского облика (рис.2,1), видимо, финальной стадии этой традиции, имеются и другие нуклеусы (рис.2,5).

Что же касается более позднего культурного слоя, содержащего керамику, то он включает в себя призматические нуклеусы, скребки и отщепы.

Определенное сходство каменного инвентаря памятника Манжерок-I прослеживается со стоянкой близ с.Майма в Горном Алтае /2/.

М а н ж е р о к - 2. Памятник находится на левом берегу Едралы, в месте пересечения ее Чуйским трактом, причем, последний частично нарушил стоянку, и первоначально археологический материал был собран на дорожном откосе. Раскоп обнаружил богатый слой, возможно, мезолитического времени. Судя по находкам (огромное количество отщепов, много краевых ско-

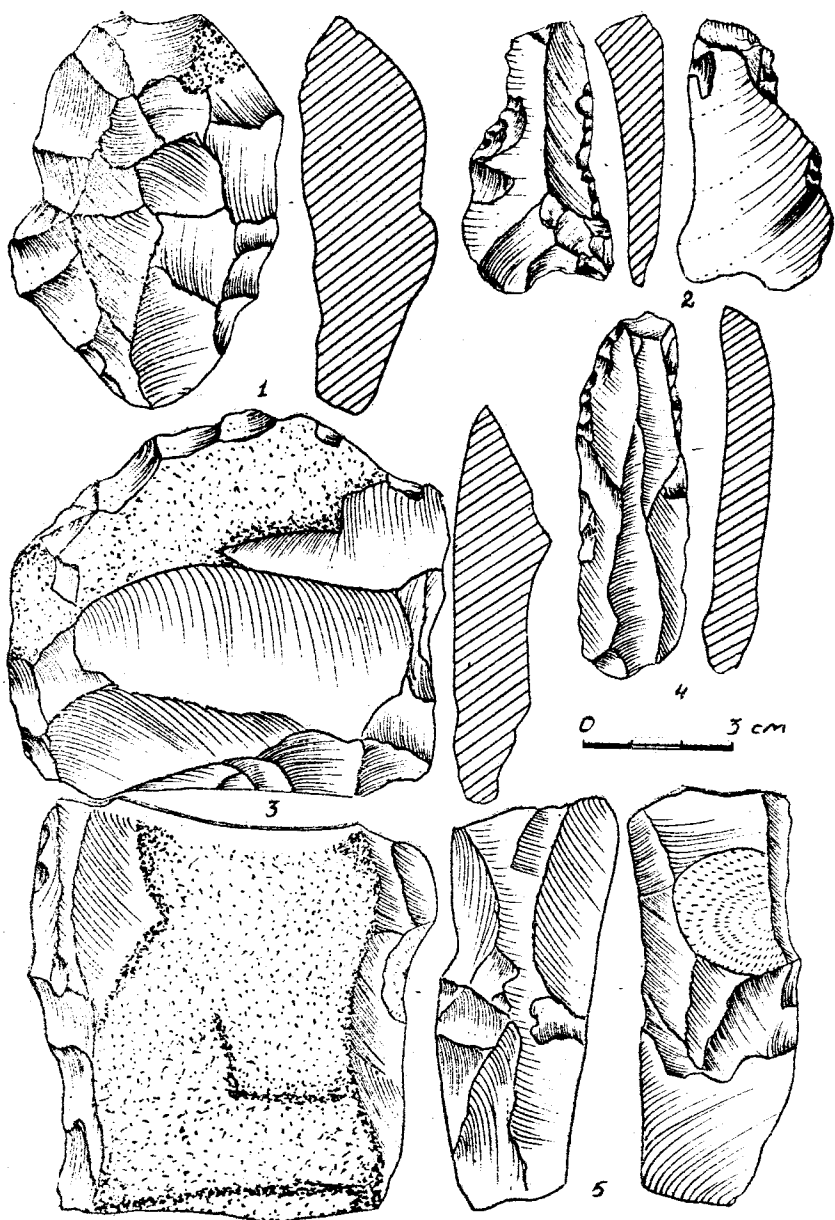

Рис. 2. Каменный инвентарь стоянки Манжерок-I

лов и обработанных кусков), здесь обнаружены остатки мастерской по обработке нуклеусов (рис. 3, I-6) с целью получения ножевидных пластинок как основы для изготовления в последующем орудий, видимо, по преимуществу вкладышевых. Следует заметить, что для данной территории памятник этого времени является пока единственным.

Ближайшие аналоги рассматриваемому комплексу мы находим на стоянках с микролитическим инвентарем Восточного Зауралья и Западно-Сибирской равнины: Ляственный Мыс, Выйка I, II, Сухрино, Усть-Убаган, Черноозерье IУа, Большой Берчикуль /3; 4; 5; 6/, которые традиционно датируются эпохой мезолита /7, с. 21-37/. Сравнение исследуемого памятника с материалами палеолитических памятников Алтая обнаруживает резкое различие артефактов по технико-типологическим показателям. Традиция призматических нуклеусов начинает проследиваться лишь в памятниках, относимых исследователями к самому концу плейстоцена - стоянки Усть-Куюм /8/ и Усть-Сема.

Е д р а л а-1. Стоянка располагается на правом берегу реки, на западном мысу, образованном Едралой и впадающим в ее долину боковым оврагом, в I, I км на восток от Чуйского тракта. На поверхности найдено 2 каменных изделия. В одном случае это крупный скол с обработанными ретушью боковыми гранями. Другой предмет представляет собой нуклеидный скол без следов вторичной обработки. Датировать стоянку затруднительно. На памятнике возможны раскопки.

Е д р а л а-2. Стоянка расположена на левом берегу р. Едрала в 360 м на восток от стоянки Едрала-1. Памятник находится в лесу. На береговом склоне с площади 60 x 40 м собран вешевой материал из 75 каменных изделий.

Коллекция почти полностью состоит из отходов производства. Встречен лишь один нуклеус, не прошедший полностью стадии обработки из-за трещиноватости и потому выброшенный, а также отщеп, у которого по двум граням наблюдалась ретушь. Остальные предметы, за исключением одного небольшого пластинчатого скола, являются либо кусками нуклеидного облика (7 экз.), либо крупными отщепами с сохранившейся коркой желвачности (9 экз.), либо типичными отщепами, 7 из которых имеют один из размеров больше 4 см, остальные значительно меньше. Судя по имеющимся материалам, перед нами скорее всего остатки мастерской по первичному расщеплению камня и изготовления из него

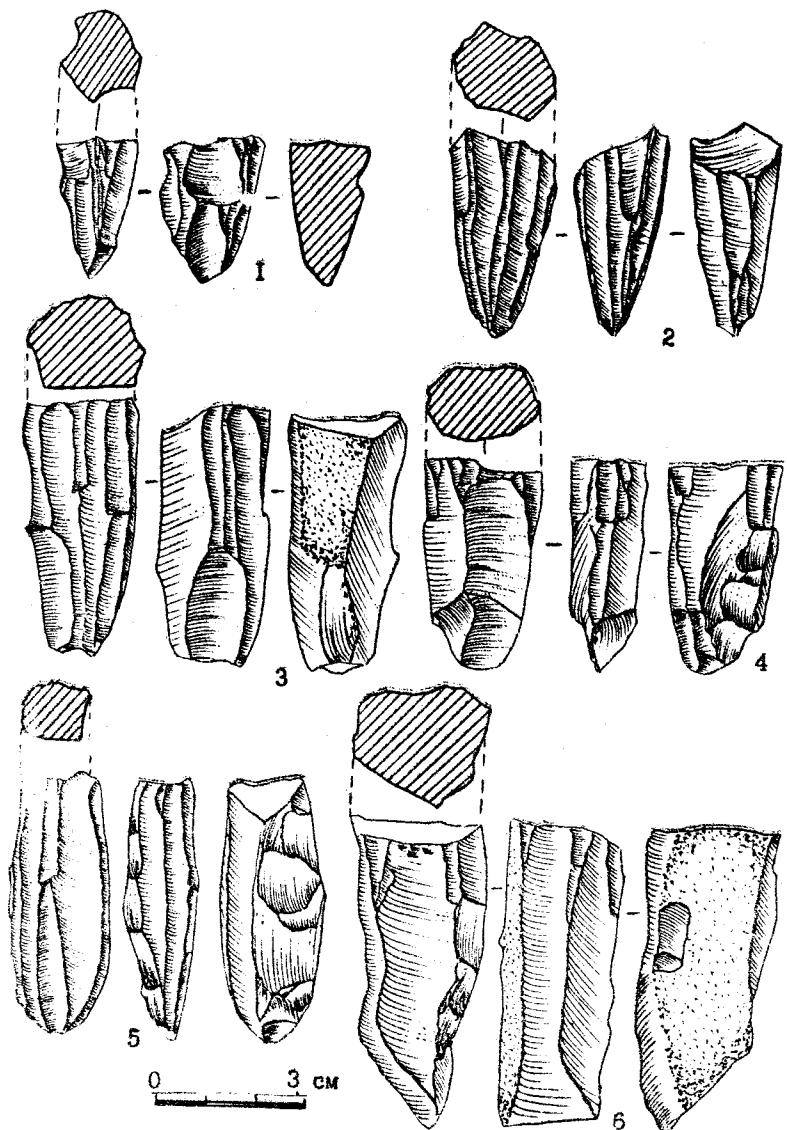

Рис.3.Нуклеусы стоянки Манжерок-I

нуклеусов. Датировать памятник трудно. Предположительно можно определить этот памятник как неолитический.

Е д р а л а-3. Стоянка находится на правом берегу р. Едрала, примерно в 200 метрах на восток от стоянки Едрала-2. Культурные остатки собраны с поверхности около строений фермы. Площадь распространения находок - 40 x 30 м. Найдено 22 каменных предмета. Интересной особенностью одного предмета, призматического нуклеуса с одной ударной площадкой, является то, что эта площадка не подработана (рис. 4, 4). Найдено два острия и орудие, сделанное на отщепе, у которого при помощи ретуши образованы две своеобразные выемки. Орудие можно отнести к зубчато-выемчатым. Три изделия являются обломками ножевидных пластин, одна из них ребристая, происходит с микронуклеуса. Остальные предметы являются отщепами, причем, среди них два обращают на себя внимание своей величиной, до 8 x 6 x 1 см.

Исходя из вещевого материала, памятник, скорее всего, можно датировать поздним этапом каменного века (неолит?).

Е д р а л а-4. Стоянка расположена на правом берегу р. Едрала в 90 м севернее стоянки Едрала-3. Вещевой материал собран на пашне и между дорогой, идущей из отделения совхоза на пашбища, и пашней. Площадь распространения находок - 50 x 50 м. Комплексо каменных предметов состоит из двух нуклеусов первичного скалывания, но использованных лишь частично. Скалывание производилось с одной площадки, без предварительной подработки. Шесть каменных предметов являются нуклеидными околами, а 6 других - отщепами. Одно орудие изготовлено на пластинчатом отщепе, у него крутой ретушью образованы два сходящихся перпендикулярно рабочих края.

Найденные фрагменты керамики имеют красный цвет, два фрагмента принадлежат венчику сосудов, край венчика либо слегка округлый, либо приостренный, имеются круглые вдавливания. Примесь в тесте сосудов раковинная (рис. 5, 1-3).

Керамический комплекс и каменный инвентарь должны принадлежать разным эпохам, поскольку каменный инвентарь достаточно архаичного облика, а керамика может быть отнесена к раннему железному веку. Аналогии ей мы находим на ряде памятников Горного Алтая /9/.

Ч е р е м ш а н к а-1, 2. Местонахождения расположены в долине речки Черемшанка, в 0,5 км вверх по течению от Чуйского тракта, поворот на III км. Каменные предметы найдены в русле и

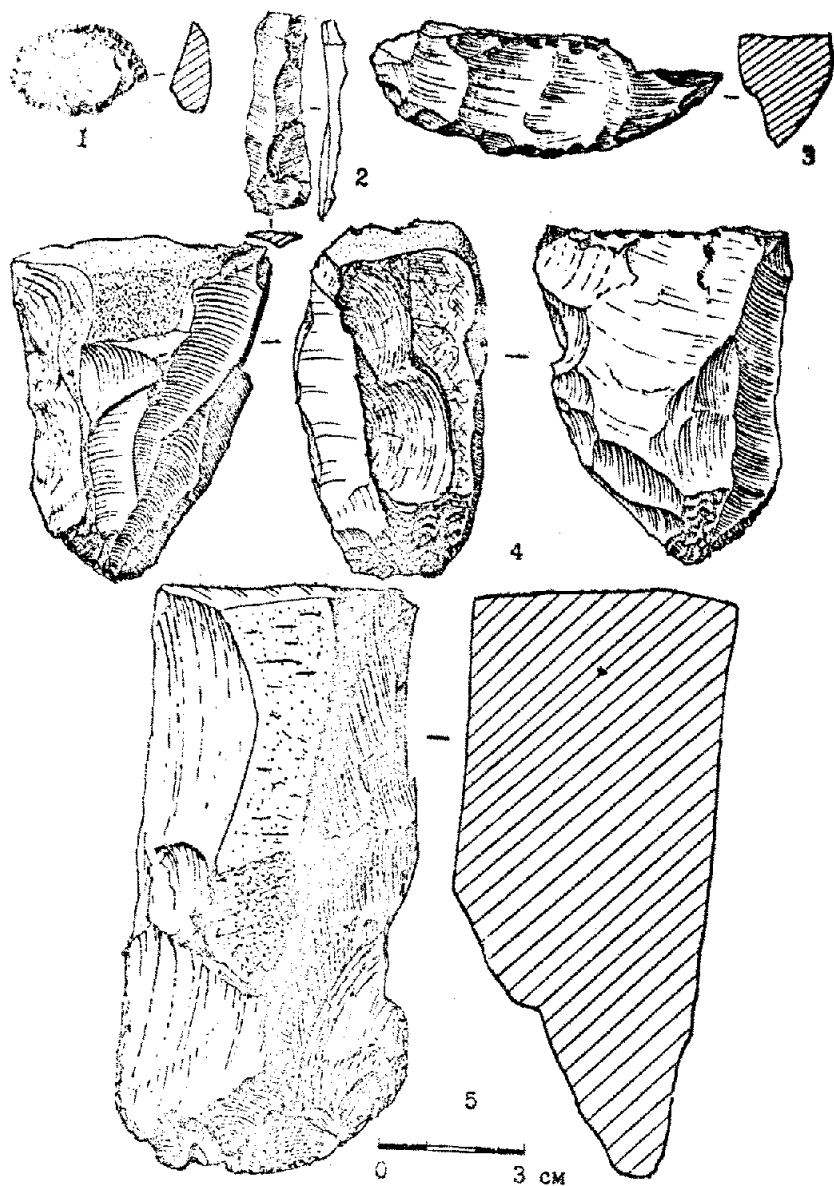

Рис.4. Каменный инвентарь : 1,3 - местонахождения Мунушка-1; 2,4 - стоянки Едрала-3; 5 - поселения Муны-1

на левом берегу речки. На поверхности местонахождения Черемшанка I собрано 57 каменных предметов. Среди них отсутствуют типологически выраженные орудия. В основной своей части это крупные и мелкие желваки со следами сколов и зазубностей по узким граням, а также отщепы.

На поверхности местонахождения Черемшанка 2 собраны: I каменный предмет, 2 фрагмента, глиняный обломок со следами шлака и железное изделие. Каменный предмет следов вторичной обработки не имеет. Фрагменты не имеют орнамента, в тесте присутствует в качестве примеси кварцевый песок. Датировать местонахождение затруднительно.

Местонахождение на IIЗ км Чуйского тракта расположено в I км вверх по течению по долине безымянного ручья. Материал собран на левом берегу, напротив домика чабана на пойменной части долины.

На поверхности найдено 4 каменных изделия и I фрагмент керамики. Каменные предметы представлены нуклеидным обломком, 2 скребками и I отщепом. Фрагмент керамики не орнаментирован, примесь в тесте — раковины и крупный кварцевый песок. Датировка местонахождения затруднена.

Муны-1. Поселение расположено в долине речки Муны в 2 км вверх по течению от с. Усть-Муны, стоящего в устье речки на Чуйском тракте (рис. I, 6). Стоянка расположена на правом берегу речки в своеобразной чаще, в которую превращается до этого узкая долина Муны. Отчетливо выделяются две террасы, бровка первой имеет высоту 15 м над уровнем речки, а вторая — 45 м. На поверхности, в промоинах, собрана коллекция вещавого материала. Памятник перспективен для исследований.

Всего найдено 7 каменных предметов и 72 фрагмента керамики. Каменные предметы представлены: нуклеусом (рис. 4, 5), удлиненным плоским изделием из зернистой породы, плоские стороны у него шлифованы, а узкие грани имеют характерную зазубенность от использования в качестве отбойника (рис. 6). Остальные предметы являются отходами производства.

Из керамического комплекса выделяются 14 фрагментов венки, 5 фрагментов днищ, 2 фрагмента стенок сосудов с орнаментом, остальной керамический материал — фрагменты неорнаментированных стенок сосудов. Венчики шеек сосудов, как правило, плавно закругленные, иногда слегка отогнутые. Есть также и плоские

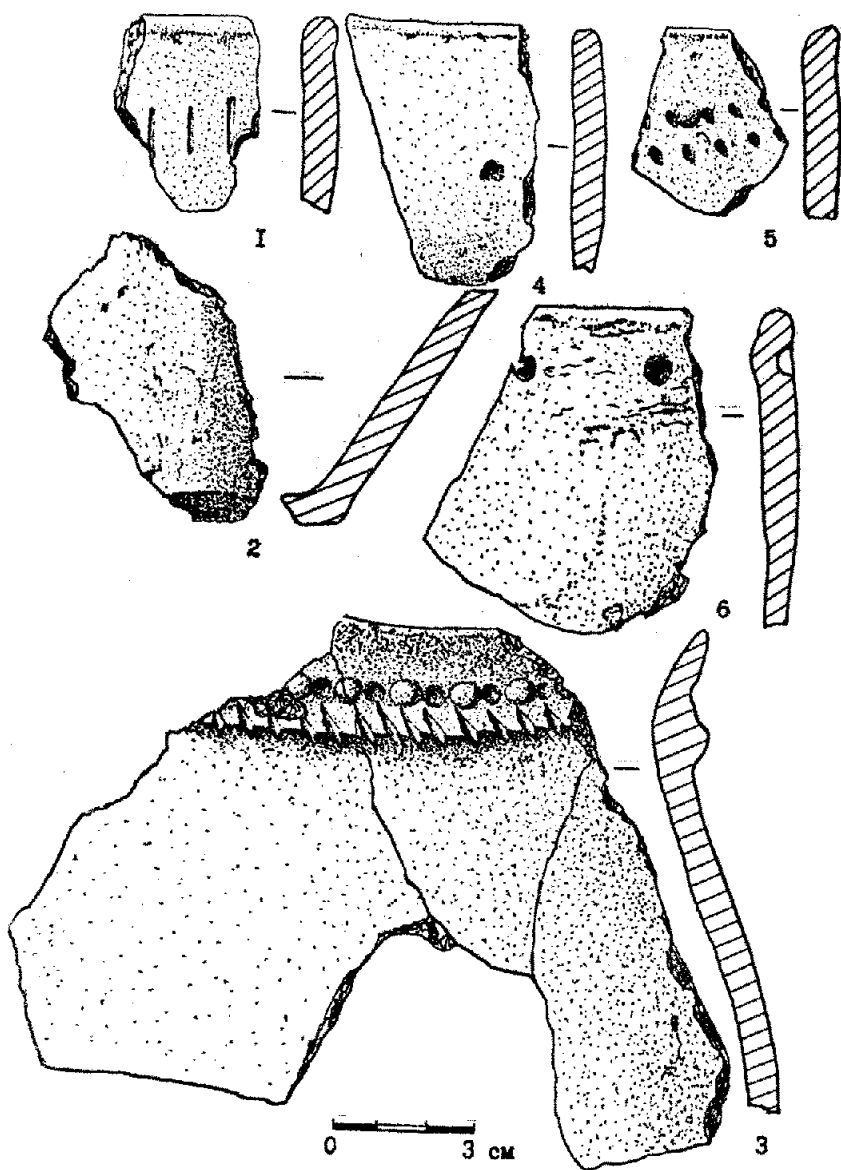

Рис. 5. Фрагменты керамики: 1-3 - стоянка Едрала-4;
4-5 - поселение Муны-1

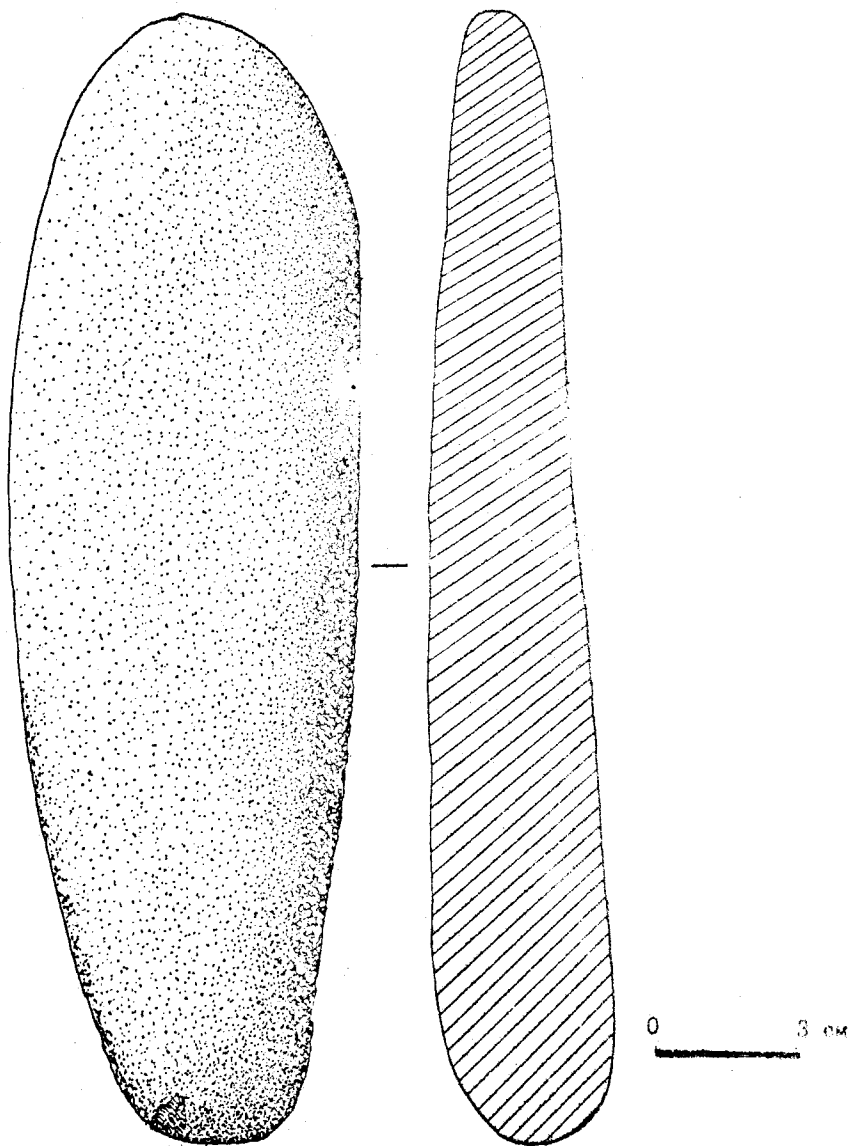

Рис. 6. Каменное орудие с поселения Муны-1
61

венчики, один украшен насечками. Фрагменты орнаментированы рядом глубоких вдавлений, преимущественно с внешней стороны, иногда имеется налепной валик с косыми нарезками. На фрагментах стенок есть единичные глубокие вдавления. Фрагменты дна указывают на плоскостность сосудов. Тесто сосудов в ялеме красное, в качестве примеси употреблены раковины или кварцевый песок. Керамический комплекс относится к раннему железному веку (рис.7) и имеет широкие аналогии в памятниках скифского времени Горного Алтая /9; 10/. Особенно характерны валики на кушниковидных сосудах пазырыкской культуры Горного Алтая /II/.

Му ну ш к а-I, 2. Местонахождения расположены в долине речки Мунушка в 3 км вверх по течению от устья. Попорот в долину начинается на 6 км Чуйского тракта от с.Усть-Муны в Усть-Саяку. Находки на первом местонахождении обнаружены прямо на тропе, на высокой террасе, при слиянии рек Мунушка и Яга. На втором местонахождении находки сделаны на левом берегу речки, на невысокой террасе, недалеко от пастушьей постройки.

На местонахождении Мунушка-I собрано 8 каменных изделий и 2 фрагмента керамики. Каменные предметы изготовлены из кремнистой породы. Это скребок, 2 изделия типа долотца, обломок орудия с выемкой и 4 нуклеовидных куска (рис.4, I, 3). Фрагменты принадлежат очень толстостенному сосуду без орнамента, в тесте наблюдается примесь кварцевого мелкого песка. На местонахождении Мунушка-2 найдено 2 экземпляра каменных предметов, нуклеовидный обломок и отщеп.

Местонахождение Мунушка-I может быть предварительно датировано ранним железным веком. Местонахождение Мунушка-2 датировать затруднительно.

Б и р ю л я - I. Памятник открыт С.С.Заблицким в 1976 г. Его сборы хранятся в Горно-Алтайском краеведческом музее. В 1979 г. мы посетили этот памятник, произвели сборы подъемного материала и зачистили обнажение культурного слоя.

Памятник расположен в Майминском районе Горно-Алтайской автономной области, на северной окраине с.Бирюля, приблизительно в 200 м от него, к востоку от животноводческой фермы. Открыт благодетель срезу сопки при строительстве дороги Горно-Алтайск - Бирюля. Находки встречены в обнажении сопки, а также вдоль ручья, впадающего в Майму, приблизительно на 200-250 м вверх по его течению от дороги.

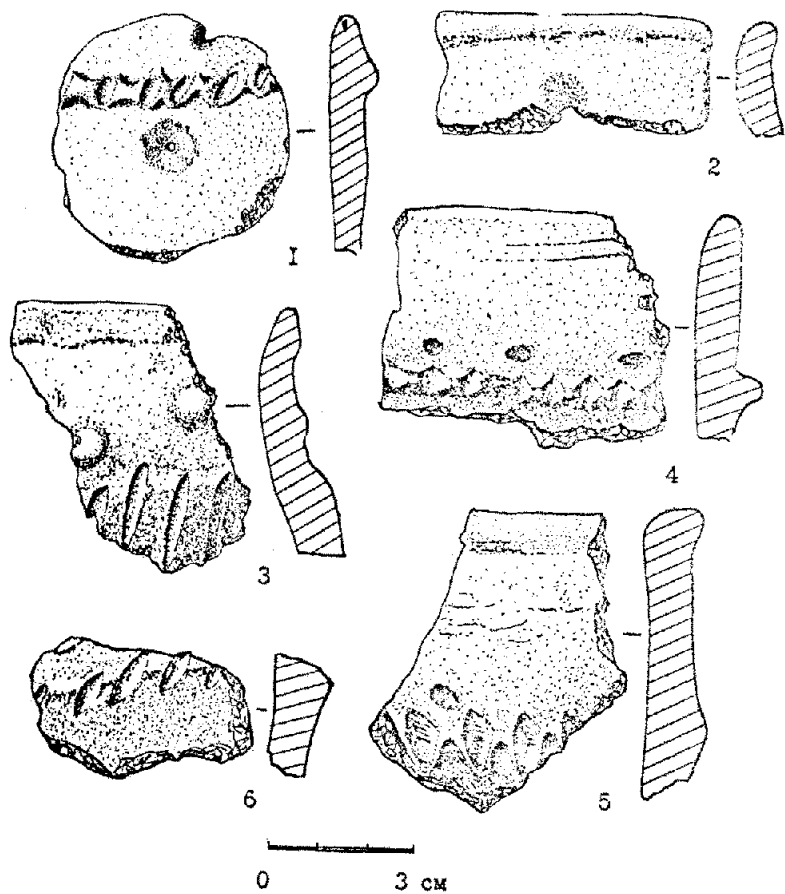

Рис.7.Фрагменты керамики с поселения Мунь-І

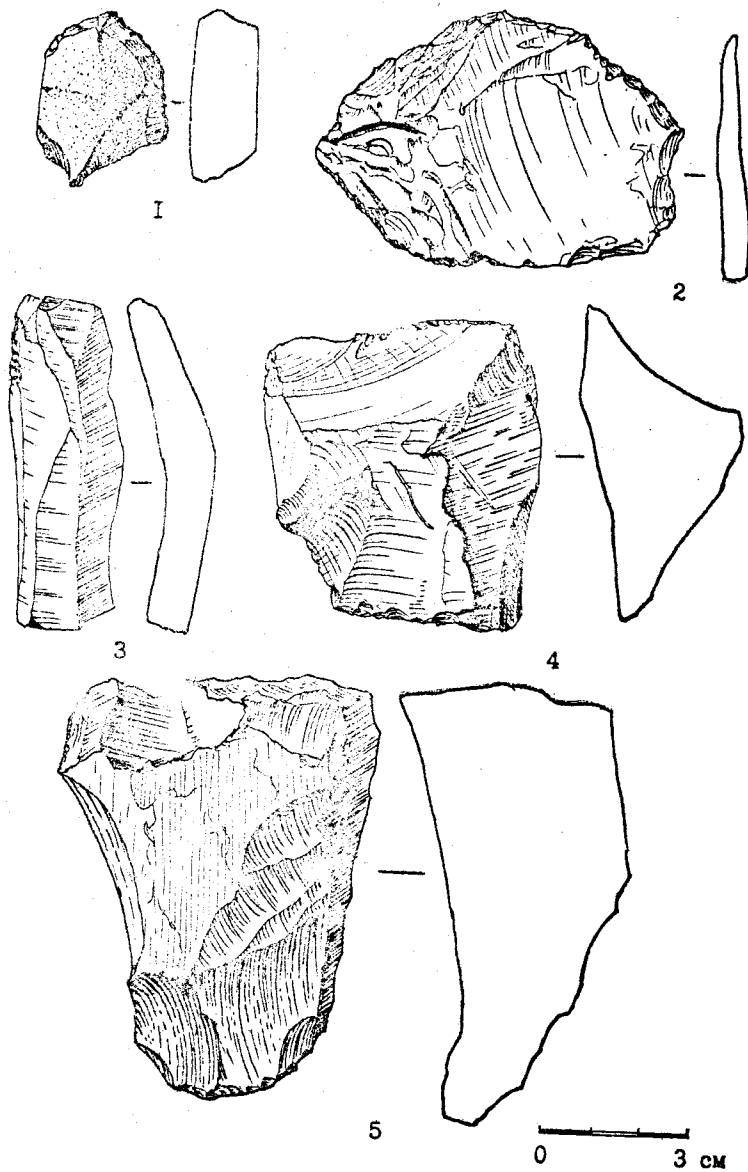

Рис. 8. Каменный инвентарь стоянки Бирзля-I

Собрано большое количество нуклеусов, отщепов, пластин. Памятник является скорее всего мастерской, так как орудий труда в процентном отношении к общему количеству находок обнаружено не так уж много.

Особенно показательным материалом является серия нуклеусов, в основном подпризматических и леваллуазского облика (рис.8). Основной материал, вероятно, относится к эпохе верхнего палеолита, однако наличие мелких форм наделей может свидетельствовать о существовании здесь неолитического слоя.

Стратиграфия памятника следующая:

- 1) дерново-гумусный слой 35-40 см;
- 2) темно-серый суглинок с мелким галечником мощностью до 20 см - культурный слой;
- 3) темно-желтый слой с мелким галечником - находок не содержит.

О з е р н о е - 2. Памятник открыт в 1978 г. А.П.Погожевой. Расположен в Огулдайском районе Горно-Алтайской автономной области, в 300 м южнее с.Озерное по тракту, не доезжая до него от с.Теньга. Памятник представляет собой достаточно янтаресный и в целом весьма необычный для района Горного Алтая комплекс (рис.9-1). Могильник расположен на склоне террасы ручья. Долина ручья в этом месте весьма широкая и, как выяснилось, богата памятниками.

Центральную часть могильника Озерное-2 занимает огромный земляной курган, круглый в плане, с каменной оградкой. В центре отчетливо прослеживаются следы ограбления. С юго-восточной стороны к этому кургану вплотную примыкает еще один аналогичный курган, имеющий, однако, значительно меньший диаметр. Он также огорожен круглой оградкой и соединен с большой насыпью своеобразными каменными дорожками.

К юго-востоку от этих центральных сооружений хорошо прослеживается большой земляной курган, где каких-либо каменных конструкций не отмечено. Вокруг большого кургана обнаружено 5 оградок, круглых в плане, две из которых были раскопаны.

О г р а д к а - I (рис.9-П,Ш). Расположена в юго-западной части могильника. Камни оградки местами прослеживаются достаточно хорошо. Оградка в плане имеет круглую форму. Камни положены строго по периметру. В насыпке ограды обнаружено несколько костей животных и человека. Кости человека окремлены

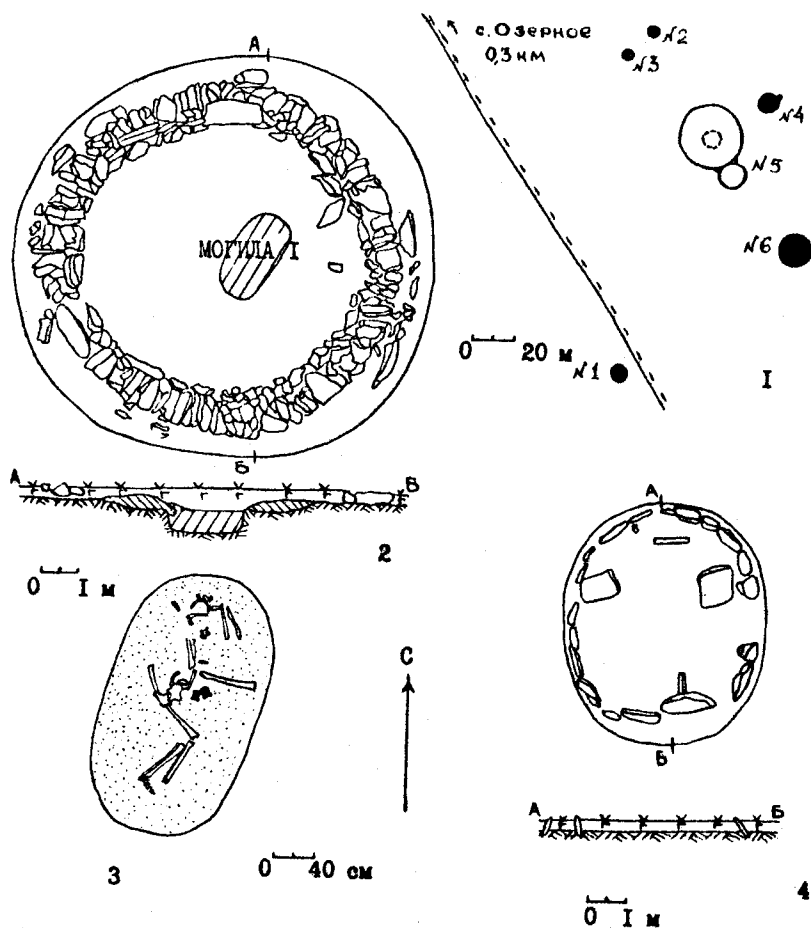

Рис. 9. Планы: 1 - могильник Озерное-2; 2 - ограда 1; 3 - погребения в оgrade 1; 4 - ограда 2.

○	- ограда	✕	- дёрн
●	- земляной курган	⊖	- камни, плиты
○	- земляной курган с оградой	▨	- могилы
—	- дорога	▨	- выброс из могилы
✕	- кости животных	▨	- материк
⊖	- охра		

окрой. Могильная яма овальной формы, размером 2,4 x 1,4 м, зафиксирована на глубине 50 см от условного 0, что совпадает с современной поверхностью. Стенки ямы вертикальные, хорошо сохранившиеся. В яме обнаружен костяк, имевший на себе и под собой кусочки ярко-красной охры. Скелет погребенного был разрушен, возможно, грызунами, поскольку следов явного ограбления не наблюдалось, или в глубокой древности. Кости скелета сохранились относительно хорошо. Костяк лежал на левом боку со слегка поджатыми ногами, череп и вообще кости верхней части скелета почти все отсутствуют. Судя по положению костей ног, костяк лежал головой на северо-восток. В районе таза найдено 2 эпифиза костей животного.

Положение погребенного, обряд захоронения с использованием охры, наличие круглой оградки указывает на то, что погребение относится к афанасьевскому времени.

О г р а д к а - 2 (рис.9-IV) расположена на север-западе могильника. На поверхности она смотрелась как слегка выступающие из земли вертикально стоящие плиты камня в виде овала размером 6 x 4,5 м. Раскоп имел также овальную форму, была оставлена бровка по длинной оси шириной 0,2 м. За условный 0 был принят центр кургана. Вскрытие и контрольная прокопка показали, что в пределах оградки отсутствуют могильная яма и находки. В разрезе наблюдались следующие слои: гумусированная почва, под ней тонкий прослой желтого суглинка, а под ним суглинок с галечником. Расчистка плит оградки показала, что их большая часть стоит вертикально, но несколько плит лежало. Скорее всего, данная оградка служила ритуальной площадкой.

В самом селе при сооружении клуба строители разрушили два кургана, аналогичных по конструкции памятнику Озерное-2.

Сосуд и литейная форма от кельта доставлены в Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, где и хранятся в настоящее время /12/. Второй разрушенный курган, доисследованный А.П.Погожевой в 1978 г., относится к эпохе бронзы. Материалы опубликованы /13/.

Ч е р н ы й А н у й - I, 2. Могильники были найдены А.П.Окладниковым в Усть-Канском районе Горно-Алтайской автономной области на правом берегу р.Ануй, в 1,5 км южнее деревни Черный Ануй (рис.10-А). Дорога, ведущая в Черный Ануй, срезала частично одну ограду, так что в обрыве была видна могильная яма. При обследовании выяснилось, что здесь имеется ряд камен-

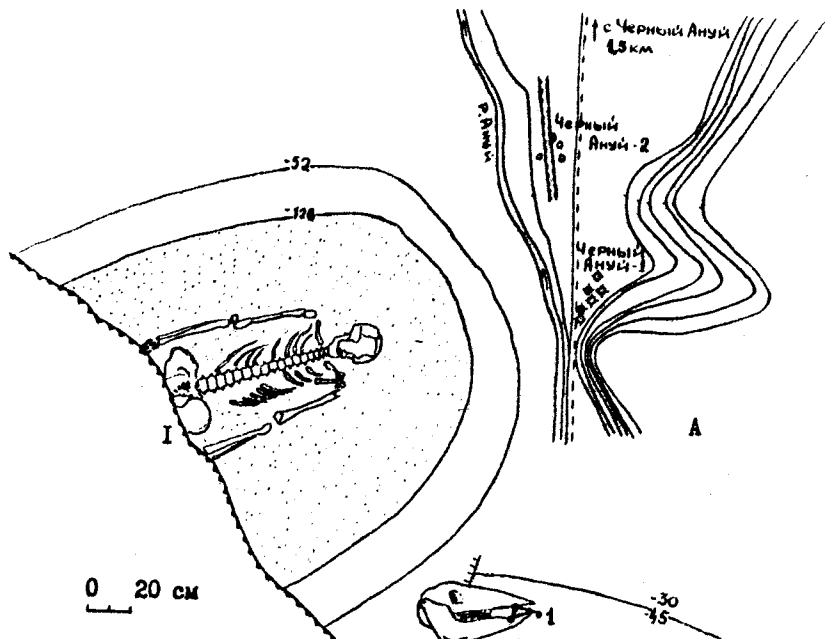
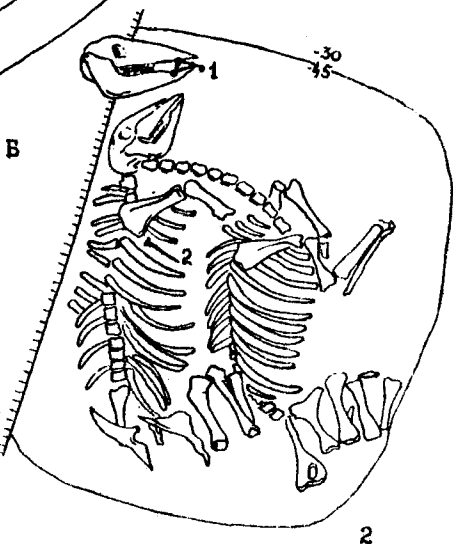

Рис. 10. А. Схема расположения памятников Черный Ануй-1 и 2. Б. Планы раскопанных погребений; 1 - Черный Ануй-2; 2 - Черный Ануй-1.

- сухой канал
- дорога
- охра
- земляной курган
- раскопанный курган
- каменная кладка
- раскопанная кладка
- 1 - бронзовые удила
- 2 - костяной предмет

ных выкладок, которые получили название "могильник Черный Ануй-1". При дальнейшем обследовании местности в обрыве сухого канала, вырытого на террасе р.Ануй, были найдены наполовину разрушившиеся погребения человека, а вокруг отмечены невысокие курганчики. Этот памятник получил название "могильник Черный Ануй-2".

Ч е р н ы й А н у й - 1. Раскопанная каменная кладка состояла из крупных глыб, уложенных в пределах могильной ямы. За условный 0 принята самая верхняя точка на одном из камней в юго-восточной части могилы. После расчистки все камни были пронивелированы, зарисованы, а затем убраны. В результате чего на глубине -30, -45 была зафиксирована не полностью сохранившаяся яма размером 2,1 x 1,7 м (рис.10Б2). Яма была неглубокой - всего лишь 30 см от уровня фиксации. Заполнение темно-серого цвета. После расчистки заполнения выявились два костяка лошадей, уложенных в свое время на левый бок с подогнутыми ногами. Причем, яма была явно малой, поэтому скелеты частично находят друг на друга. Скелеты головой обращены в северную сторону. У нижнего скелета в зубах лежали бронзовые стремечковидные удила (рис.11), а возле лопатки - костяное изделие.

Судя по удилам и псалям, вскрытое погребение можно датировать майэмским временем, т.е. УП-VI вв. до н.э. В ряде своих ранних работ М.П.Грязнов выделяет майэмский этап, датируя его УП-V вв. до н.э. /14; 15/, позднее он сузил период бытования этапа до пределов УП-VI вв. до н.э. /16/.

Ч е р н ы й А н у й - 2. На половину разрушенного погребения был заложен раскоп размером 2 x 2,5 м. За условный 0 был принят северный угол раскопа. На глубине -52 были зафиксированы очертания могильной ямы, которая, уменьшаясь в размерах, фиксировалась до глубины 128 см. Заполнение ямы - темно-серый рыхлый материал. На дне ямы была открыта верхняя часть скелета, до таза. Скелет лежал на густо окрашенном фоне на спине, головой ориентирован на восток. Погребенный был уложен на спину, руки вытянуты вдоль тела (рис.10Б1). Отсутствие вещевого материала затрудняет датировку погребения. Но, если опираться на погребальный обряд, то очевидна его близость к афанасьевскому кругу погребений.

Эти результаты были получены во время разведочных работ в Горном Алтае летом 1979 г. Вместе с вновь открытыми памятниками, принадлежащими различным хронологическим этапам древ-

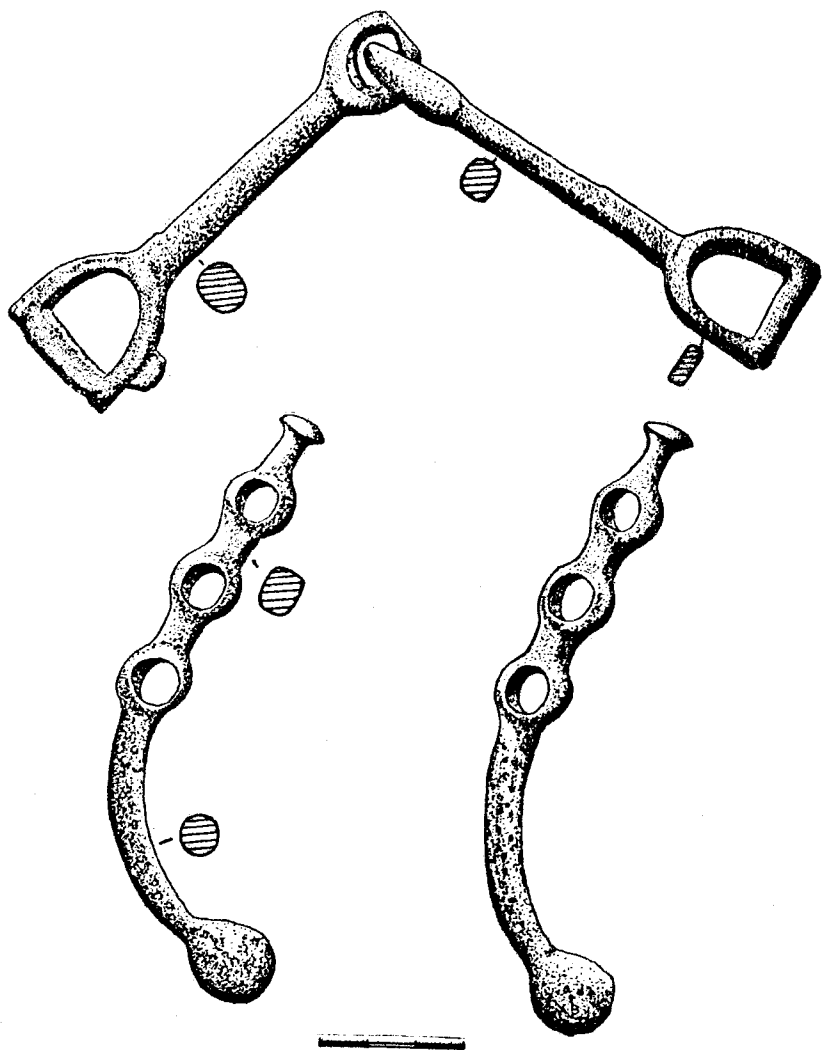

Рис. II. Удила с могильника Черный Ануй (оградка I)

ней истории Алтая, проведенная разведка позволила в какой-то степени выработать рекомендации методического плана для успешного проведения археологических поисков в горно-таежных районах Алтая. Определение методики разведки — одна из существеннейших задач сегодняшнего дня, поскольку именно от нее зависит полнота выявленных археологических объектов, а следовательно, возможности последующих этапов интерпретации материала, т.е. восстановление последовательности комплексов во времени, их культурно-исторической принадлежности и так далее.

На наш взгляд, поиски археологических памятников в горной части долины Катуня очень специфичны. Прежде всего это касается памятников эпохи палеолита. Если на I-II (до 15-18 м) террасах Катуня стоянки, могильники бронзового, железного веков и позже встречаются довольно часто, то памятники более ранних эпох здесь отсутствуют, что, видимо, может рассматриваться как признак относительной молодости образования отложений этих террас и формирования их уровней. Даже в устьях крупных притоков Катуня, как, например, Усть-Сема, отсутствуют находки плейстоценового времени. Но стоит разведочному маршруту углубиться в распадки или долины небольших ручьев и речек, впадающих в Катунь, то картина совершенно иная. Вначале боковые долины, как правило, имеют каньонобразный вид, но через 1-5 км они приобретают другой облик. Крутые борта долины как бы уплощаются, долина становится просторнее, появляются своеобразные чашеобразные расширения с террасовидными уступами. Именно в таких местах и находится значительная часть открытых нами памятников. Судя по материалам, одни и те же места заселялись людьми несколько раз, начиная с эпохи плейстоцена и кончая железным веком и даже средневековьем. Если низкие террасы Катуня сложены аллювием различного характера и здесь почти отсутствуют покровные, субэральные отложения, то расширяющиеся долины имеют такие отложения, а это, видимо, в определенной степени способствовало благоприятному сохранению хозяйственно-бытовых объектов на стоянках и поселениях, что очень важно при исследованиях.

Вести поиски археологических памятников, особенно поселенческих комплексов в горных районах (за Семинским перевалом), очень сложно, требуется иная методика, данные к которой нужно начинать накапливать, совершая разведочные маршруты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молодин В.И. Отчет об археологических исследованиях в Горном Алтае весной 1979 г. Архив ИА АН СССР.
2. Лапшин Б.И., Кадиков Б.Х. Позднепалеолитическая стоянка у села Майма в Горном Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея). - В кн.: Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. - Новосибирск, 1981, с.9-21.
3. Стоянов В.Е., Крижевская Л.А., Старков В.Ф. Мезолитическая стоянка Сухрино I на Исети. - В кн.: Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. - Свердловск, 1977, с.72-84.
4. Зайберт В.Ф., Потемкина Т.М. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья. - СА, 1981, № 3.
5. Геннинг В.Ф., Петрин В.Т., Косинская Л.А. Первые поселения эпохи позднего палеолита и мезолита в Западной Сибири. - В кн.: Из истории Сибири. Вып.5. - Томск, 1973.
6. Бобров В.В. Стоянка каменного века на оз.Большой Берчикуль. - В кн.: Историческая этнография: традиции и современность. - Л., 1983, с.170-176.
7. Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. - М., 1980, с.21-37.
8. Окладников А.П., Владыкин В.А. Древнее поселение на р.Кузме (Алтай) по раскопкам 1964-1965 гг. - В кн.: Известия лаборатории археологических исследований. Вып.1. - Кемерово, 1967, с.66-79.
9. Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае. - В кн.: Археология и этнография Алтая. - Барнаул, 1982, с.132.
10. Барышников Т.Я., Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Пещера Иульчак - новый археологический памятник на Алтае. - В кн.: Древняя история Алтая. - Барнаул, 1980, рис.4-5,7.
11. Могильников А.В. Курганы Кызыл-дзар-I, Уш - памятник пазырыкской культуры Алтая. - В кн.: Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1983, рис.1-2,6.

12. Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая. - В кн.: Археология и этнография Алтая. - Барнаул, 1982, рис.4-1,2.

13. Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерное на Алтае. - В кн.: Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1979, с.80-84.

14. Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана. - В кн.: История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет). - М.;Л., 1939, с.401.

15. Грязнов М.П. Памятники майамирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. - КСИМК, 1947, вып.18, с.9.

16. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с.Большая Речка. - МИА, 1956, № 48, 160 с.

Ю.Ф.Кирюшин, Г.А.Клюкин

(Алтайский государственный университет, Барнаул)

ПАМЯТНИКИ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ ЮГО-ЗАПАДНОГО АЛТАЯ

Долгое время юго-западный Алтай оставался белым пятном на археологической карте края. В начале 1970-х гг. В.А.Могильниковым были произведены раскопки разновременных памятников в зоне строительства гилевского водохранилища на р.Алей, проведены разведки на территории проектируемой Алейской оросительной системы и в зоне сооружения лиманов. Исследовались в основном памятники второй половины I тыс. н.э. у сел Гилево и Карболуха /1; 2; 3/. В ходе разведок встречены памятники от неолита до средневековья /1, с.230/, среди них андроновские поселения и могильники (1, с.229; 4, с.155-159/. В 1976 г. В.А.Могильниковым исследовались поселения неолита и поздней бронзы /5/.

В последние годы в работу по выявлению археологических памятников юго-западного Алтая включились местные краеведы, которыми обнаружены десятки, если не сотни памятников самых разных эпох, начиная с палеолита и до позднего средневековья /6/.

Среди них выделяются стоянки, поселения и могильники. Большая часть открытых памятников — это донные стоянки, интенсивно разрушаемые ветровой эрозией и другими природными процессами. Памятники, как правило, концентрируются большими группами по берегам озер и небольших рек, чаще всего проток, соединяющих озера. В связи с созданием археологической карты Алтайского края все известные места скопления археологических памятников были обследованы сотрудниками лаборатории археологии Алтая АГУ, сделано описание известных уже ранее и открыты десятки новых памятников /7; 8; 9/. Для некоторых районов этого региона уже составлены археологические карты /10/. Отдельные материалы с некоторых из этих памятников были уже опубликованы рядом авторов /II, рис. 9-16; 12, рис. 3-3, 5-15; 13, рис. 5-4, 7, 8; 14, с. 15-28, рис. 2). Есть статьи, посвященные анализу материала какого-то одного памятника (15, с. 25-40). Как уже отмечалось, значительная часть памятников разрушена, поэтому материалы с них представляют собой подземный материал, очень часто различных периодов, который порой бывает трудно разделить хронологически. Особенно это относится к материалам позднего мезолита и раннего неолита, позднего неолита и энеолита.

В своей работе авторы дают описание археологических комплексов и отдельных памятников по районам и более подробно останавливаются на характеристике самого материала.

В о л ч и х и н с к и й р а й о н

I. Семь поселений были обнаружены студентом АГУ П.И. Навротским в 1980 г. на оз. Белое. Озеро находится между двумя ленточными борами, его берега местами заболочены и поросли кустарником, почва песчаная. Поселения Белое I и II находились в 3 км юго-юго-восточнее с. Белое и в 2,4 км к северо-западу от с. Валовой Кордон Угловского района, на берегу небольшой протоки, впадавшей в озеро. На поселения Белое I прослеживалось 10 жилищных западни размером 7 x 2 м, а Белое II находилось на высоком песчаном валу, сильно раздутым ветрами. Остальные поселения (III-VII) вытянуты вдоль южного берега оз. Белое и находятся по сути дела на перешейке между озерами Белое и Валовое /9, с. 200/. Через поселение проходит проселочная дорога из с. Валовой Кордон. Поселения разрушены дюнами. Осенью того же года памятники были осмотрены Ю.Ф. Киркушиным и М.Т. Абдулганеевым. Собрано большое количество керамики, орнаментированной

уголком отступающей палочки и гребенки, каменные наконечники стрел треугольной и ромбовидной формы, отщепы. Подъемный материал датируется от раннего металла до раннего железного века (рис. I, 8-12).

У г л о в с к и й р а й о н

2. На границе Волчихинского и Угловского района в 2,5-3 км юго-восточнее оз. Белое в юго-западной части оз. Валовое в 1980 г. Ю.Ф. Кирюшиным и М.Т. Абдулганеевым обнаружены 3 поселения, раздуваемые дюнами. Одно из них находится в 250-300 м юго-юго-восточнее с. Валовой Кордон, два других в 1,0-1,5 км юго-восточнее вдоль берега озера. На памятниках собрана керамика эпохи неолита, бронзового и железного веков.

3. Комплекс археологических памятников находится у сел Павловка и Алексеевка того же района. В 1979 г. учителем Павловской средней школы Н.П. Нудных были произведены сборы подъемного материала на дюне в 300-400 м к северо-западу от с. Павловка, который поступил в Угловский краеведческий музей. Среди материала в основном были каменные изделия: ножевидные пластины и наконечники стрел и несколько бронзовых трехлопастных наконечников стрел скифского облика. Весной 1980 г. место находок было осмотрено А.Б. Шамшиным. Им было установлено, что это одновременная донная стоянка, разрушена четырьмя большими раздувами. Лишь кое-где прослеживались островки культурного слоя мощностью 0,3-0,4 м. На дюнах был собран подъемный материал от эпохи мезолита до средневековья. Памятник получил название Павловка I. В ходе разведки им было обнаружено еще одно поселение Павловка II, где были собраны немногочисленные каменные предметы и керамика эпохи бронзы.

Осенью 1980 г. это место было осмотрено Ю.Ф. Кирюшиным. В ходе обследования было открыто еще 10 стоянок у с. Павловка, 5 в 1,0-2,0 км западнее у с. Алексеевка /7, с. 182/. Памятники находятся около южной кромки ленточного бора, вытянутого вдоль р. Барнаулки от Оби до самого Казахстана. Здесь в древности, видимо, находилось крупное озеро, богатое рыбой и дичью, вытянутое с юго-запада на северо-восток на 2,5-3 км, от которого к настоящему времени сохранилась заболоченная низина с несколькими мелкими озерками. Все памятники располагаются вокруг этой низины на песчаных дюнах, которые интенсивно раздуваются. Памятникам в северо-восточной части низины были даны названия

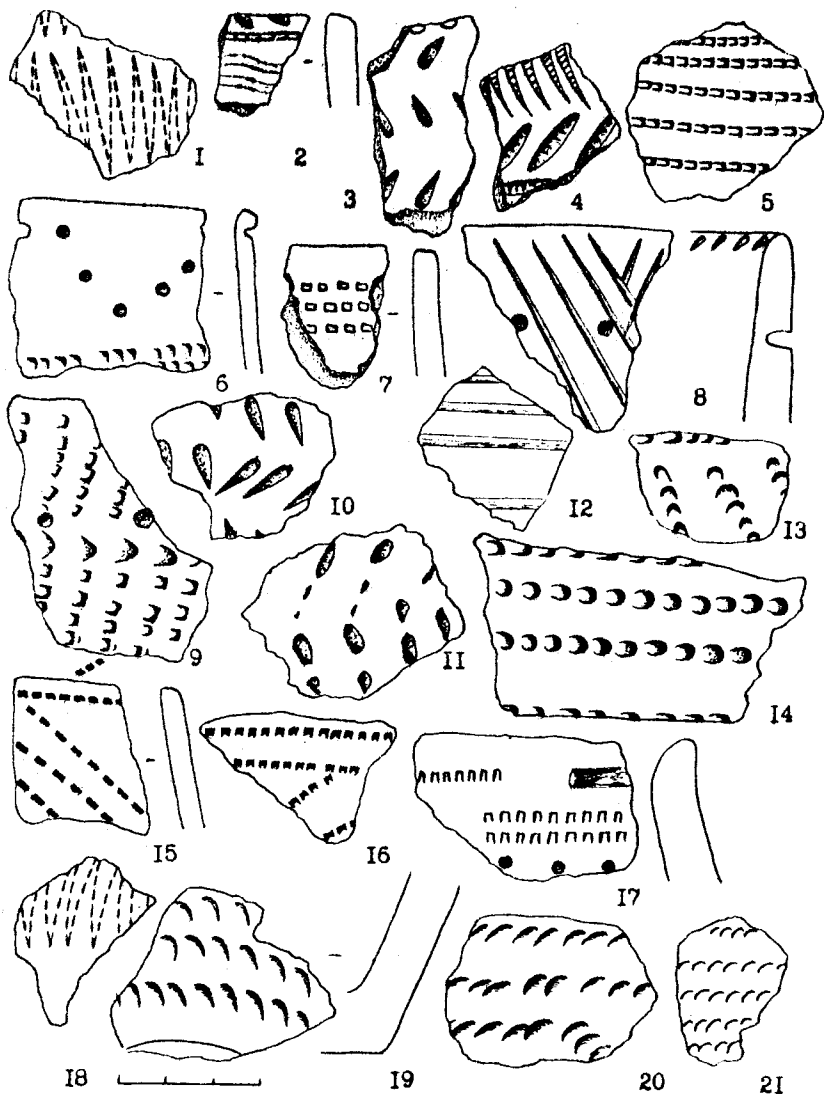

Рис. I. Керамика поселений: 1, 2 - Перешеечное 6; 3-6 - Перешеечное 7; 7 - Бахчи 5; 8-10 - Белое 7; 11, 12 - Белое 2; 13, 14 - Валовое 2; 15, 16 - Павловка 12; 17, 18 - Павловка 10; 19 - Павловка 8; 20, 21 - Алексеевка 5

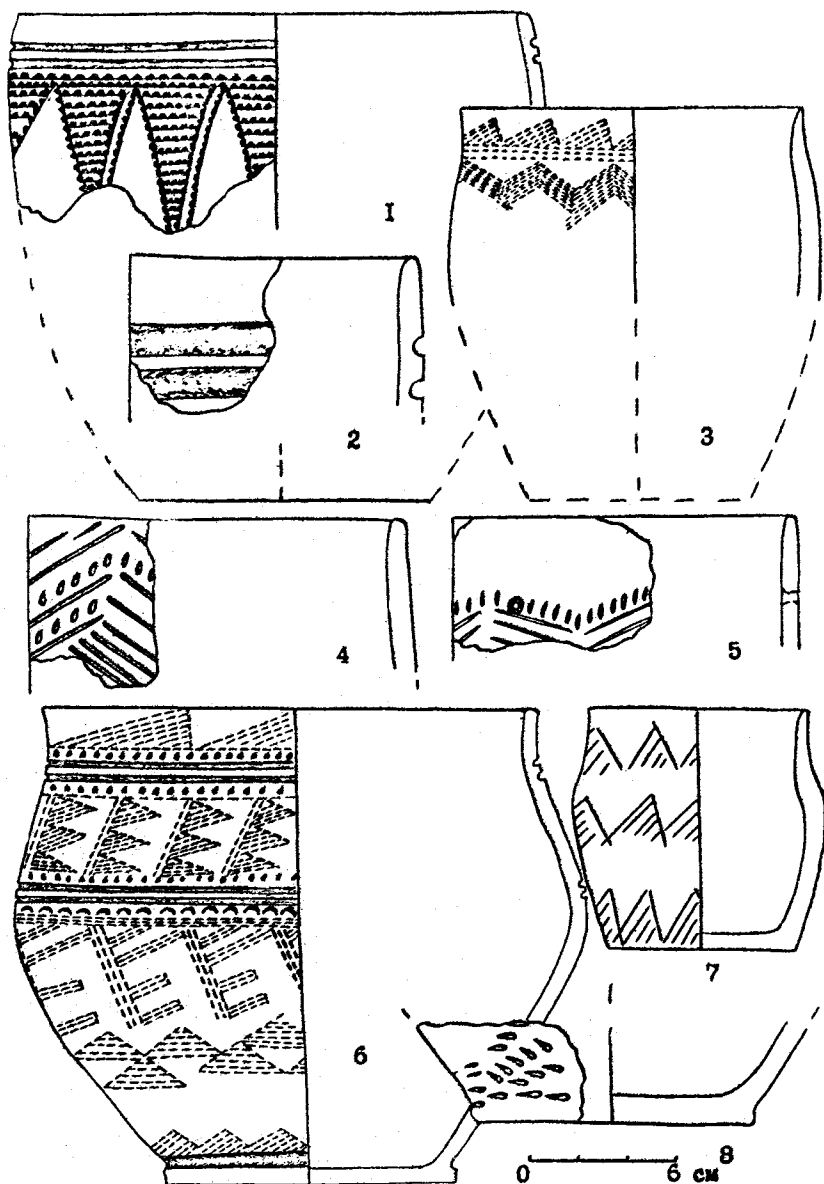

Рис. 2. Керамика поселений: 1, 2, 4, 5, 8 - Новенькое 3; 3 - Кривое 1; 7 - Калантырь 13; 6 - Павловка 13

Павловка I-XII, а в юго-западной части у с. Алексеевка - Алексеевка I-V. В 1982 г. Ю.Ф.Киршиним в 30-40 м севернее поселения Павловка У был обнаружен андроновский могильник, получивший наименование Павловка XIII. Здесь было вскрыто раздуваемое андроновское захоронение. Умерший был положен на правый бок в скорченном положении, головой на юго-запад-запад. В головах стоял хорошо профилированный сосуд, украшенный по венчику застрихованными треугольниками, по шейке и тулову - каннелюрами, треугольниками и меандрами (рис.2,6). Фрагменты от андроновского сосуда встречены на поселении Павловка УП (рис.3,3). На памятнике Павловка III, видимо, находился энеолитический могильник. В раздуве найден развал остродонного сосуда, украшенного вертикальными рядами гладкой качалки и вертикальными налепами с насечками в верхней части /13,рис.II-I/ и каменный нож для разделки туш животных, по определению Н.Ю.Кунгуровой /16,рис.2-1/ (все определения функционального назначения каменных изделий сделаны методом трассологического определения Н.Ю.Кунгуровой, за что авторы приносят ей глубокую благодарность). На всех памятниках были собраны богатейшие коллекции каменных предметов, керамика, бронзовые изделия, шлаки, кости животных. Собранные коллекции датируются от эпохи мезолита до средневековья. Материалы эпохи неолита и бронзы обнаружены на 13 памятниках. Наиболее богаты находки для поселения Павловка I, П, У, XII и Алексеевка I. На поселении Павловка I собрано несколько тысяч каменных орудий, среди которых есть разнообразные нуклеусы, ножи, вкладыши, пластины, скребки, резчики, сверла, пилки, скребки /15,рис.2-6/, большое количество керамики неолита, энеолита и различных периодов бронзового века (рис.3,5;4;5). На поселении Алексеевка I встречены каменные вкладыши (рис.6,9), ножевидные пластинки (рис.6,8), наконечники стрел (рис.6,12-15,17,18), нуклеусы (рис.6,19), скребки (рис.6,11,16), бронзовый составной нож (рис.6,10), фрагменты керамики (рис.7,8-12). Керамика эпохи раннего металла и бронзы встречена на поселениях Павловка II (рис.7,2-4), IV (рис.7,7); VI (рис.7,5,6), VIII (рис.1,19), X (рис.1,17,18), XII (рис.7,16,15), Алексеевка III (рис.7,1), У (рис.1,20,21).

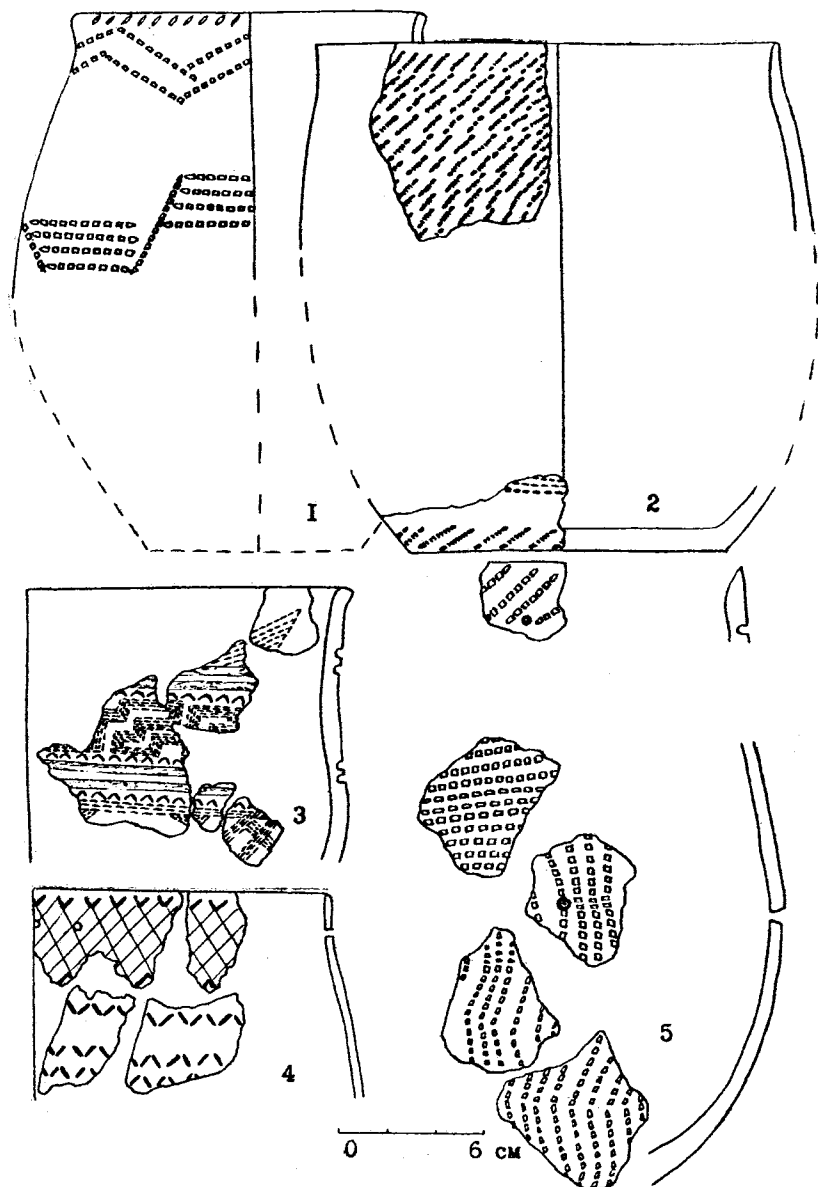

Рис.3.Керамика поселений: I - Бахчи II; 2 - Перешеечное 3; 3 - Павловка 7; 4 - Ненашево 3; 5 - Павловка I

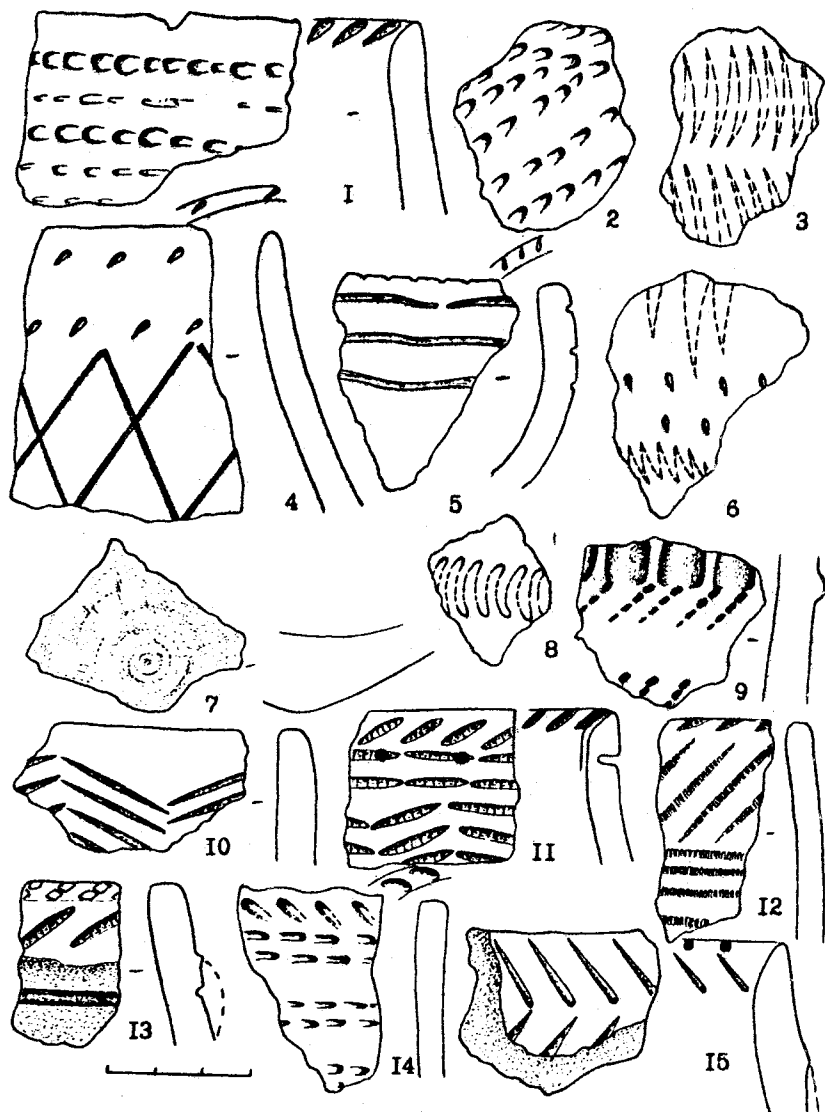

Рис. 4. Керамика поселения Павловка I

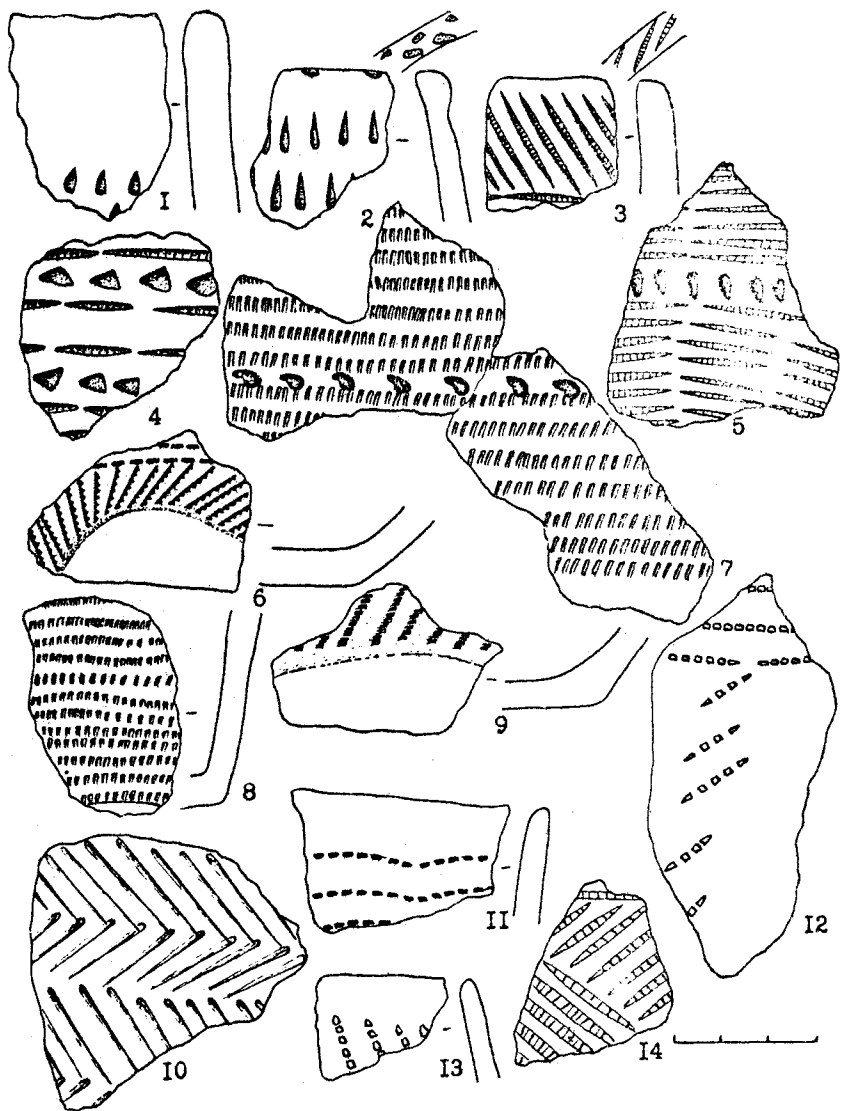

Рис.5. Керамика поселения Павловка I

Новоогорьевский район

4. Два поселения находятся на южном берегу оз.Кривое. Культурный слой поселений разрушен выдувами. Памятники открыты в 1978 г. краеведами рубцовской средней школы № II под руководством Г.А.Клюкина. На поселении Кривое I собрана коллекция из 850 предметов, из них изделия из камня составляют 772 экземпляра. Это обработанные по краям пластины (рис.8,1-8), скребки на пластинах концевого и бокового типов (рис.8,9-12), пластины с торцовой обработкой (рис.8,14-15), пластины с притупленным краем (рис.8,17-19), сверла (рис.8,20-22), наконечники стрел (рис.8,24-29). Встречены фрагменты сосудов (рис.2-3), кусочки медной руды, шлаки, капли металла, неудавшиеся отливки, обломки бронзовых предметов, кости животных. На поселении Кривое-2 собрана коллекция из 17 предметов, среди которых каменные изделия и фрагменты сосудов.

5. Семь поселений открыты Г.А.Клюкиным в 1978 г. на северо-восточной окраине бывшего с.Ненашево. Все поселения частично разрушены выдувами, культурный слой сохранился лишь местами. Большая часть поселения Ненашево-3 разрушена при строительстве плотины пруда, оставшаяся раздувается. На всех памятниках собраны каменные изделия и фрагменты сосудов (рис.3-4; 9,1-10).

6. Два поселения Круглые Семенцы (I,2) открыты в 1979 г. в 1,5 км восточнее с.Кругло-Семенцы Г.А.Клюкиным. Памятники разрушены выдувами. На поселениях собраны каменные изделия и фрагменты сосудов (рис.10,4,8,10).

7. Поселения Новоогорьевка I,II находятся на северо-северо-западной окраине с.Новоогорьевка на склоне правого берега лога. Памятники открыты Г.А.Клюкиным в 1972 г. Тогда же им были собраны каменные изделия и фрагменты сосудов (рис.10,14,16).

8. Поселения Перешеечное I-IV находятся на юго-западном берегу оз.Горькое-Перешеечное в 3-4 км к северу от кордона. Поселения располагаются на 1,5-2 км по берегу озера. Перешеечное IV в 1,5-2 км южнее базы огорьевского охотсоюза. Памятники открыты Г.А.Клюкиным в 1982 г. В 1983 г. памятники были осмотрены Ю.Ф.Киршиным и М.Т.Абдулганеевым. По кромке берега прослеживается культурный слой в 0,4-0,6 м, в осыпях собраны каменные изделия и керамика (рис.3,3).

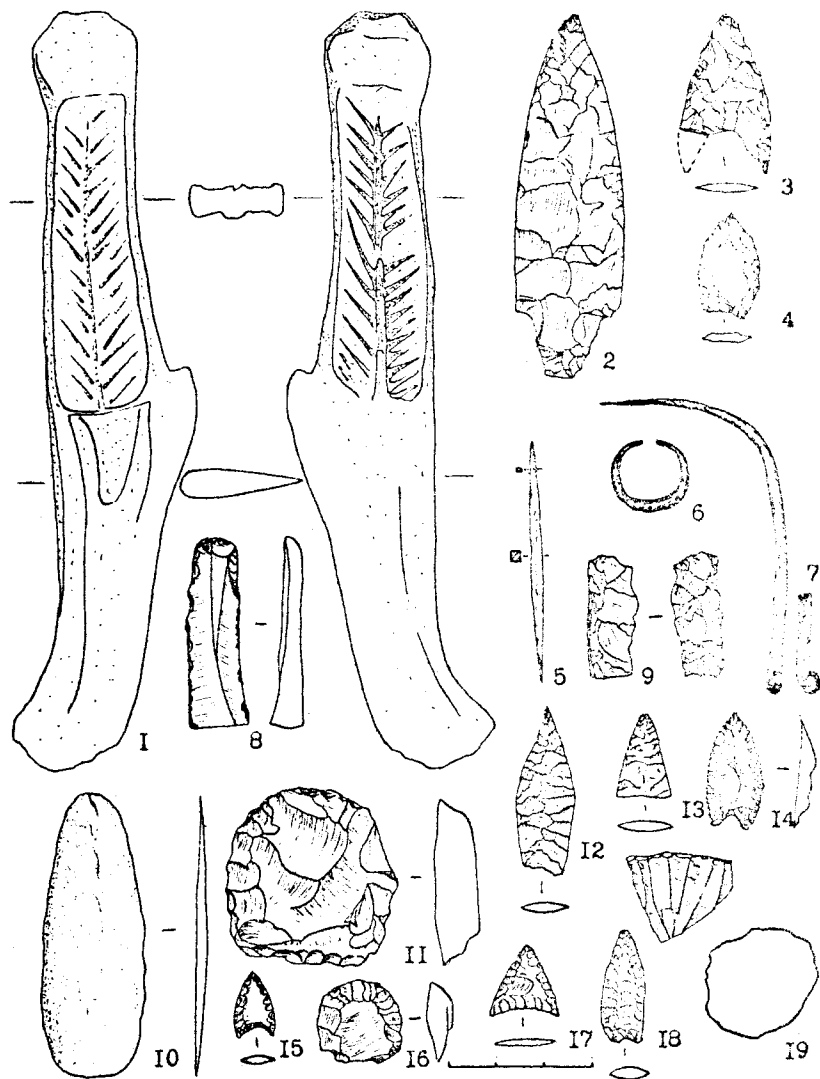

Рис.6.Каменный и бронзовый инвентарь поселений: I - Новосклю-
иха I; 8-19 - Алексеевка I

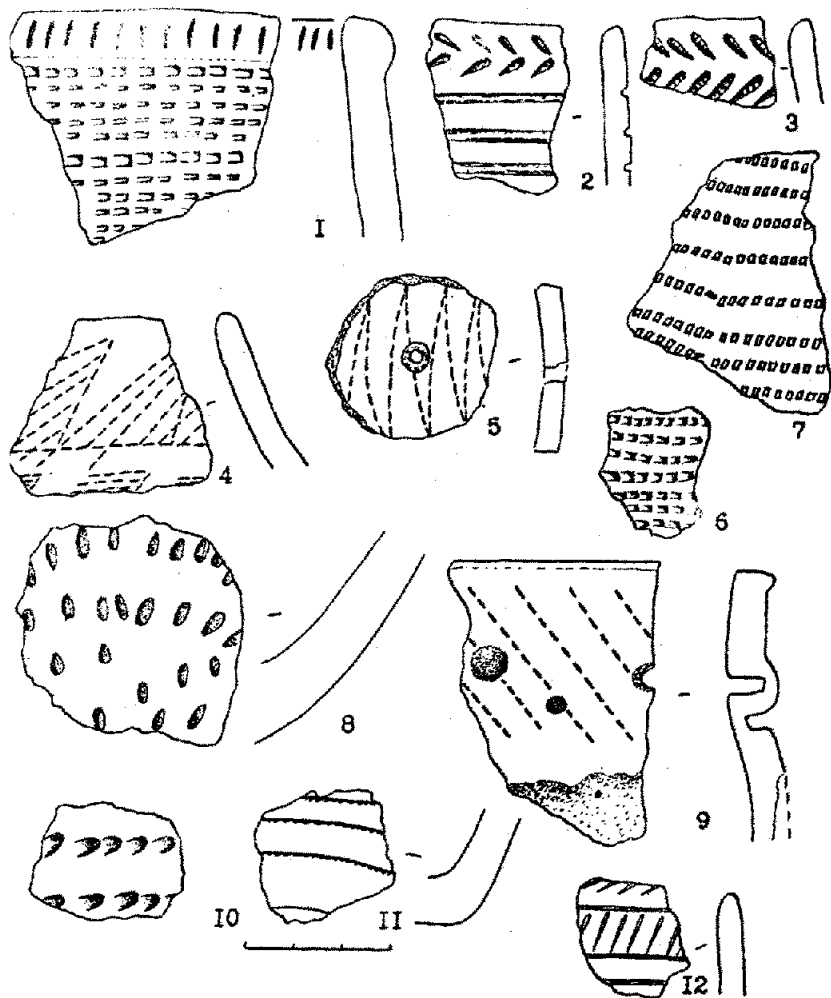

Рис.7.Керамика поселений: I - Алексеевка 3; 2-4 - Павловка 2; 5, 6 - Павловка 6; 7 - Павловка 4; 8-12 - Алексеевка I

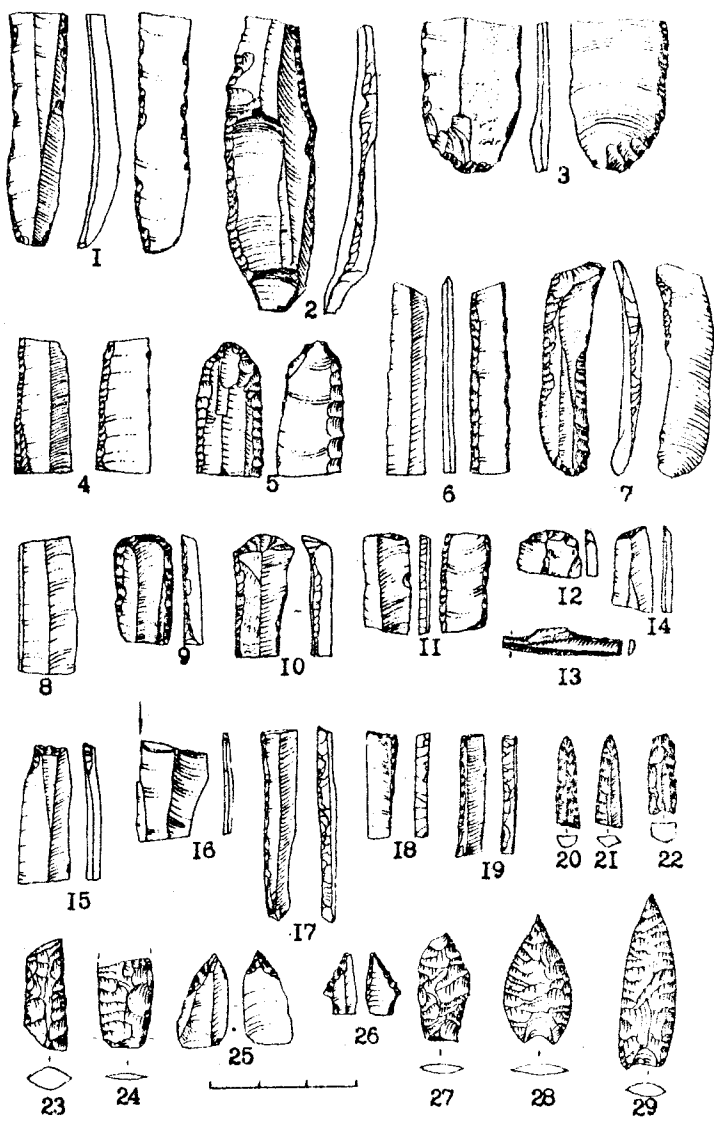

Рис.8. Каменный инвентарь поселения Кривое I

9. Поселение Перешеечное У открыто Г.А.Клюкиным в 1982 г. на северном конце оз.Горькое-Перешеечное, в 500 м от берега, на левом берегу Соловьихи. На дороге, проходящей через поселение, собраны отщепы, скребок, фрагменты сосудов.

10. Поселения Перешеечное VI (Гульбище) и VII (Красная горка) находятся на мысу северо-восточного берега оз.Горькое-Перешеечное в 3,5 км к западу от с.Сросты. Культурный слой, состоящий из темной гумусированной земли, хорошо прослеживается по кромке берега. На Перешеечном VI его мощность составляет 0,6-0,8 м, на Перешеечном VII - 0,3-0,4 м. Памятники открыты в 1972 г. В.А.Могиляниковым /17, с.215/. В 1973 г. поселение Перешеечное VI (Гульбище) было осмотрено Г.А.Клюкиным, который в течении ряд лет проводил здесь сбор материала, а в 1983 г. - Ю.Ф.Кирюшиным и М.Т.Абдулганеевым. В осипях берега собрано большое количество каменных предметов, среди которых есть ретушированные пластинки (рис.II, I-4), пластины (рис.II, 5-7; I2, II-I2), вкладыши (рис.I2, I3), сверла (рис.II, 8-I2), наконечники стрел (рис.II, I6-26; I2-I4), скребки (рис.II, 27-31; I2, I5), обломки костяной рукоятки орудия с резным орнаментом (рис.II, I5), найдены фрагменты сосудов (рис.I, I-6; 9, I6-I8). Особенно много каменных предметов собрано на Перешеечном VI (Гульбище). Найдены также обломки бронзовых предметов, куски шлака, кости животных и рыб.

11. Поселения Перешеечное VIII, IX и X, расположенные на восточном берегу озера, на юго-восточной окраине базы отдыха "Интерь", открыты Г.А.Клюкиным в период с 1969 по 1982 гг. Памятники разрушаются ветровой и береговой эрозией. В раздувах и осипях берега найдены фрагменты сосудов.

Поселения Перешеечное XI, XII находятся на юго-восточном берегу озера, на правой кромке лога, в 1,5 км от северо-западной окраины с.Новосогорьевское. Перешеечное XI открыто Г.А.Клюкиным в 1969 г., а Перешеечное XII в 1982 г. В 1972 г. Перешеечное XI было обследовано В.А.Могиляниковым, который дал ему название "Зотов лог" /1, с.230/. В осипях берега собрана коллекция керамики, каменных изделий, шлаков, костей животных.

13. Поселение Первомайский открыто Э.М.Медниковой в 1969 г. в 1,5-2 км юго-восточнее пос.Первомайский на берегу пруда. Поселение осмотрено Ю.Ф.Кирюшиным и М.Т.Абдулганеевым в 1983 г. Многослойный памятник сейчас сильно разрушен проло-

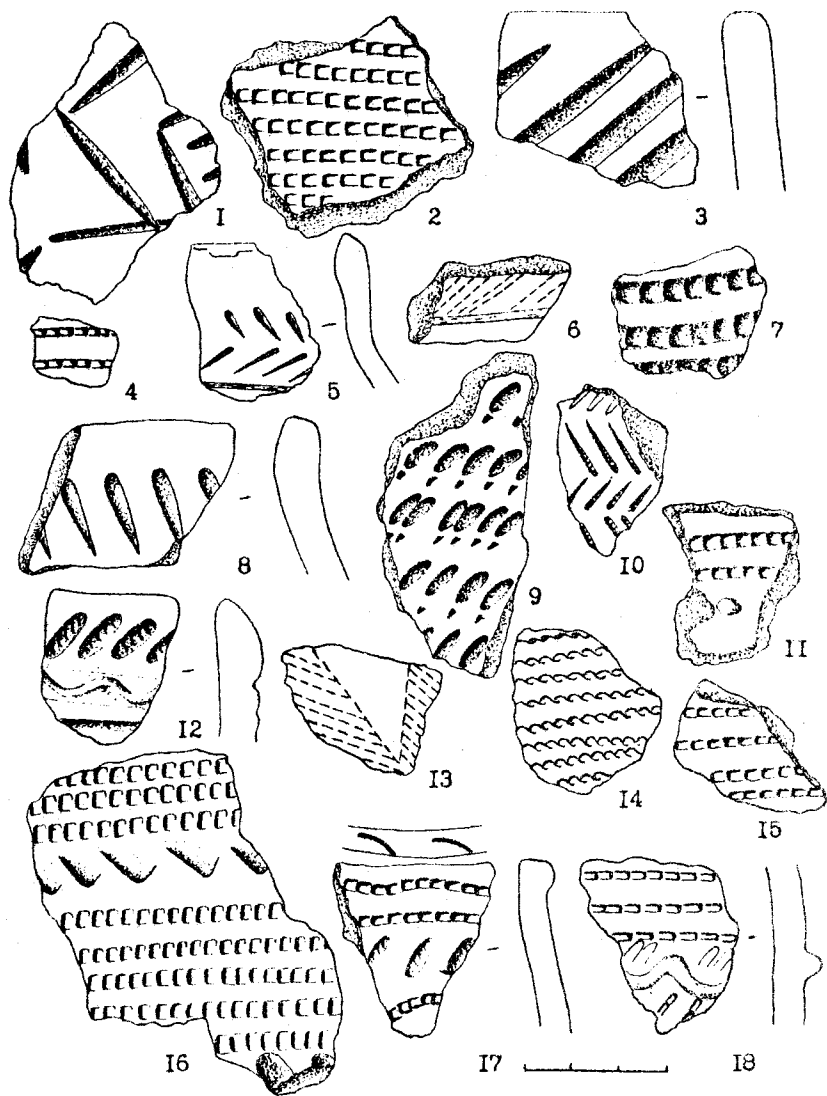

Рис.9.Керамика поселений: I-3 - Ненашево I;4-6 - Ненашево 2;
 7-9 - Ненашево 3;10 - Ненашево 4;11,15 - Вахчи 6;12-14 - Вахчи 12;
 16-18 - Перешеечное 6

женной через него дорогой и ветровой эрозией. Среди подъемного материала много керамики эпохи бронзы (рис.10, II-13,15), среди которой преобладает андроновская. Среди сборов Э.М.Медниковой много разнообразных бронзовых вещей, отнесенных В.И.Матюшенко к андроновской культуре /12,рис.3-3,6,7,10,II, 13-15/. Энеолитический сосуд с Первомайского был опубликован В.И.Матюшенко /II,рис.9-I/ и нами /13,рис.II-3/, В.И.Матюшенко отнес его к эпохе неолита /10,с.50/, а мы к афанасьевскому времени /13,с.72/.

14. Поселения Песчаный Борок I,II и, возможно, мотильник открыты Г.А.Клюкиным в 1973 г. в I-I,5 км к северо-востоку от с.Песчаный Борок на северо-восточном берегу небольшого озера. На днах были собраны ножевидные пластины, отщепы, наконечники стрел, керамика. При сооружении плотины на восточном берегу озера было вскрыто несколько могил, которые, судя по описанию, относились к раннему железному веку.

15. Рыбное. На западном берегу оз.Рыбное в I-I,5 км на юго-юго-запад от с.Ненашево. в 1978 г. учащимися рубцовской школы № II собраны нуклеусы, ножевидные пластины, скребки, отщепы и сколы (68 предметов).

16. Поселения Сибирь I,II,III находятся в 3 км северо-восточнее пос.Сибирь, у плотины, на восточной стороне пруда. Культурный слой памятников разрушен при сооружении плотины и выдувами. Открыты Г.А.Клюкиным в 1972 г. В раздувах собраны каменные изделия и керамика.

На Сибирь III в обрывах берега прослеживался культурный слой. Здесь собрана большая коллекция каменных изделий (около 240 пластик, II нуклеусов, 5I скребков, проколки, наконечники стрел, заготовки тесел и топоров), бронзовые предметы и керамический материал. Памятник открыт Г.А.Клюкиным в 1969 г.

Р у б ц о в с к и й р а й о н

17. Поселения Новосклиха I,II находятся в 4 км северо-западнее с.Новосклиха. Новосклиха I разрушено выветриванием. В юго-восточной части выдува площадью около 20 га Г.А.Клюкиным в 1969 г. собрана коллекция предметов из камня, бронзы и фрагментов керамики. Среди них каменные наконечники стрел разных типов (рис.6, 2-4), скребки (рис.12,16,17), серло по дереву на отщепе (рис.12,18), подретушированный нуклеус (рис.12,19), бронзовое шило (рис.6,5), кольцо с несомкнутыми концами

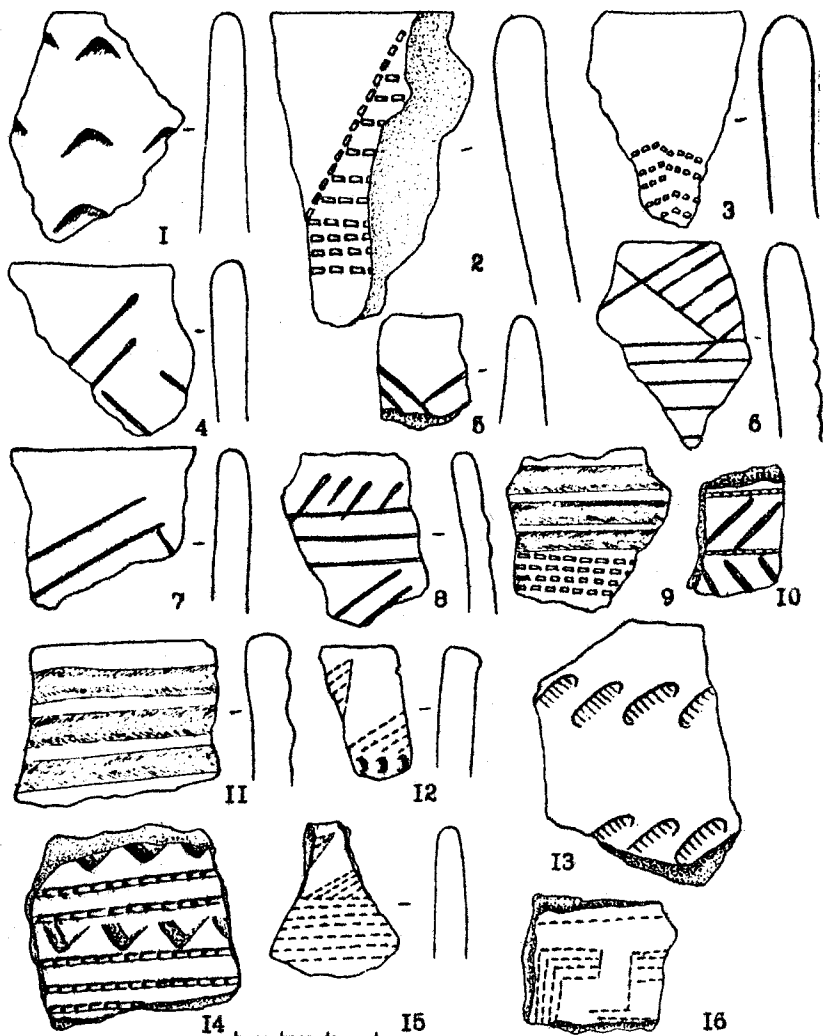

Рис. 10. Керамика поселений: I-3 - Новенькое 3; 4, 8-10 - Круглые Семены I; 6, 7 - Новенькое 4; II-13, 15 - Первомайский; 14, 16 - Ново-горьевка I

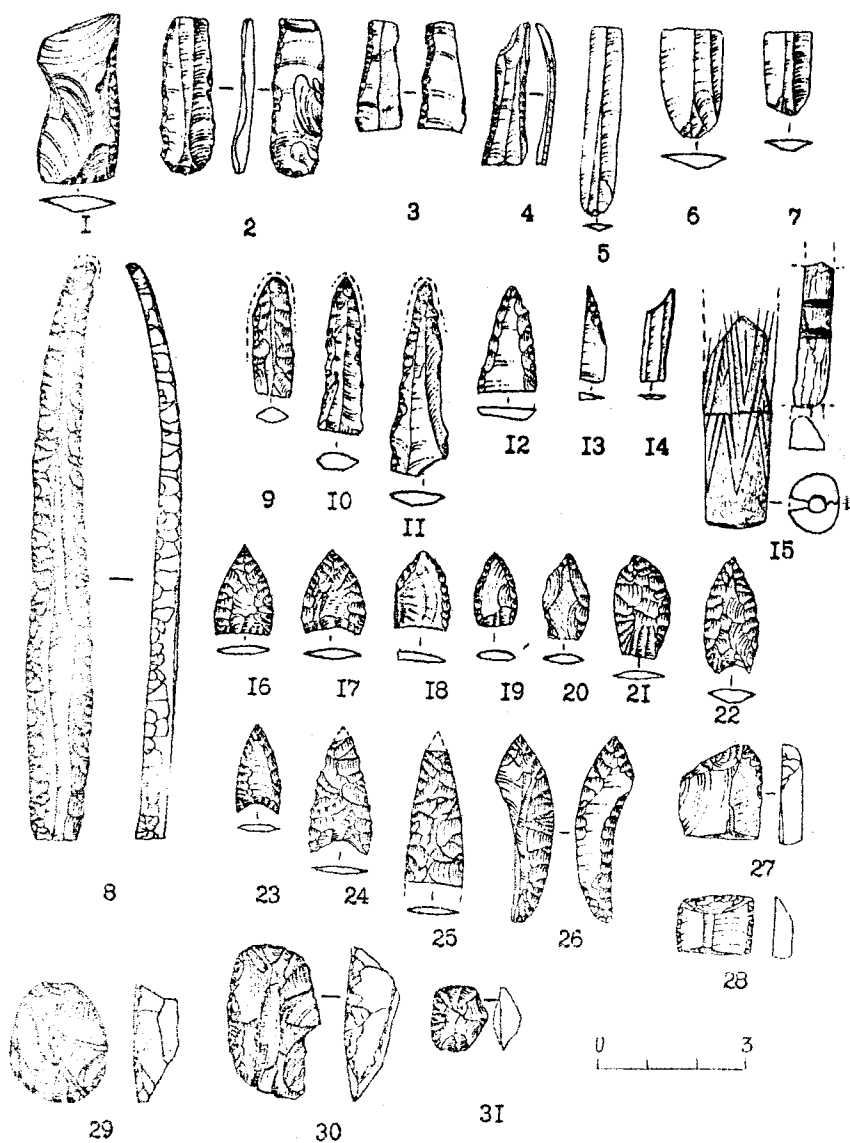

Рис. II. Каменный и костяной инвентарь поселения Перешеечное (Гудьбище)

(рис.6,6), итлы с закругленным путем загибания концами (рис.6,7). На поселении Новосклюиха П В.М.Рябовым найдены бронзовый чекан и нож (рис. 6,1).

18. Вылково. Поселение эпохи бронзы находится на северном берегу оз.Вылково в 5 км к северо-востоку от железнодорожной станции Мамонтово. Открыто Г.А.Клюкиным в 1971 г.

19. Горчина. Поселение эпохи бронзы на юго-восточном берегу оз.Горчина. У основания обрыва Г.А.Клюкиным собраны в 1978 г. ножевидные пластины, проколка и отщепы.

20. Казачье. Поселение эпохи бронзы находится в 200-250 м от западного берега оз.Казачье и в 100 м к северо-востоку от Эмянногогородского тракта. В 1969 г. Г.А.Клюкиным на выдувах собраны фрагменты осудов, нуклеусы, ножевидные пластины, наконечники стрел. В статье А.П.Уманского и Г.А.Клюкина этот памятник дается под названием Большие Елбаны I /6, с.3-38/.

21. Поселения Кочковатов I и II находятся в 5 км на юго-восток от г.Рубцовска, на выдуве пологого склона холма, в 150-200 м к юго-юго-западу от оз.Кочковатого. Открыты Г.А.Клюкиным в 1969 г. На поселениях собраны каменные изделия, керамика. На Кочковатое I прослеживаются остатки могильника конца I тно. до н.э. Этот памятник в статье А.П.Уманского и Г.А.Клюкина называется Большие Елбаны II /6, с.38/.

Л о к т е в с к и й р а й о н

22. Местонахождение Золотушка. Находится в 2,5-3 км к северо-востоку от с.Советский Путь, в 200-250 м ниже впадения в р.Алей левого притока р.Золотушки. Памятник открыт Г.А.Клюкиным в 1977 г. В разные годы на русловой отмели левого берега им была собрана коллекция каменных предметов, относящихся к верхнему палеолиту, коллекция андроновской керамики (рис.13; 14; 15, 1-5, 7) и каменные предметы, вероятно, относящиеся к андроновской культуре (рис.15, 6; 16, 6).

23. Комплекс памятников, состоящий из 24 поселений и местонахождений, открыт Г.А.Клюкиным в период с 1972 по 1982 гг. на оз.Новенькое. В работах 1980 г. принимал участие А.В.Онников. Памятники располагаются по береговому террасам между озером и кромкой берега, находящегося в 2 км западнее озера. Все они частично разрушаются выдувами, на многих прослеживается культурный слой, состоящий из темной гумусированной земли

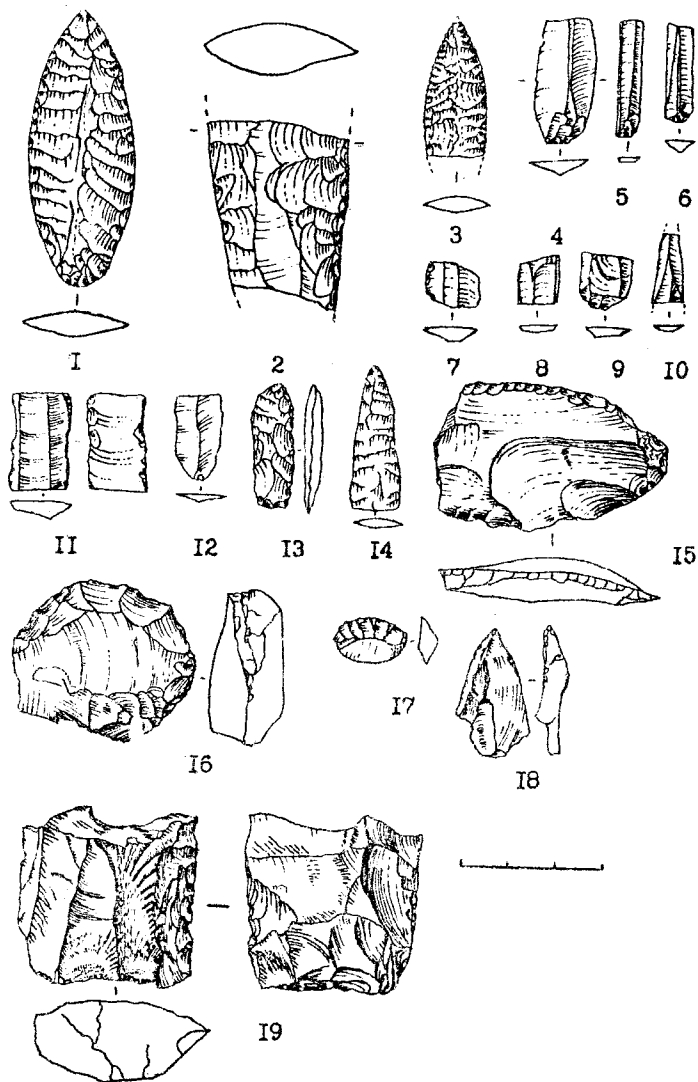

Рис. 12. Каменный инвентарь поселений: I-10 - Новенькое I; II-15 - Перешеечное 7; I6-19 - Новосклиха I

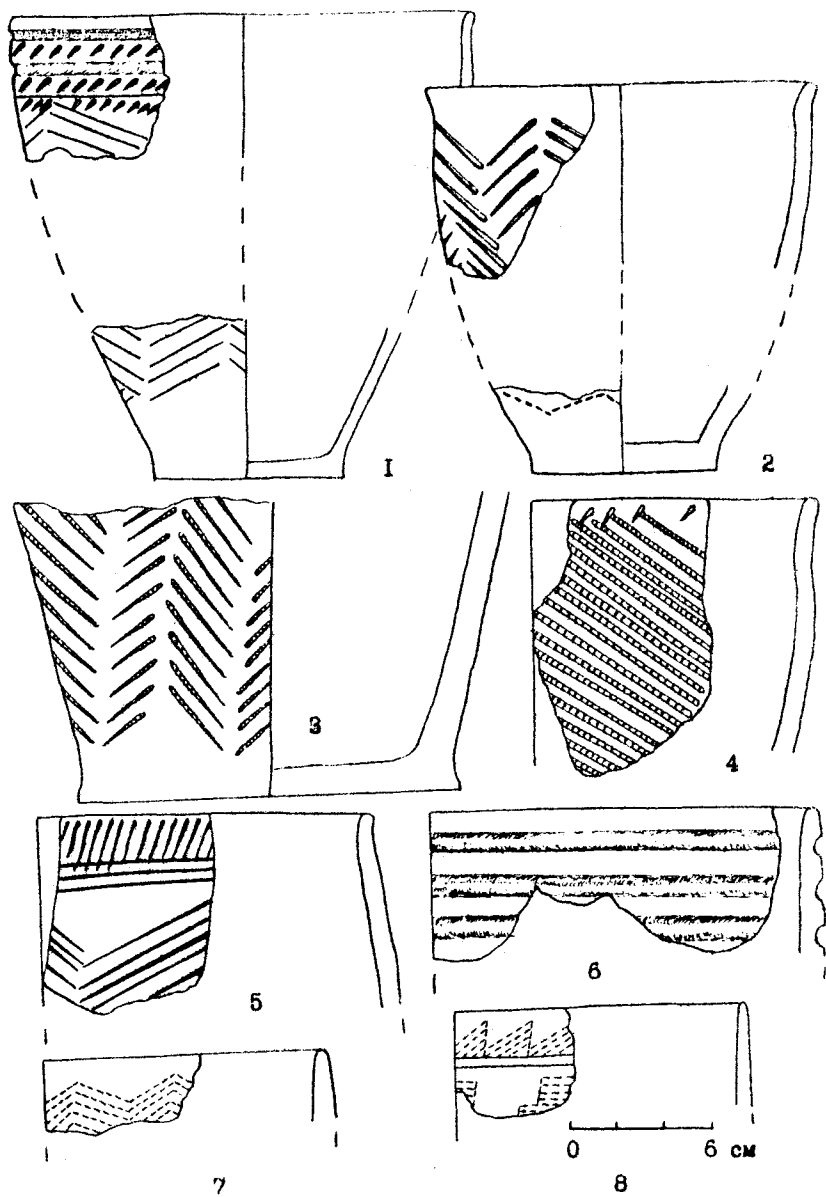

Рис. 13. Керамика поселения Золотушка
93

мощностью до 75 м. В раздувах проведены сборы подземного материала. На поселении Новенькое I найден обломок наконечника дротика (рис.12,2), наконечники стрел (рис.12,1,3), усеченные призматические пластины (рис.12,4-6), сечения пластин (рис.12,7-10), мелкие и нуклеидные отщепы. На Новеньком б встречены пластины (рис.17,18-20), нуклеус (рис.17,21) и пест (рис.17,22). На Новеньком 15 собраны каменные скребки (рис.18,4,25), на Новеньком 14 найден каменный черешковый наконечник стрелы (рис.19,1), на Новеньком 17 - точило, скребок и обломок тесла (рис.18,1-3). На поселении Новенькое 20 собраны скребки, нуклеус, наконечники стрел, вкладыши (рис.18,14-27), тесло (рис.16,3), на Новеньком 9 найдены пулевидный наконечник стрелы (рис.19,13), а на Новеньком 19 - бронзовое кольцо (рис.19,7), на Новеньком 20 - бронзовый нож (рис.16,5). Особенно много находок на поселении Новенькое 21. Это скребки (рис.17,1), скребла (рис.17,2), концевые скребки (рис.17,3, 4; 19,8), скребки (рис.17,5; 19,9), наконечники стрел (рис.17,6-13;23,3), пластины (рис.19,10,11), вкладыши с двусторонней обработкой (рис.17,14-16), обломок бронзового кельта (рис.17,17), бронзовые шилья (рис.19,2,4,5), бронзовые иглы (рис.19,3, 14,15). На многих поселениях встречены фрагменты сосудов (рис.2,1,2,4,5,8; 10,1-4,6,7; 15,8-20).

Второй комплекс памятников находится у с.Калантырь, в 2-3 км юго-западнее от памятников на оз.Новенькое. Все они открыты Г.А.Клюкиным с 1979 по 1982 гг. Поселения Калантырь I, II расположены в 2,5 км на северо-запад от с.Калантырь, на кромке бора у дороги Аул-Новенькое. В выдувах собраны каменные наконечники стрел (рис.19,16), ножевидные пластины с обработкой (рис.19,17-19) и без нее (рис.19,20-22), нуклеус (рис.19,23), точильный брусок (рис.19,24). Калантырь 3 располагается в 1-1,5 км северо-северо-восточнее села. Поселения Калантырь 4-8 находятся в 1,5-2 км западнее, а Калантырь 9,12 в 2-2,5 км юго-западнее села. На Калантырь 5 найдены бронзовые шилья (рис.21,1,2), игла (рис.21,3), ложило из гальки, обломок грезла (рис.21,4,5), скребки (рис.21,6-8,12), пластины (рис.21,9,10), тесло на галечном отщепе (рис.21,11). Поселения Калантырь 10,11 расположены в 1,5-2 км юго-восточнее села. На Калантырь II встречены фрагменты керамики, каменные изделия и створка литейной формы для отливки наконечника копьей с вильчатым стержнем пера (рис.22).

Третий комплекс памятников находится в нескольких км к юго-западу от оз.Новенькое у с.Аул Бородулинского района Семипалатинской области Казахской ССР. Здесь у села в районе арбузных бахчей Г.А.Клюкиным были открыты 12 поселений, которым он дал название Бахчи I-12. На поселениях собран многочисленный каменный инвентарь, среди которого есть двустороннеобразованный нож (серб?) (рис.23,1), вкладыши (рис.23,2; 24,3,6-8), обломки наконечника дротики (рис.23,4; 24,20), скребки (рис.23,5; 24,5,16,17,22,23), наконечники стрел (рис.24,5-II,2I), нуклеусы (рис.23,7; 24,1), пластины (рис.23,9), точильные бруски (рис.23,10; 24,14), грузила (рис.23,6) и обломок сложносоставного крючка (рис.24,13). Найден обломок золоченого бронзового предмета с прочерченным орнаментом (рис.24,18) и многочисленные фрагменты сосудов (рис.1,7; 3,1; 9,II-15). Видимо, эта группа памятников вместе с памятниками у с.Калантырь и на оз.Новенькое составляет единый комплекс и оставлена одними группами населения.

Таким образом, в юго-западном Алтае сейчас известно более 100 памятников эпохи неолита и бронзы. Как уже отмечалось, на многослойных памятниках материалы разных эпох выделялись типологически, так как все они представляют собой сборы. Единственное, что удавалось — это проследить иногда планиграфию находок, когда равновременные изделия встречались в разных частях больших дюнов или на разных дюнах одного памятника, что, видимо, соответствовало месту и интенсивности заселения этого поселения в древности.

Э п о х а н е о л и т а

Материалы эпохи неолита встречены на 10-15 памятниках: Павловка I, Алексеевка I, Веловое 2, Новенькое 6, Кривое I, Перешеечное 6, Калантырь I9 и в комплексе Бахчи. Прежде всего это керамика, украшенная оттисками отступающей палочки или лопаточки, прочерченными волнистыми линиями (рис.1,2,13,14; 4,1,2; 7,10; 20,6-10). Подобная керамика найдена на памятниках завьяловского этапа Завьялово-2 и Седова Завимка-2 в Новосибирском Приобье /18, табл. I, П, IV /, который В.И.Молодин датирует концом IV-первой третью III тысячелетия до н.э. /18, с.18/. Вообще орнамент, нанесенный отступающей палочкой, характерен для верхнеобской неолитической культуры /11, с.72/. Однако М.Ф.Косарев считает, что она представляла собой большую

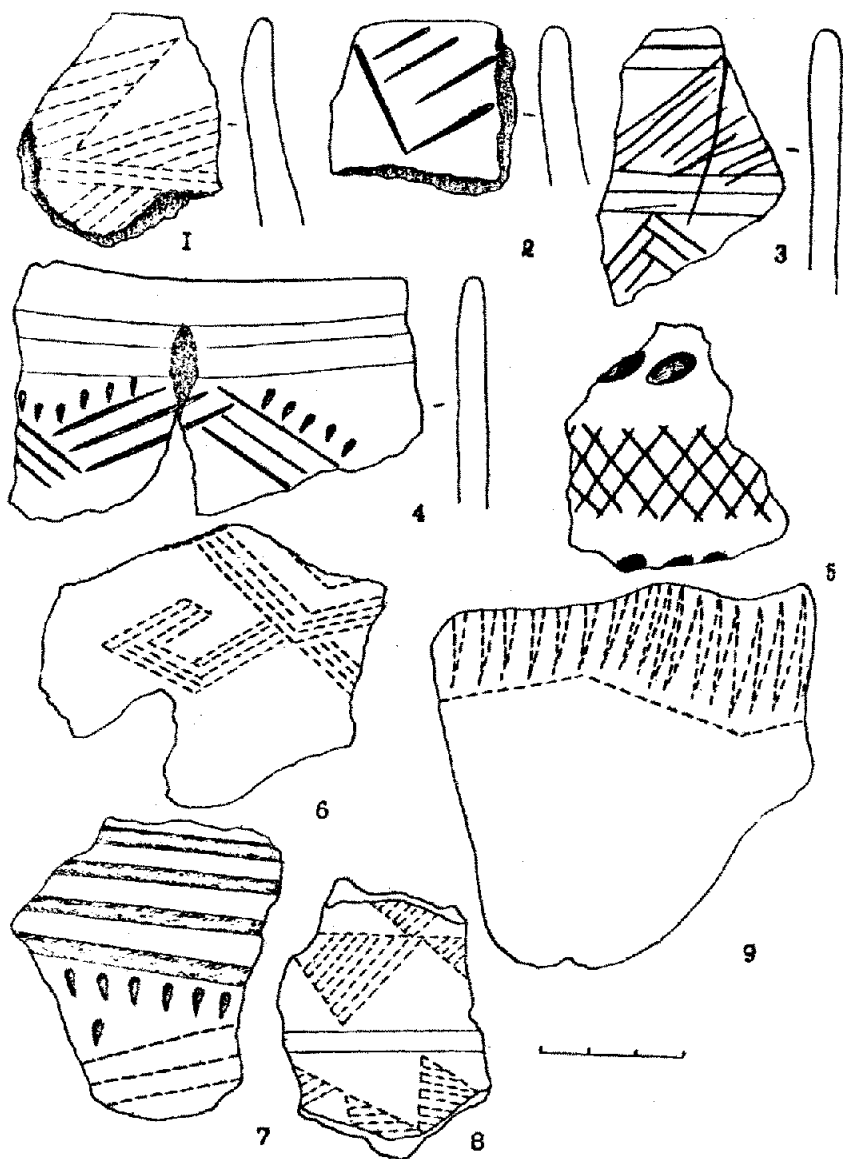

Рис. 14. Керамика поселения Золотушка

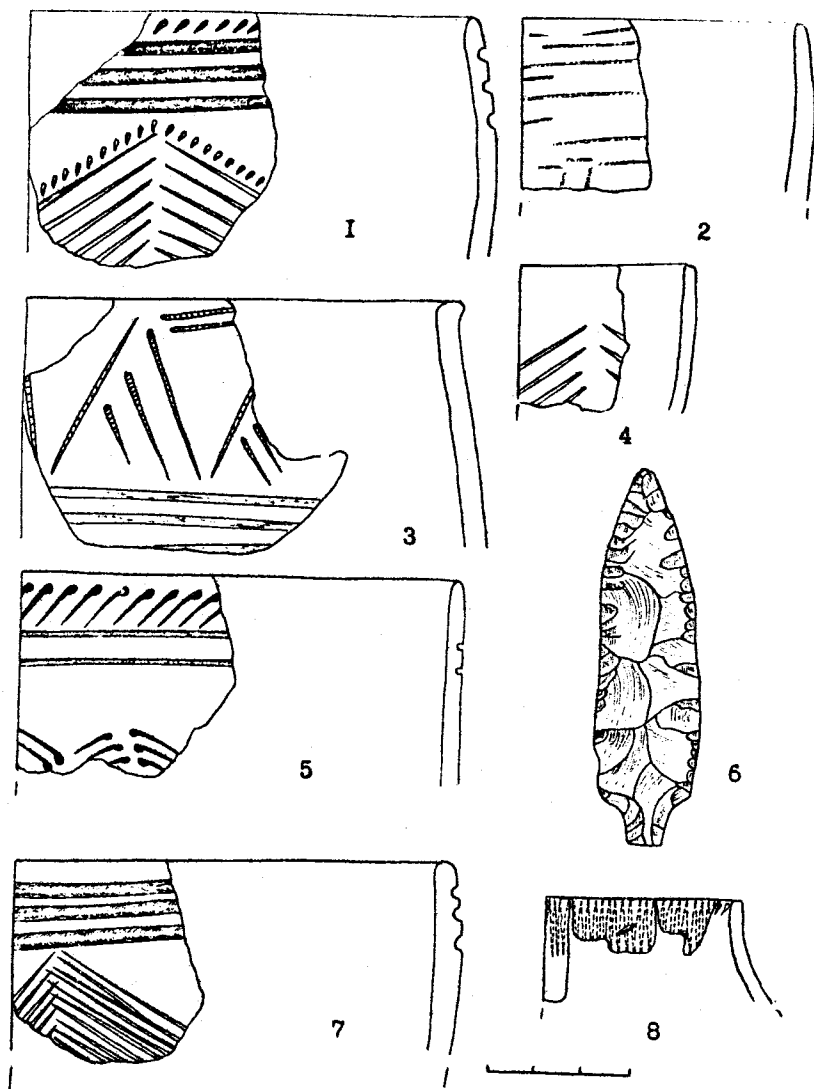

Рис. 15. Керамический и каменный инвентарь поселений:
 1-7 - Золотушка; 8 - Новенькое I5

культурную общность, в пределах которой локализовалось несколько родственных культур, существующих в переходное от неолита к бронзе время в Верхнем и Томско-Нарымском Приобье /19, с.63/. Отступающая палочка встречается и на посуде этого периода /19, рис.19-2/, правда, там она образует горизонтальные волнистые линии /19, рис.19/.

Из каменных орудий к эпохе неолита можно отнести тесло на галечном отщепе, найденное на поселении Калантырь 19 (рис.21, II). Тесло со всех сторон обработано крупной ретушью, а в центральной части сохранилась валунная корка. Вместе с ним найден скребок на кремнистом отщепе (рис.21, I2), который мог использоваться и как скобель. Подобные орудия труда встречены В.Ф.Звйбертом на стоянке Явленка VI в Петропавловском Прияшильме /20, рис.5/. Скобель и скребло, найденные на стоянке Новенькое 21 (рис.17-1, 2), аналогичны материалам стоянки Явленка VI /20, с.101, рис.5/. К неолиту, видимо, могут быть отнесены нуклеусы, найденные на ряде памятников: Алексеевка I (рис.6, I), Новосклякха (рис.12, I9), Новенькое 5 (рис.17, 21), Калантырь 2 (рис.19, 23), Бахчи 6 и 8 (рис.23, 7; 24, I). Это клиновидно-торцовые (рис.6, I 9; 24, I), подпризматические (рис.17, 21; 23, 7), плоскостные (рис.12, I9; I9, 23). Такие нуклеусы существовали в мезолитическое время и в неолите /15, рис.2/. Подобные призматические и конические нуклеусы выделяют в джейтунских материалах Г.Ф.Коробкова /21, с.110/ и В.М.Массон /22, с.29, табл.X-I0-I2, XI-3/. В.М.Массон отмечает, что неширокая пластина служила основной заготовкой для большинства джейтунских орудий /22, с.79/. Г.Ф.Коробков, исследуя под микроскопом материалы неолитических поселений Джейтуне, Усть-Нарыма и Джебела, пришла к выводу, что типологически сходные ножевидные пластины использовались в качестве боковых скребков, скобелей, серпов, пилки и ножей /23, с.153/. Пластины и орудия на пластинах часто встречаются на памятниках Алтая. Это обработанные по краям пластины (рис.6, 8; 8, I-8), боковые и концевые скребки (рис.8, 9-12; II, 27, 28), скобели (рис.11, 2-4; I7, I), пластины с торцовой обработкой (рис.8, I4, I5), пластины с притупленным краем (рис.8, I7-19), сверла по камню и кости (рис.8, 20-22; II, 8-12), усеченные призматические пластины (рис.12, 4-6; I9, 8, I0, II), сечения пластин (рис.12, 7-10) и пластины, обработанные притупляющей ретушью (рис.19, I7-19), вкладыши мясных ножей (рис.11, 5-7).

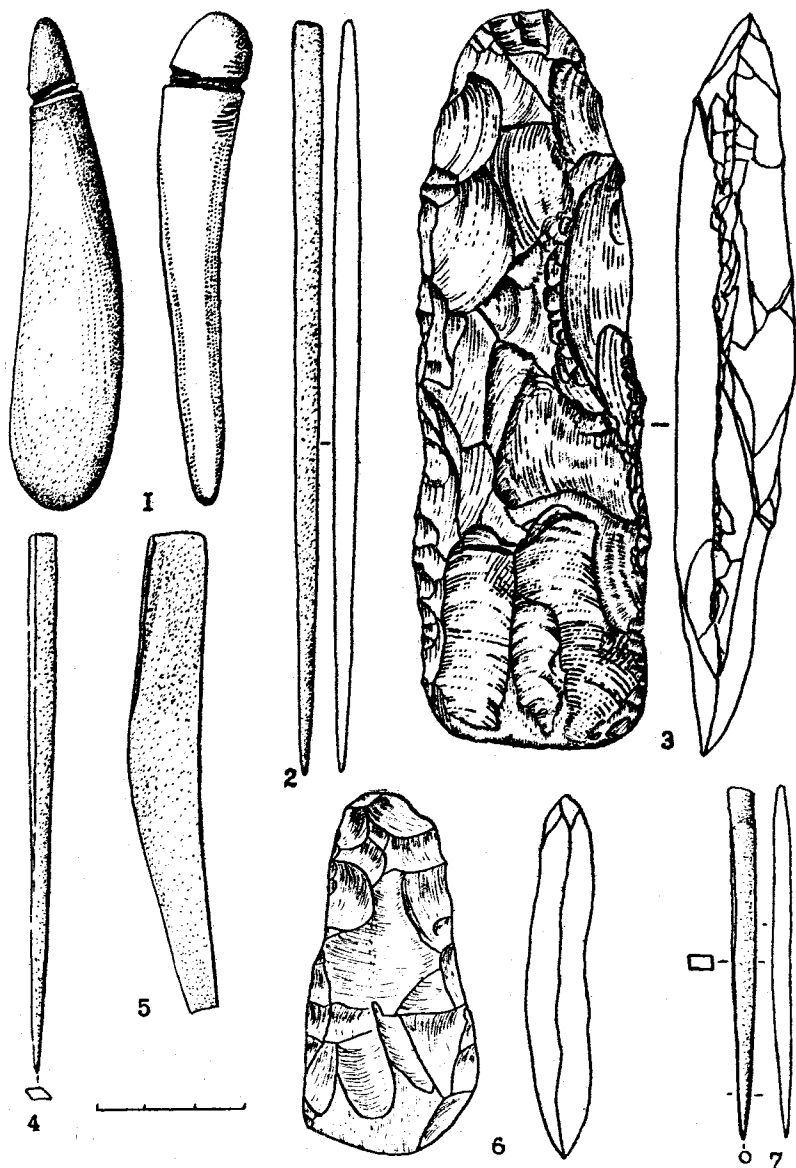

Рис. 16. Каменный и бронзовый инвентарь поселений: 1, 4, 7 - Калантырь I4; 2 - Новенькое 2I; 3, 5 - Новенькое 20; 6 - Золотушка

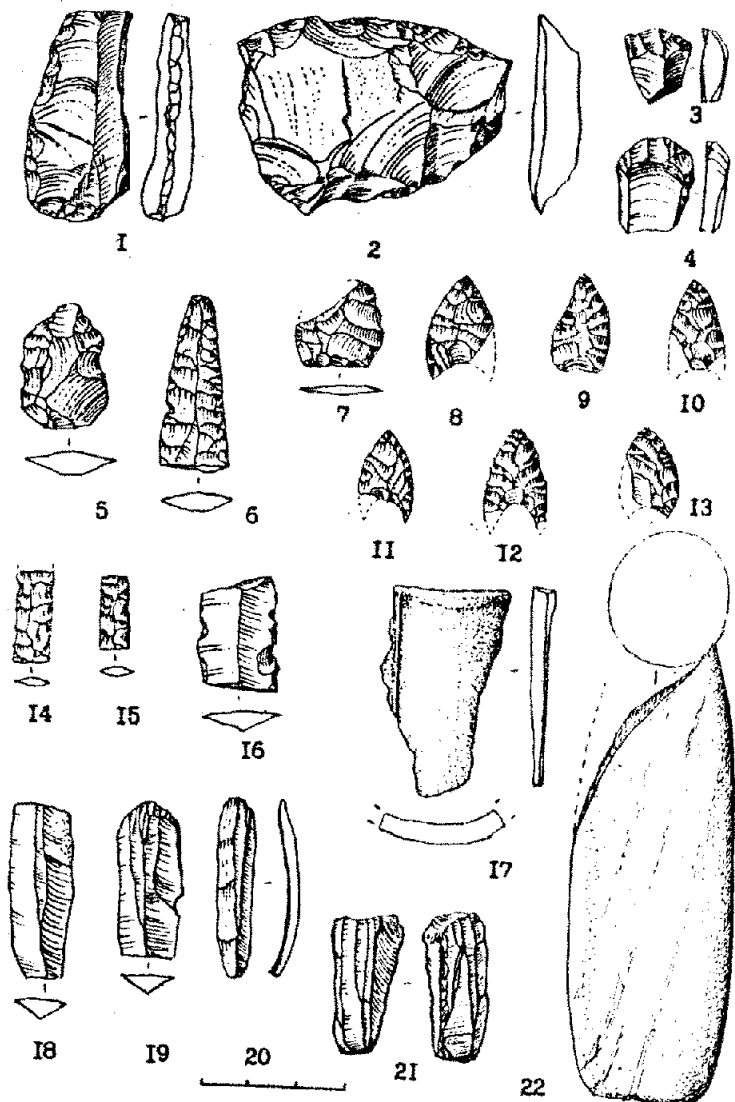

Рис. 17. Каменный и бронзовый инвентарь поселений: 1-17 - Новенькое 2; 18-22 - Новенькое 5

На поселении Перешеечное 6 (Гульбище) встречен асимметричный наконечник стрелы с боковой выемкой кельтеминарского типа (рис. II, 26). Подобные наконечники стрел встречаются в неолитических памятниках Урала и Западной Сибири /24, рис. 2/. Г. Н. Матюшин считает, что появление наконечников с боковой выемкой на Урале относится ко времени около IV тысячелетия до н. э. и отражает связи поздненеолитического населения Урала с южными соседями /24, с. 150-151/. Возможно, некоторые из рассматриваемых орудий существовали в более широком хронологическом диапазоне.

Э п о х а э н е о л и т а

К эпохе энеолита можно отнести материалы, собранные на памятниках Павловка I, П, Ш, VI, Алексеевка I, У, Перешеечное 6, 7, Ненашево 3, Первомайский, Новенькое 7, 15, Бахчи 10 и других. Это прежде всего фрагменты круглодонных сосудов, украшенных отпечатками гребенки (рис. 3, 5), лунками (рис. 7, 8), гребенчатой качалкой (рис. I, I, 18; 4, 3, 6-8; 7, 5; 15, 8), резными линиями (рис. 4, 5), иногда образующими сетку (рис. 3, 4). На Павловке Ш встречен остродонный сосуд, украшенный гладкой качалкой /13, рис. II-1/ и крупный мясной нож (дротик?), обработанный двусторонней ретушью /16, рис. 2-1/, на Павловке X - крупный наконечник дротика /16, рис. 2-2/, на Новеньком I - обломок дротика (рис. 12, 2). К этому времени относятся двусторонне обработанные вкладыши (рис. 6, 9; 8, 23; 12, 13; 17, 14-16; 23, 2; 24, 3). Для многих из них характерны прямые подработки поверхности посредством плоской встречной ретуши. Особенно много таких орудий на поселении Павловка I /15, рис. 6/. К этому времени относятся обработанный двусторонней ретушью мясной нож (серп?) из кварцитовидного слывного песчаника (рис. 23, 1), кремнистый наконечник стрелы, обработанный двусторонней ретушью (рис. 23, 3), обломок наконечника дротика, обработанный зубчатой ретушью (рис. 23, 4), скребок овальной формы, зашлифованный во время работы (рис. 23, 5), с поселения Бахчи 10 - наконечники стрел: листовидные, ромбовидные, подтреугольные с овальными краями и вогнутым насадом (рис. 6, 12-18; 8, 23-29; 11, 16-25; 12, 1, 3; 17, 6-13; 18, 22-23; 24, 9-12). Некоторые из наконечников обработаны зубчатой ретушью (рис. 6, 14; 8, 23). Подобные наконечники дротиков и стрел широко встречаются в энеолите Южного Урала на памятниках Карабалдыты IX, XII /25,

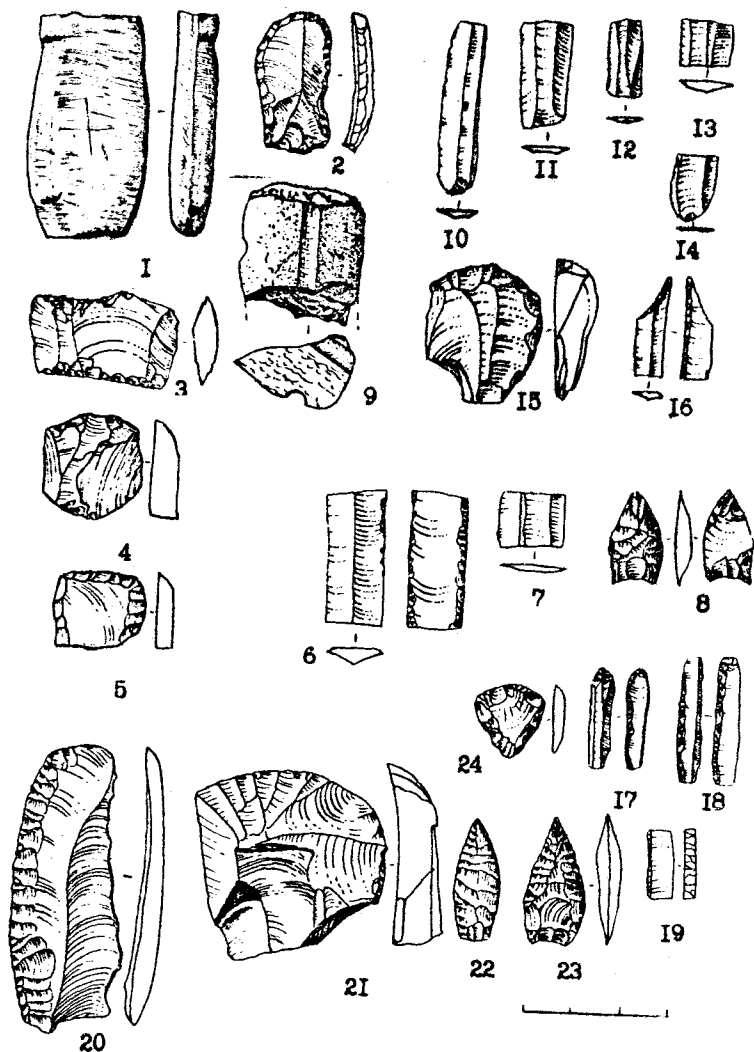

Рис. 16. Каменный инвентарь поселений: 1-3 - Новенькое 17; 4, 5 - Новенькое 15; 6-8 - Калантьрь 15; 9 - Калантьрь 13; 10-16 - Калантьрь 15; 17-24 - Новенькое 20

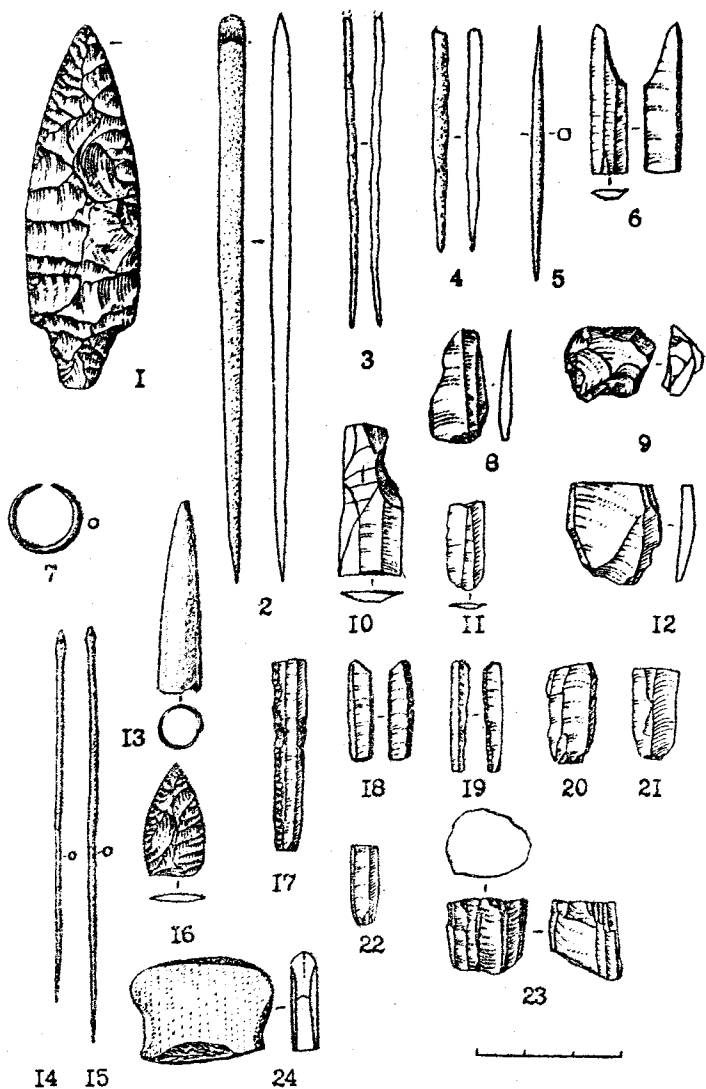

Рис. 19. Каменный и бронзовый инвентарь поселений:
 I - Новенькое 14; 2-6, 8-12, 14, 15 - Новенькое 21; 7 - Новенькое
 19; 13 - Новенькое 9; 16, 24 - Калантырь 1; 17-23 - Калантырь 2

табл.67,77/. Встречаются они и в памятниках Нижнего Притомыя, в могильнике на Старом мусульменском кладбище и в самусьском могильнике /12,рис.14; 18,рис.19,20/. К эпохе энеолита следует отнести и найденное на Алексеевке I медное (бронзовое ?) лезвие для составного ножа (рис.6,10). Ножи ранних форм без черешка встречаются в энеолите Средней Азии и Кавказа, который датируется Е.Н.Черных У - первой половиной IУ тысячелетия до н.э. /26,с.57/. Е.Е.Кузьмина допускает, что ранняя дата подобных ножей, исходя из примитивности их формы, представляется более чем вероятной /27,с.38/. Ю.С.Гришин относит подобные ножи к листовидным I типа и считает, что они могут датироваться концом III-началом II тысячелетия до н.э. /28,с.9/. Видимо, вторая половина III тысячелетия до н.э. будет наиболее вероятной датой их появления в юго-западном Алтае.

Р а н н я я и р а з в и т а я б р о н з а

Материалы ранней бронзы встречены на 20 памятниках. В основном это керамика, орнаментированная отрисками отступающей гребенки (рис.1,5,9; 4,14; 7,1,6; 9,2,7,11,15-18; 10,14), печатной гребенки, лунками, резными линиями, отпечатками угла дощечки, резными насечками (рис.1,3,4,6-8,10,11,14,15-21; 3,1,2,4; 4,9; 11,13,15; 5,1-14; 7,7,9-9,12; 10,1-3,9,10,13; 20,3,6,12,13,15). На некоторых сосудах прослеживается прямой или волнистый валик: (рис.4,13; 9,12,18), который является обязательным элементом для кротовской керамики /18,с.49-68,табл.XLVII-LV/. Орнаментация в виде отрисков отступающей гребенки появляется еще в эпоху энеолита /19,рис.19-9/, но наибольшее развитие получает в начале II тысячелетия до н.э. Она широко встречается на керамической посуде из памятников Васюганья /29,рис.2; 29,рис.31/; отступающая гребенка в различных сочетаниях преобладает в орнаментации керамики елунинской культуры /14,рис.4/. Все перечисленные культуры датируются первой половиной II тысячелетия до н.э.

Материалы развитой бронзы встречены более чем на 15 памятниках. В большинстве случаев это фрагменты андроновских сосудов. Выделяется 2 типа андроновской посуды: хорошо профилированные горшки и банки. Горшки, как правило, украшены геометрическим орнаментом, выполненным гребенчатым штампом (рис.2,3,6; 3,3; 7,4; 10,15,16; 13,3,7,8; 14,1,6-9) или резной техникой (рис.1,7; 13,1,2; 15,3). Банки украшены чаще резным орнаментом,

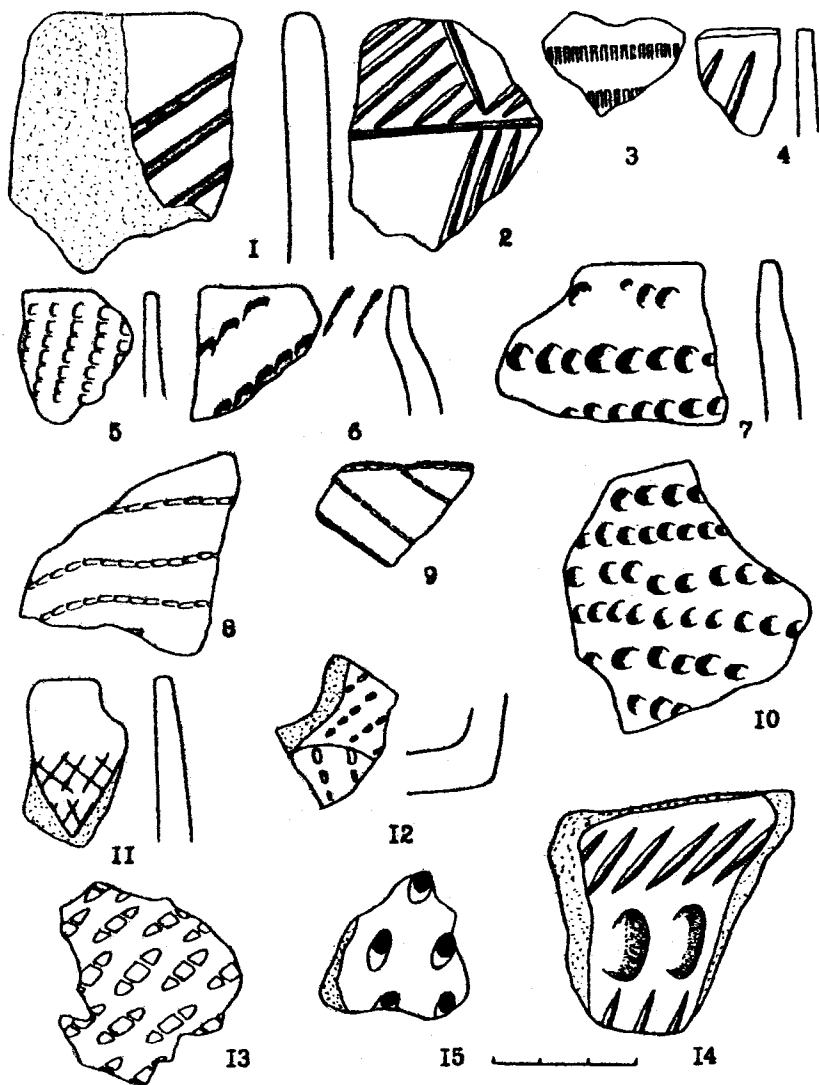

Рис.20.Керамика поселений: I-4,15 - Новенькое 7;
5-14 - Новенькое 6

иногда различными насечками, каннелюрами (рис. I, 2, 4, 5, 7, 8; IO, I, 4-8, II; I3, I, 2, 5, 6; I4, 2-4; I5, I, 2, 4, 5, 7). Эта посуда характерна для андроновской культуры и чрезвычайно широко бытует на памятниках Западной Сибири. Иногда она встречается вместе с керамикой, украшенной отпечатками более крупнозубого гребенчатого штампа (рис. 4, II, I2; 5, 3-9, I2-I4; 7, 3, 7; IO, I, 5, IO; I3, 4), иногда образующего различные геометрические фигуры (рис. 2, I; IO, 2, 3). Видимо, находки этой посуды вместе с андроновской отражают контакты пришлого андроновского населения с местным, жившим здесь в эпоху ранней бронзы.

Вместе с керамикой ранней и развитой бронзы найдены бронзовые, каменные и один керамический предметы. Самой многочисленной находкой являются бронзовые шилья 3 типов.

Первый тип представлен двумя обоюдоострыми квадратными в сечении шильями длиной около 5 см (рис. 6, 5; I9, 5). Второй тип - четырьмя односторонними четырехгранными в сечении шильями длиной от 7-8 до I5-I6 см (рис. I6, 2, 4, 7; I9, 2, 4). Черенок этих шильев уплощен. Третий тип представлен тремя целыми и двумя обломками четырехгранных в сечении в средней части и округлых в верхней части шильев, нерабочий конец которых закручен в I, 5-2 оборота (рис. 6, 7; I9, 3; 2I, I, 2). В одних случаях образуется небольшая петля (рис. 6, 7), в других ее нет (рис. 2I, I, 2).

Шилья первого типа встречаются в неолитических памятниках Средней Азии начиная с конца V тысячелетия до н.э., бытуют на протяжении IV тысячелетия /6, с. 57/ и захватывают начало III тысячелетия до н.э. /27, с. 62/. Е.Е. Кузьмина выделяет подобные шилья во 2 тип /27, с. 62/. В Западной Сибири подобные шилья появляются в погребениях афанасьевской культуры и бытуют довольно длительное время /28, с. 25/. Шилья второго типа широко встречаются на территории Средней Азии, Казахстана и Западной Сибири /I2, с. I7/. Е.Е. Кузьмина выделяет их в 4 тип /27, с. 64/. М.П. Грязнов выделял подобные шилья как специфическую андроновскую форму /30, с. I56-I57/. Следует отметить, что они встречены в андроновском могильнике у д. Еловка в Томской области /I2, с. I7/ и на Алтае найдены вместе с другими андроновскими материалами. Шилья третьего типа встречаются в андроновских материалах с шильями первых двух типов, хотя шилья первого типа встречаются и отдельно. Возможно, этот тип является переходной формой к шильям со шляпками. Возможно, шилья этого типа могли использоваться и как крупные иглы. Видимо,

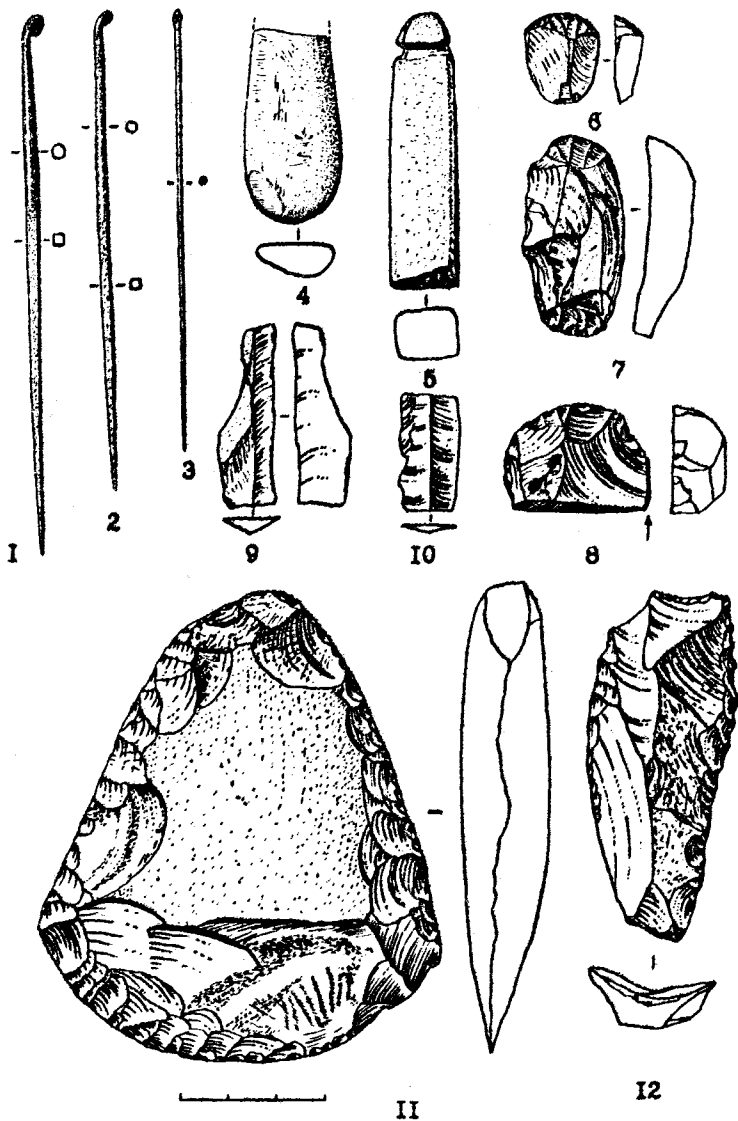

Рис. 21. Каменный и бронзовый инвентарь поселения
Калантырь 5

вероятной датой второго и третьего типов будет время существования андроновской культуры. Следующей по количеству находок категорией вещей являются бронзовые иглы, которых найдено 3 целых экземпляра (рис. I9, I4, I5; 2I, 3) и несколько обломков. Они округлой формы, в верхней части раскованы и имеют форму ромба, в центре которого сделано круглое отверстие. Иглы встречаются с андроновскими материалами.

Найдено 2 небольших несомкнутых бронзовых кольца с приостренными концами (рис. 6, 6; I9, 7). Подобные кольца — частая находка в андроновских памятниках /I2, с. I9-20/. По мнению Н. А. Авнесовой, такие серьги являются этнической особенностью алакульских племен /2I, с. 73/. С андроновскими материалами на поселении Новенькое 2I встречены обломок бронзовой заколки (рис. I9, 3) и бронзовый пулевидный наконечник стрелы (рис. I9, I3). Второй такой наконечник происходит из Первомайского и опубликован В. И. Матющенко /I2, рис. 3-13/.

С андроновскими материалами встречаются каменные черешковые наконечники стрел, возможно, дротиков, тщательно обработанные двусторонней ретушью (рис. 6, 2; I5, 6; I9, I). Все они крупных размеров и изготовлены из яшмовидной породы. Как отмечает В. И. Матющенко, черешковые наконечники стрел неоднократно находились на андроновских поселениях и некоторых могильниках /I2, с. 23/. Встречены они при раскопках Ю. Ф. Кирюшина андроновских памятников: поселения Большой Лог /32, с. 205-206/ и могильника Быково Ш.

На поселении Новенькое 2I вместе с каменным инвентарем найден обломок верхней части втулки бронзового кельта. У края лицевой грани он имеет выпуклый бортик (рис. I7, I7). Точную датировку его определить трудно.

На поселении Калантьрь II найдена створка формы из песчаника для отливки копья с вильчатым стержнем пера (рис. 22). Форма сильно разрушена, верхняя часть пера обломана, средняя местами сколота. Копье, отлитое по этой форме, несомненно относится к явделям сейминско-турбинского типа. Формы для литья копий подобного типа найдены В. И. Матющенко на поселении Самусь IV и имеют по три ребра посередине пера /33, с. 26/. Копья с вильчатым стержнем пера встречаются в Ростовкинском могильнике, правда, там они имеют более вытянутую форму и иногда багор /34, табл. 7; I2-I; I3-I; 4I, рис. I-I, 2; 2/. В. И. Матющенко и Г. В. Лож-

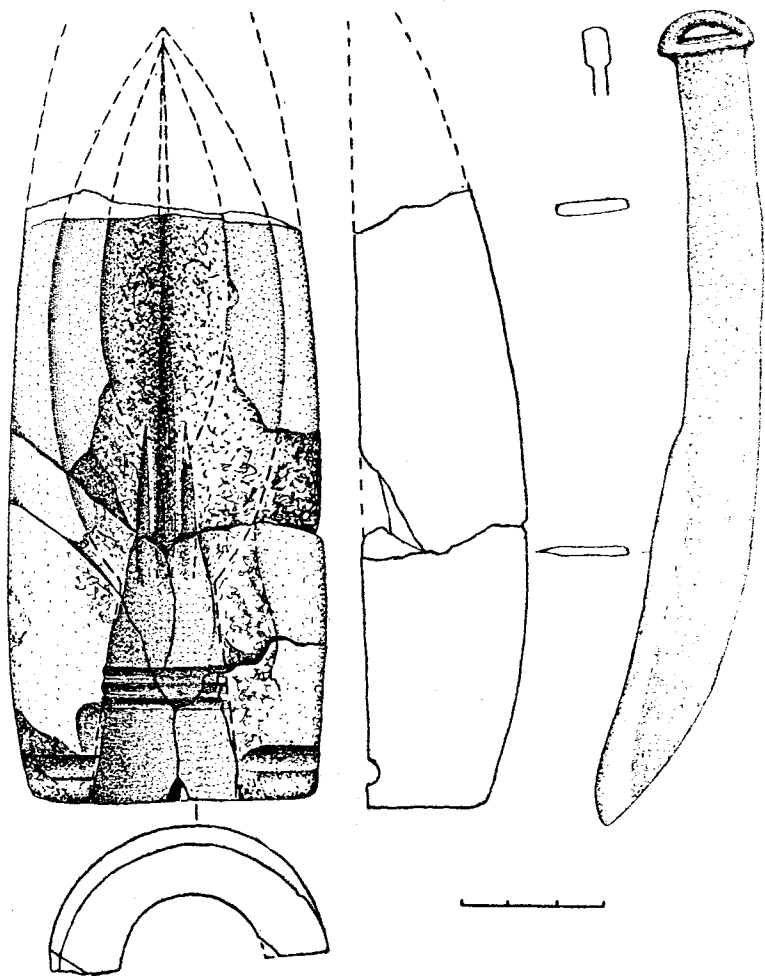

Рис. 22. Литейная форма с поселения Калантырь II

някова датируют ростовкинский могильник XV—XIII вв. до н.э. /34, с. 29/. Б.Г.Тихонов выделяет подобные копыя в первую группу и датирует их XV—XIII вв. до н.э. /35, с. 23—26/. Копья с вильчатым стержнем являются основным типом в материалах первого Турбинского могильника /36, с. 60—65/, в сейминском они встречаются реже /37, с. 100—101, рис. 21—1/. Первый Турбинский могильник, где эти копыя преобладают, датировался О.Н.Бадером второй половиной XVI—первой половиной XV вв. до н.э. /36, с. 141/, в сейминский, где они составляют меньшую часть, XV—XIV вв. до н.э. /37, с. 57/. Е.Н.Черных считает инвентарь Сеймы и Турбина синхронным в своей большей части и датирует эти могильники третьей четвертью III тысячелетия до н.э. /38, с. 94—101/. Копья с вильчатым стержнем найдены на Алтае у д.Клепиково /39, рис. 6—1/, в бассейне р.Чарыш и в Турбинском районе /40, рис. 1, 2/. Известно также несколько находок кельтов сейминско-турбинского типа с Алтая /28, табл. 10—4; 43, рис. 5—2, 4/ и литейных форм для кельта-лопатки из Горного Алтая /13, рис. 4—2/ и из долины р.Барнаулки /40, с. 149/. При раскопках могильника предандроновского времени у д.Елунино Павловского района Ю.Ф.Кирюшиным были обнаружены бронзовый нож со скульптурным навершием, каменный брусок и сосуд, украшенный отпечатками ступенчатой гребенки /14, с. 21/. Могильник был отнесен Ю.Ф.Кирюшиным к елунинской культуре /14, с. 19—21/. Лабораторией Л.В.Фирсова по нему была сделана радиоуглеродная дата (могила 2)—3560±30 лет назад или 1610±30 гг. до н.э. (60 АН в 1893), т.е. возраст могильника укладывается в пределы XVI—XV вв. до н.э. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в предандроновское время на Алтае существовал крупный центр бронзолитейного производства, относящийся к кругу культур сейминско-турбинского типа.

Э п о х а п о з д н е й б р о н з ы

Представлена небольшим количеством материала. Это отдельные фрагменты сосудов, украшенные отпечатками гребенки (рис. 4, 9), насечками (рис. 7, 12), заштрихованными резными ромбами (рис. 10, 6), треугольниками и сеткой (рис. 14, 2, 3, 5) и 3 бронзовых ножа различных типов. Бронзовый однолезвийный нож карасукского типа с рукоятью, украшенной с двух сторон орнаментом "алочки" (рис. 6, 1), найден на поселении Новоскляха 2. Нож со скошенным вверх уступом, "хвостатый", Ю.С.Гришин называет по-

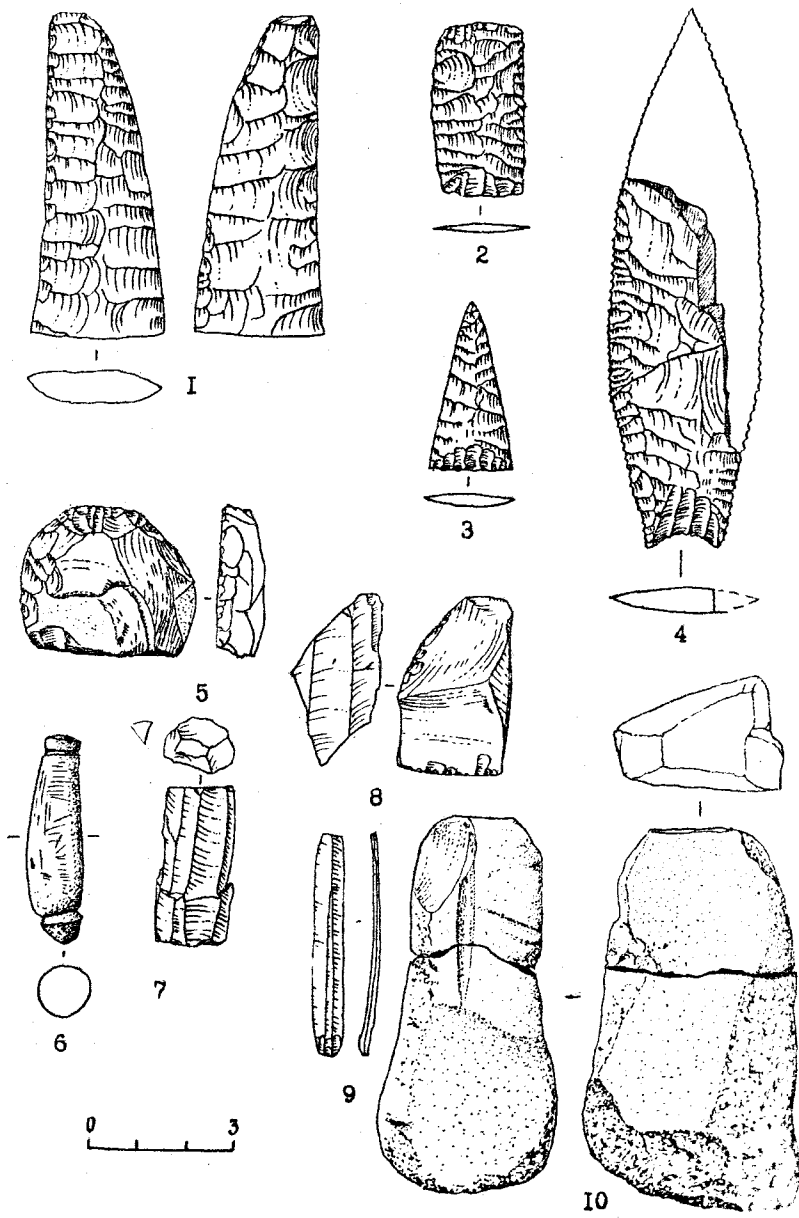

Рис.23.Каменный инвентарь поселений у д.Аул:
 1-5 - Бахчи;6 - Бахчи 6;7-10 - Бахчи 12

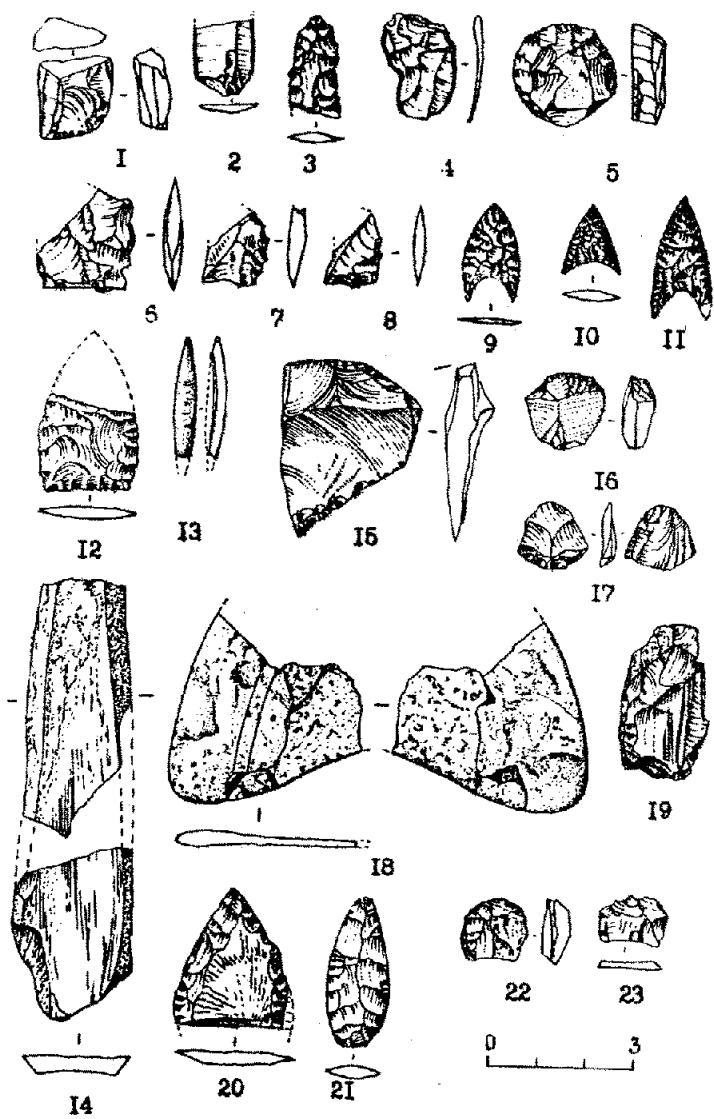

Рис. 24. Каменный инвентарь поселений у д. Аул: I-14 - Вахчи 8; 15-17 - Вахчи 9; 18-23 - Вахчи II

подобные ножи вогнутообушковыми /28, с. 13, табл. 3-5-8/, а Н. Л. Членова выделяет подобные ножи, правда, только с каплевидной шляпкой, в садьмую группу керасукских бронзовых ножей, которая сохраняет многие особенности самых ранних групп /42, с. 24-26/. На ножах этой группы встречается и похожий орнамент /43, табл. 2-19; 22-4/. Н. Л. Членова пишет, что ножи группы 7, длительно бытующие, существуют с XI-X вв. до н.э., время конца их бытования определяется IX-VIII вв. до н.э. /43, с. 44/. Как отмечает Н. Л. Членова, близкие по форме ножи из Аньяна не имеют шляпки (которой нет и на алтайском ноже) и заканчиваются кольцом или отверстием в ручке, датируются от середины XIII до конца XI-X вв. до н.э. /42, с. 44/. Видимо, XI-X вв. до н.э. следует считать наиболее вероятной датой для находки с Алтая.

Второй нож найден на оз. Новенькое, он однолезвийный, слегка изогнутый, с аркой на рукояти. Н. Л. Членова выделяет подобные ножи в I5 тип, называет их ножами с аркой на кронштейне и датирует VIII-VII вв. до н.э., некоторые из ножей этой группы имеют с алтайским абсолютное сходство /42, табл. 7-36/.

Третий нож найден на поселении Новенькое 20. Это, видимо, лишь лезвие, у которого была обломлена рукоять (рис. 16, 5). Нож имеет изогнутую форму, верхняя часть забита под рукоять. Сказать что-либо о его культурной принадлежности и точной дате очень трудно.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что юго-западные районы Алтая были плотно заселены в периоды неолита-энеолита-ранней и развитой бронзы и слабее в позднебронзовое время. Все ранние памятники тяготеют к системам озер, что было связано с охотничье-рыболовческим типом хозяйства, в расположении андроновских памятников такой четкости нет. Многие из них встречаются по берегам рек. Это объясняется иным скотоводческим типом хозяйства, для которого прежде всего нужны хорошие выпасы и водопой. Уменьшение населения в позднюю бронзу бывало скорее всего какими-то природными явлениями, возможно, переменой климата в сторону большой сухости, что привело к изменению традиционных мест проживания. Видимо, эти вопросы будут решаться после проведения стационарных исследований памятников неолита и бронзы в этих районах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Могильников В.А., Конников Б.А., Лунев Б.В. Алейская экспедиция. - В кн.: Археологические открытия 1972 года. - М., 1973, с.229-230.
2. Могильников В.А., Конников Б.А., Литвинович Н.С., Шнырев В.П. Алейская экспедиция. - В кн.: Археологические открытия 1973 года. - М., 1974, с.213-214.
3. Медникова Э.М., Могильников В.А., Уманский А.П. и др. Работы Алейской экспедиции. - В кн.: Археологические открытия 1974 года. - М., 1975, с.222-223.
4. Могильников В.А. Памятники андроновской культуры на Верхнем Алее. - В кн.: Древняя история Алтая. - Барнаул, 1980, с.155-159.
5. Могильников В.А. Работы на Верхнем Алее. - В кн.: Археологические открытия 1976 года. - М., 1977, с.224.
6. Уманский А.П., Клюкин Г.А. Археологические разведки в верховьях Алая. - В кн.: Археология и краеведение Алтая. - Барнаул, 1972, с.37-39.
7. Кирюшин Ю.Ф., Масленникова Г.В., Шамшин А.Б. Работы Алтайской экспедиции. - В кн.: Археологические открытия 1980 года. - М., 1981, с.181-182.
8. Шамшин А.Б. Работы западного отряда Алтайской экспедиции. - В кн.: Археологические открытия 1979 года. - М., 1980, с.242-243.
9. Навротский П.И. Разведка в Кулундинской степи. - В кн.: Археологические открытия 1980 года. - М., 1981, с.200.
10. Иванов Г.Е. К археологической карте верховьев рек Касмалы и Барнаулки. - В кн.: Археология и этнография Алтая. - Барнаул, 1982, с.24-52.
11. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (Верхнеобская неолитическая культура). - ИИС, - Томск, 1973, вып.9. - 147 с.
12. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч.Ш. Андроновская культура на Верхней Оби. - ИИС, - Томск, 1973, вып.11. - 176 с.

13. Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадикоев Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая. - В кн.: Археология и этнография Алтая. - Барнаул, 1982, с.52-77.

14. Кирюшин Ю.Ф. Алтай в эпоху неолита и бронзы (III тыс. - VII в. до н.э.) - В кн.: История Алтая: Учебное пособие, - Барнаул, 1983, с.15-28.

15. Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. О результатах изучения каменной индустрии поселения Павловка I. - В кн.: Археология и этнография Южной Сибири. - Барнаул, 1984, с.25-40.

16. Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Географическое расположение слитных кварцитовых песчаников - сырья для изготовления орудий в эпоху неолита и бронзы. - В кн.: Древние горняки и металлурги Алтая. - Барнаул, 1983, с.3-19.

17. Могильников В.А. Отчет о раскопках курганов Карбышка II-IV и разведках 1972 года. - Архив ИА СССР, р.-I, 4738. Приложение 4738а.

18. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. - Новосибирск, 1977, - 172 с.

19. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. - М., 1981. - 287 с.

20. Зайберт В.Ф. Памятники каменного века Петропавловского Прииртышья. - Советская археология, 1979, № I, с.89-110.

21. Коробкова Г.Ф. Определение функций костяных и каменных орудий с поселения Джейтун по следам работы. - ТЮТАКЭ, т.X, 1960, с.110-133.

22. Массон В.М. Поселение Джейтун (проблемы становления производящей экономики). - М., 1971. - 203 с.

23. Коробкова Г.Ф. Применение метода микроанализа к изучению функций каменных и костяных орудий. - В кн.: Археология и естественные науки. - М., 1965, с.193-196.

24. Матюшин Г.Н. О наконечниках кельтеминарского типа на Урале. - В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. - М., 1975, с.143-151.

25. Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. - М., 1982. - 327 с.

26. Черних Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР. - Советская археология, 1978, № 4, с.53-82.

27. Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. - САИ, вып.В34-9. - М., 1966. - 149 с.
28. Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. - САИ, вып. В3-12. - М., 1971. - 88 с.
29. Кирюшин Ю.Ф. Степановский могильник эпохи раннего металла в Васюганье. - В кн.: Вопросы археологии и этнографии Сибири. - Томск, 1978, с.26-39.
30. Грязнов М.П. Казахстанский очаг бронзовой культуры. - В кн.: Казаки, III (Материалы комплексных экспедиционных исследований), вып.15, серия Казахстанская. - Л., 1930, с.149-162.
31. Аванесова Н.А. Серьги и височные подвески андроновской культуры. - В кн.: Первобытная археология Сибири. - Л., 1975, с.67-73.
32. Кирюшин Ю.Ф., Бородаев В.Б. Работы в лесостепной зоне Алтая. - В кн.: Археологические открытия 1982 года. - М., 1983, с.204-206.
33. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч.П. Самусьская культура. - ИИС,-Томск, 1973. - 139 с.
34. Матющенко В.И., Ложников Г.В. Раскопки могильника у деревни Ростовка близ Омска в 1966-1969 годах (Предварительное сообщение). - ИИС,-Томск, 1969, с.13-34.
35. Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. - МИА, 1960, № 90, с.5-115.
36. Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. - М., 1970. - 144 с.
37. Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. - М., 1964. - 175 с.
38. Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. - М., 1970. - 178 с.
39. Сявинов Д.Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае. - В кн.: Первобытная археология Сибири. - М., 1975, с.94-100.

40. У м а н о с к и й А.П., Д е м я н М.А. Наконечники
копий сейминско-турбинского типа на Алтае. - В кн.: Древние
горняки и металлурги Сибири. - Барнаул; 1983, с.143-150.

41. М а т ю щ е н к о В.И. Могильник у д.Ростовка. -
В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. - Новосибирск,
1975, с.129-132.

42. Ч л е н о в а Н.Л. Хронология памятников керасунской
эпохи. - М., 1972. - 247 с.

43. Г р я з в о в М.П. История древних племен Верхней Оби
по раскопкам близ с.Большая Вечка. - МИА, 1956, № 49, с.160.

М.Т.Абдулганеев

Алтайский государственный университет, Барнаул)

КЕРАМИКА ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ С АЛТАЯ

За последние 10 лет западно-сибирская археология сделала
значительные шаги вперед. Открыты и исследуются сотни памят-
ников, выделены новые археологические культуры, этапы и типы,
позволяющие лучше узнать древнюю историю этого региона. Так,
для эпохи ранней бронзы на материалах Новосибирского Приобья
были выделены кротовская культура и крокалевский тип керамики
/1, с.66; 2, с.45-46/, на материалах Алтайского Приобья - елу-
нинская культура /3, с.21/. Однако ряд раннебронзовых памятни-
ков Алтая не укладывается в признаки елунинских, а потому в
данной работе предпринята попытка определить их хронологичес-
кие рамки и, по возможности, культурную принадлежность.

П о с е л е н и е Е н и с е й с к о е. Находится в 8-
10 км выше одноименного села на правобережной террасе р.Бия.
В 1930-1950-е гг. сотрудниками Бийского краеведческого музея
(БКМ) здесь были произведены значительные сборы керамики, в
том числе эпохи ранней бронзы, и изделий из камня. В 1974 г.
В.И.Матющенко частично опубликовал материалы этого поселения
/4, с.14, 32-38, рис.18, 19, 20/, однако отнес весь комплекс к
еловско-ирменской культуре. Действительно, материалы эпохи
поздней бронзы среди сборов на поселении есть, но не вся ке-
рамика датируется этим временем. Керамику эпохи ранней брон-
зы Енисейского визуально можно разделить на 4 группы.

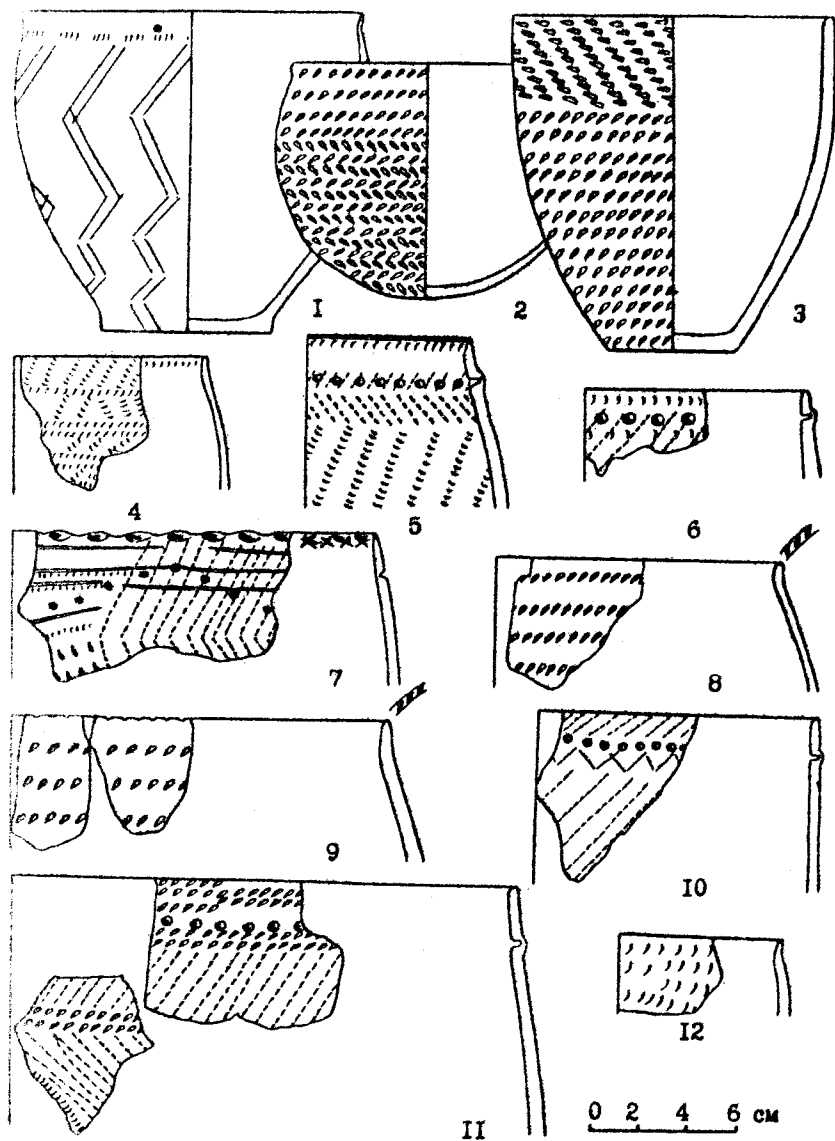

Рис. I. Керамика поселения Енисейское

Первая группа. Горшки хорошо профилированные, плоскодонные, украшенные по всей поверхности оттисками отступающей гребенки, реже - прочерченными линиями. Один из сосудов этой группы уже был опубликован нами /5, рис. 5-5/. Эта группа керамики соответствует елунинской культуре, которая датируется первой половиной 2 тыс. до н.э. /3, рис. 4, с. 21/.

Вторая группа. Горшки или банки плоскодонные, один - круглодонный. Орнаментированы насечками или ногтевыми отпечатками. Изредка насечками украшен срез венчика или его обратная сторона (рис. I, 2-4, 8, 9, II; 2-7).

Третья группа. Сосуды таких же форм, орнаментированные оттисками гребенчатого штампа в елочку. По венчику - жемчужины или ямки, край венчика иногда имеет защипы (рис. 2, I-4, 6; 3, I, 3, II).

Четвертая группа. Является переходной между второй и третьей. Сюда входят сосуды, совмещающие признаки орнаментации обеих групп: насечки и оттиски ногтя, жемчужины и ямки, оттиски гребенки и прочерченные линии (рис. I, 5-7, 10; 2, 5; 3, 5, 6-9-13).

Вторая, третья и четвертая группы имеют ряд общих признаков в форме и орнаментации сосудов. Кроме того, они близки между собой и с первой группой по технике изготовления: почти все тонкостенные, хорошо обожженные, с одними же примесями в тесте. Ближайшие аналогии керамика второй и четвертой групп находят среди крохалево-ских материалов поселений Крохалева 4, 17 и Усть-Алеуо-7. Именно для крохалево-ского типа керамики характерно совмещение на одном сосуде оттисков гребенки и насечек или ногтевидных отпечатков, жемчужин и ямок /I, табл. LXIII, LXV, LXVI, LXVII, LXVIII; 2, рис. 2-8; 6, табл. I-III/. Четвертая группа керамики находит себе аналогии, кроме того, и в более северных энеолитических материалах /7, рис. I, 2/, а вторая - среди керамики одинакового этапа /8, рис. 5-8/. Крохалево-ский тип керамики датируется первой половиной 2 тыс. до н.э. /I, с. 74; 2, с. 46/, поселения Большой Ларьяк 2 и 3 - первой четвертью 2 тыс. до н.э. /7, с. 10/, одинаковский этап - первой половиной /8, с. 74/ или первой четвертью /9, с. 62/ 2 тыс. до н.э. Все это позволяет датировать керамику второй и четвертой групп первой половиной или, вероятнее всего, первой третью 2 тыс. до н.э. На такое сужение датировки указывает, в частности,

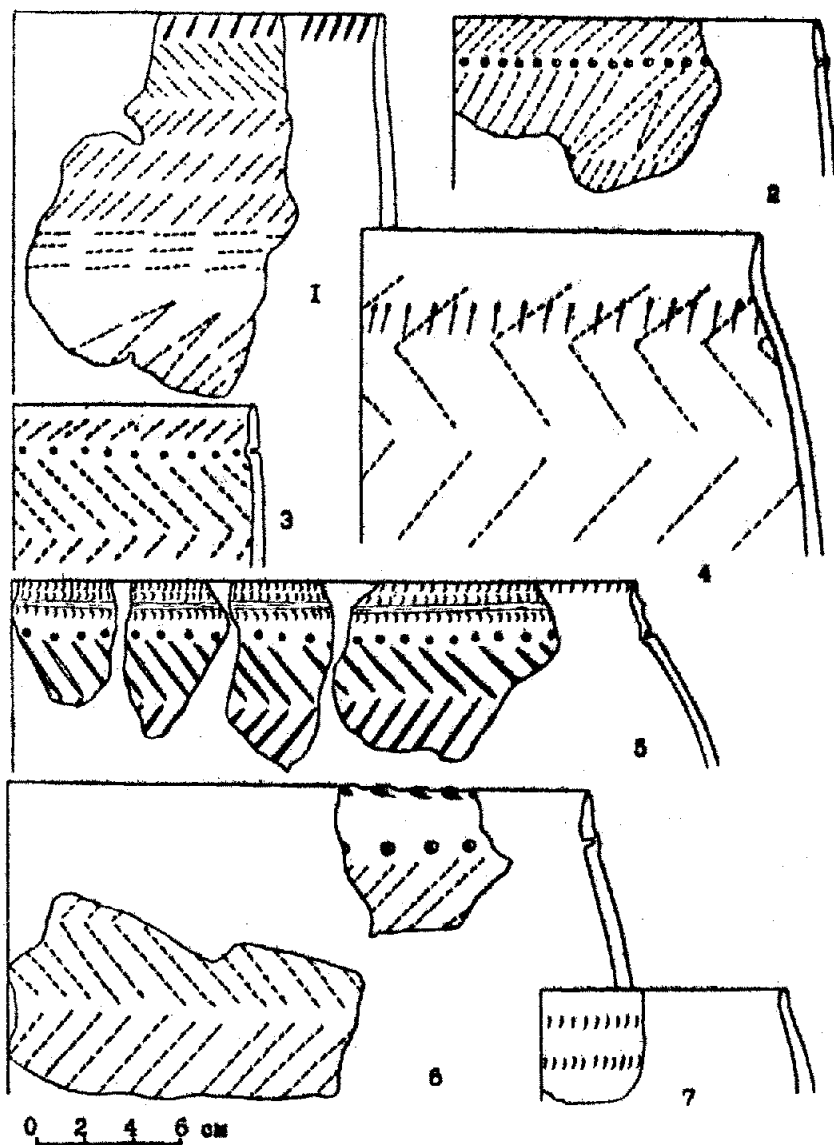

Рис.2.Керамика поселения Етхсейское

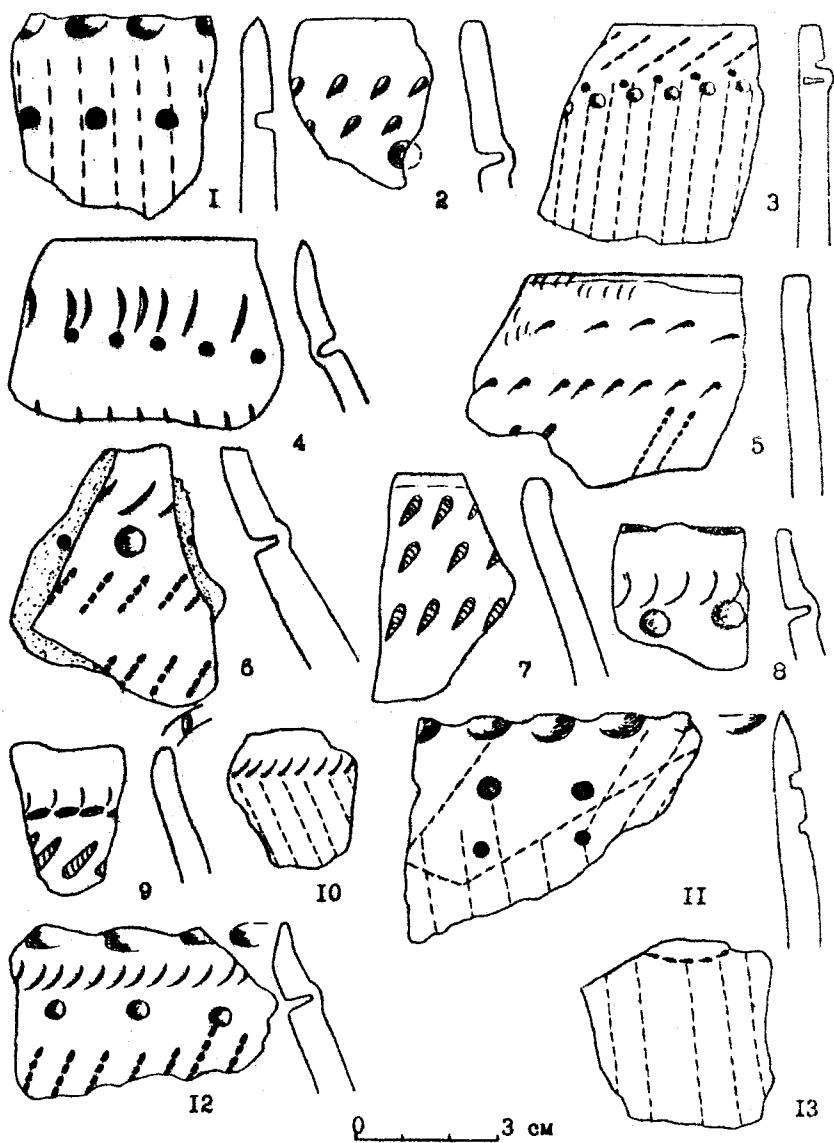

Рис. 3. Керамика поселения Енисейское

наличие круглодонной посуды. Это не значит, что мы предлагаем сузить датировку для всего крохалевского типа керамики.

Керамика третьей группы, на наш взгляд, несколько более поздняя. С одной стороны, она сходна с керамикой переходной группы, с другой - с раннееловской /9, рис. 54/, от которой ее отличает, однако, отсутствие строгой зональности и ямок. Поэтому наиболее вероятной датой существования керамики этой группы - гребенчатой - мы считаем середину-третью четверть 2 тыс. до н.э. Вероятно, к этому же времени следует отнести и сосуд, украшенный прочерченными линиями, образующими zigzag (рис. 1, 1).

Как уже было сказано, керамика второй и четвертой групп наиболее близка крохалевской. Следует отметить, что поселение Енисейское является не единственным на Алтае памятником крохалевского типа. В результате работ последних лет на ряде памятников была выявлена керамика, подобная керамике поселений Крохалевка-4, Усть-Алеус-7 и Енисейское. Это поселения Ляпустин Мыс и Костенкова Избушка на оз. Иткуль (раскопки Б.Х. Кадикова и Ю.Ф. Кирышина), Комарово-1 на р. Иткуль (раскопки автора), Заковряшино-1 на берегу Обского моря (раскопки А.Б. Шамшина), могильник Камышенка, "курган" 51 (землянка - раскопки Н.Л. Членовой), Быстрый Исток и Клепиково (сборы сотрудников БМ), Высокая Грива и Борковские Еловы-1 (сборы сотрудников АГУ) (рис. 4, 7, 9-14). Таким образом, в Верхнем Приобье сейчас известно около 20 памятников крохалевского типа, что свидетельствует об их довольно широком распространении во 2 половине II тыс. до н.э. Любопытно в связи с этим то, что керамика, близкая крохалевской, была обнаружена и в Горном Алтае /10, рис. 3/.

Выделив крохалевский тип керамики, В.И. Молодин и Н.В. Полосымак отметили сходство его с ирбинской керамикой /1, с. 73; 2, с. 45/. Позднее В.И. Молодин высказал мнение, что крохалевский тип керамики - дальнейшее развитие одиновского - является приемлемым на Оби /8, с. 74/. В Верхнем Приобье накольчатая керамика действительно появляется очень рано. Нами уже был опубликован сосуд из Первомайского /5, рис. 11-3/, и он не единственный в своем роде (см. например, рис. 4, 8). Вместе с тем, на наш взгляд, вопрос о появлении на Верхней Оби во 2 тыс. до н.э. крохалевского типа керамики пока не может быть решен однозначно. Все вышесказанное приводит к выводу, что с обнаружением "чистых" памятников (могильников и однослойных поселений) может

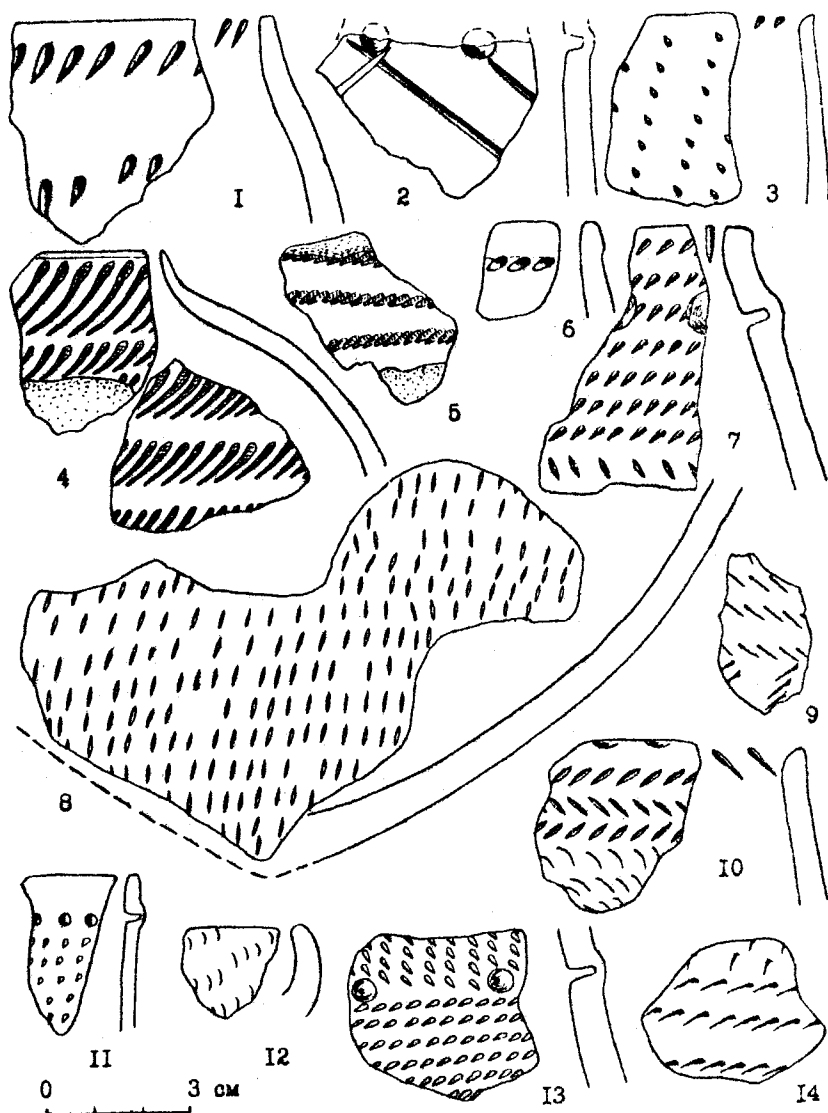

Рис.4. Керамика поселений: I-6 - Новенькое-7; 7 - Высокая Грива; 8 - Бехтемир; 9 - Боровские Елбаны; 10-12 - Быстрый Исток (болото "Волчиха"); 13-14 - Заковряшино-I

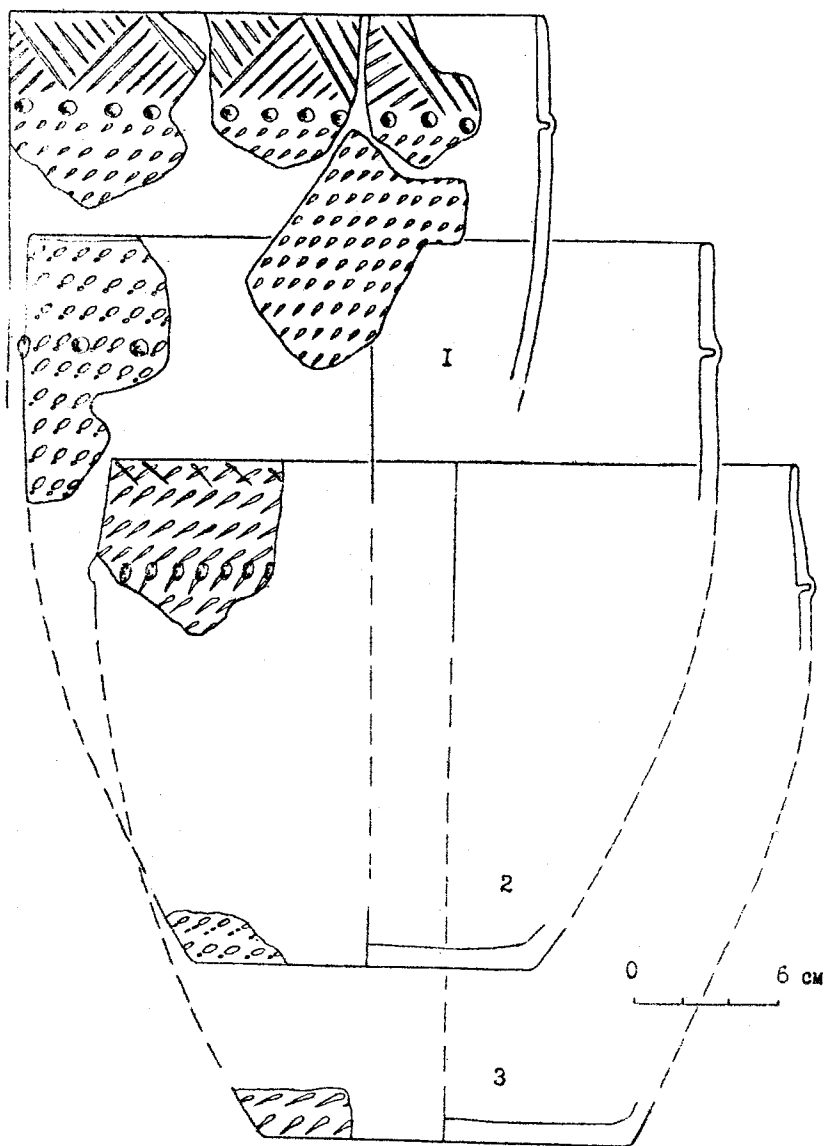

Рис. 5. Керамика поселения Новенькое-6

встать вопрос о выделении для этого региона новой культуры эпохи ранней бронзы — красавской.

Ближние красавским, однако не идентичные им, материалы эпохи ранней бронзы известны сейчас из района Юго-Западного Алтая. Это — поселения Новенькое-6 и Новенькое-7 на берегу одноименного озера (сборы Г.А.Клюкина). По характеру орнамента сосуды этих памятников делятся на 2 группы.

Первая группа. Включает слабо профилированные плоскодонные горшки или банки, украшенные рядами насечек. По венчику часто — жемчужны, иногда выгнут или взаимопроницающие треугольниками, выполненные прочерченными линиями (рис.4, I, 3, 6; 5, I, 3; 6, I-6; 7, I-7, 9, 12-17). На обратной стороне венчика одного из сосудов обнаружен шлак (рис.7, 8).

Вторая группа. Сосуды такой же формы, но украшены отточенными гребенчатого штампа, который иногда сочетается и с насечками. По венчику, как и в первой группе — жемчужны (рис.4, 4, 5; 5, 2; 6, 5; 7, I, 10, II). Очень часто гребенка оттоптана столь слабо, что ее почти невозможно отличить от насечек.

Керамика этих групп идентична по технике изготовления. Это, а также близость орнаментальных мотивов, свидетельствует об одновременности обеих групп.

Материалов, подобных сборам на оз.Новенькое, на Алтае до сих пор не было. Ближайшими аналогиями им являются материалы памятников единовского этапа /8, рис.5-8/ и вишневого типа /II, рис.40, 41; 12, рис.2/. Однако есть и различия. В отличие от единовской на керамике с.Новенького нет ямок по венчику и тулову, от вишневской керамики ее отличает отсутствие вертикальных прочерченных линий, меньшее использование гребенчатого штампа и так далее. О датировке единовского этапа выше уже говорилось, памятники вишневского типа датируются в пределах конца 3-первой половины 2 тыс. до н.э. /12, с.250/. Скорее всего, первую половину 2 тыс. до н.э. и следует считать наиболее вероятным временем существования поселений Новенькое 6 и 7.

Таким образом, для лесостепного Алтая (и всего Верхнего Приобья) выделяются 2 хронологических типа керамики, вероятно, связанные между собой генетически и отличные от элунинского. Это красавский тип (вторая и четвертая группы поселения Вишнейского и ряда других памятников), который был распространен в I половине 2 тыс. до н.э. и гребенчатый тип (третья группа

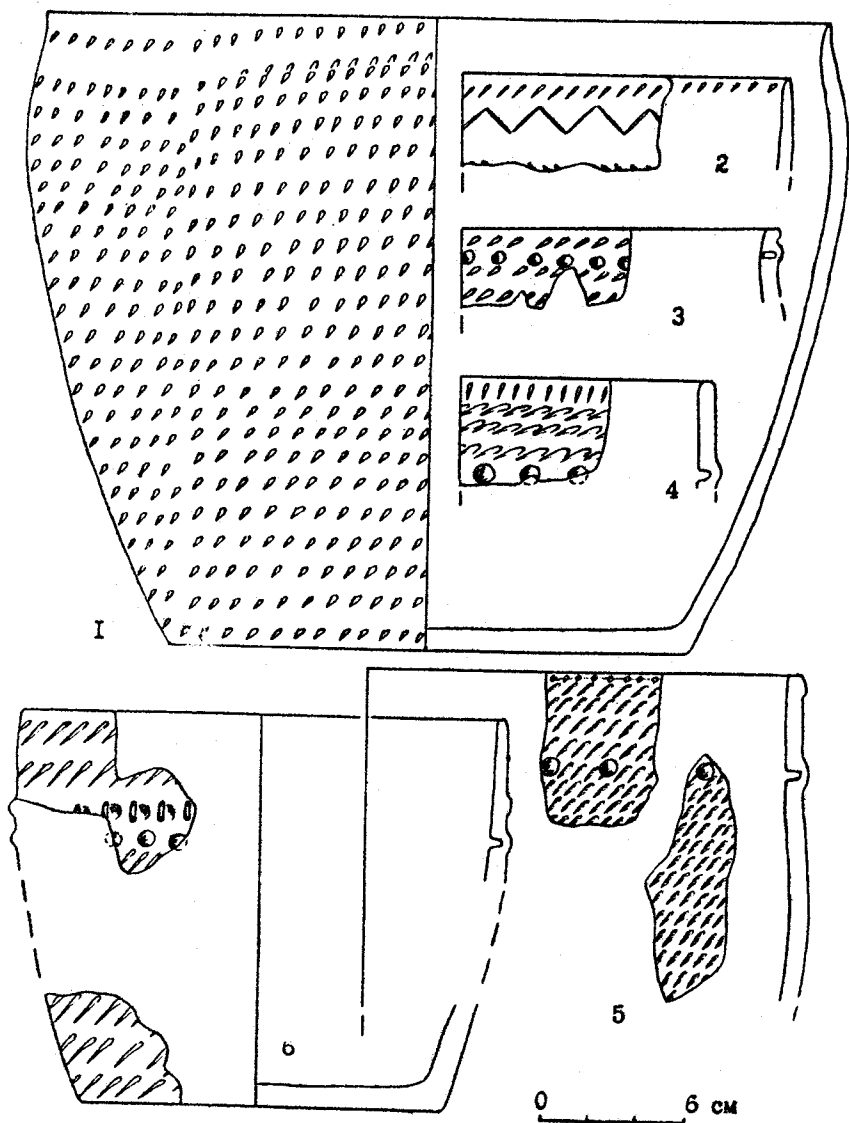

Рис. 6. Керамика поселения Новенькое-6

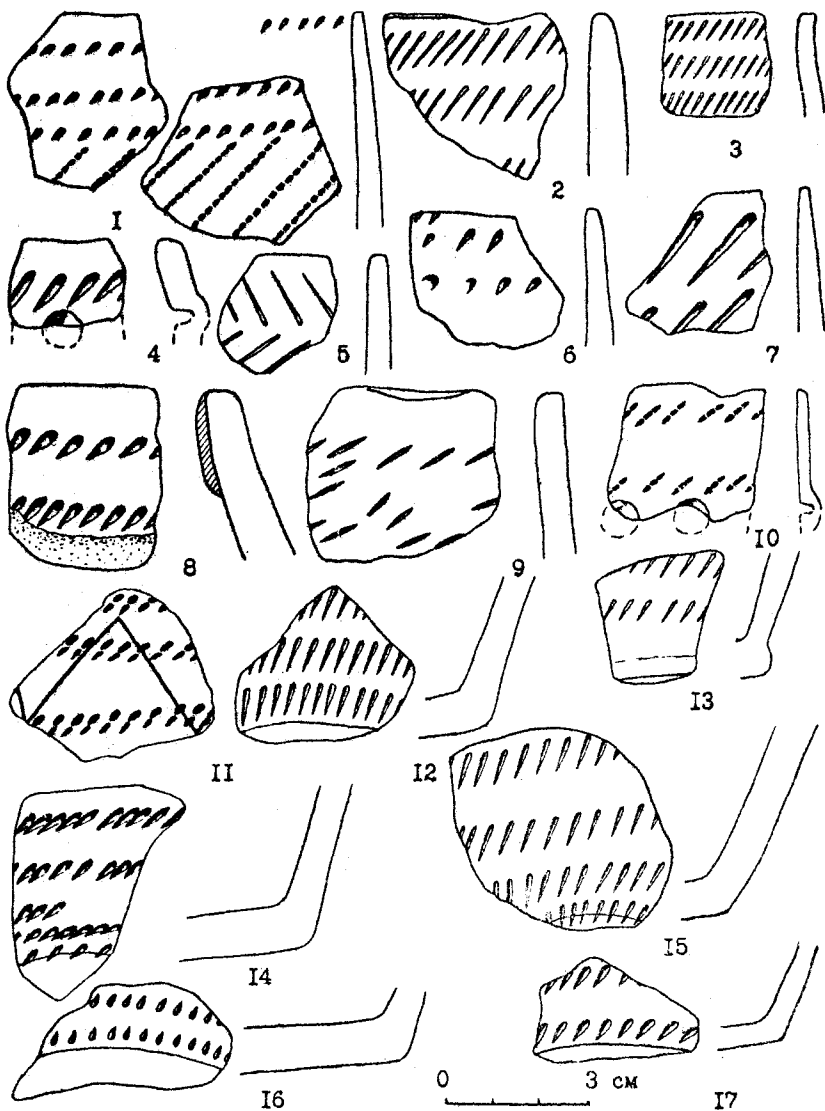

Рис.7.Керамика поселения Новенькое-6

поселения Енисейское), датируемый нами серединой-третьей четвертью 2 тыс. до н.э. Для района Юго-Западного Алтая выделяется особый тип керамики типа Новенькое-6, связанный, возможно, с раннебронзовыми культурами Северного Казахстана.

Происхождение всех выделяемых типов, соотношение их между собой, отношение к елунинской культуре, дальнейшие судьбы — вот те вопросы, которые стоят перед археологами, занимающимися эпохой бронзы Алтая и Верхнего Приобья. Решение этих вопросов выходит за рамки данной работы.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. М о л о д и н В.И. Эпоха неолита и лесостепного Обь-Иртышья. — Новосибирск, 1977. — 172 с.

2. П о л о с ь м а к Н.В. Керамический комплекс поселения Крохалева-4. — В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978, с.36-46.

3. К и р ь ш и н Ю.Ф. Алтай в эпоху неолита и бронзы. — В кн.: История Алтая: Учебное пособие. — Барнаул, 1983, с.15-28.

4. М а т ь ю ц е н к о В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Часть IV. Еловско-арменская культура. — В кн.: Из истории Сибири, вып.12. — Томск, 1974. — 196 с., приложение. — 256 с.

5. А б д у л г а н е е в М.Т., К и р ь ш и н Ю.Ф., К а д и к о в Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая. — В кн.: Археология и этнография Алтая. — Барнаул, 1982, с.52-77.

6. П о л о с ь м а к Н.В. Крохалева-17 — новый памятник крохалевского типа. — В кн.: Сибирь в древности. — Новосибирск, 1979, с.45-49.

7. В а с и л ь е в Е.А. Энеолитическое время в бассейне р.Вах. — В кн.: Вопросы археологии и этнографии Сибири. — Томск, 1978, с.3-12.

8. М о л о д и н В.И. Памятники одиновского типа в Барабинской лесостепи. — В кн.: Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. — Новосибирск, 1981, с.63-75.

9. К о с а р е в М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. — М., 1981. — 276 с.

10. Л а п ш и н Б.И., М о л о д и н В.И., П е т р и н В.И. Поселение Лебедь-1 в Горном Алтае. — В кн.: Археология и этнография Алтая. — Барнаул, 1982, с.18-23.

11. З а й б е р т В.Ф. Новые памятники ранней бронзы на р.Ишим. - В кн.: Бронзовый век на территории СССР. - КСИА, 1973, 134, с.106-113.

12. З а й б е р т В.Ф., П л е ч а к о в А.А. Результаты исследований памятников энсольта и ранней бронзы на р.Чуглынке. - СА, 1978, № 1, с.242-250.

А.Б.Шамшин

(Алтайский государственный университет, Барнаул)

ПОСЕЛЕНИЕ РЕЧКУНОВО Ш - НОВЫЙ ПАМЯТНИК
ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

За последние годы был открыт целый ряд новых ирменских памятников, что способствовало усилению интереса к ирменской культуре. К сожалению, несмотря на довольно большое количество раскопанных к настоящему времени поселений и могильников этой культуры, значительная часть их не опубликована, либо опубликована недостаточно полно, что затрудняет построение общенсторических схем. В этой связи особого внимания заслуживают работы М.П.Грязнова /1; 2/, В.И.Матюшенко /3; 4/, Н.Л. Членовой /5; 6/, А.П.Уманского и М.А.Демина /7; 8/, Т.Н.Троицкой /9/, Д.Г.Савинова и В.В.Боброва /10; 11; 12/, А.В.Матвеева /13/, Е.А.Сидорова /14/ и другие, в которых публикуются оригинальные ирменские материалы. Целью настоящей статьи является введение в научный оборот материалов нового ирменского поселения Речкуново Ш в Барнаульско-Бийском Приобье.

Поселение Речкуново Ш находится в Тальменском районе Алтайского края, в 7 км к юго-востоку от одноименного села, недалеко от слияния р.Мерешки с р.Телеуткой, в 3 км от впадения последней в Телеутское озеро (рис.1 А). Памятник располагается на частично развеванных песчаных дюнах, на заливных лугах Обского правобережья, вблизи кромки бора. Мощност культурного слоя достигает 1,4 м, однако большая часть его (до 1 м) относится к существовавшей на этом месте русской деревне Кунгурово. Это слой серой супеси, идущий сразу под дерном и насыщенный многочисленными фрагментами изготовленной на гончарном круге

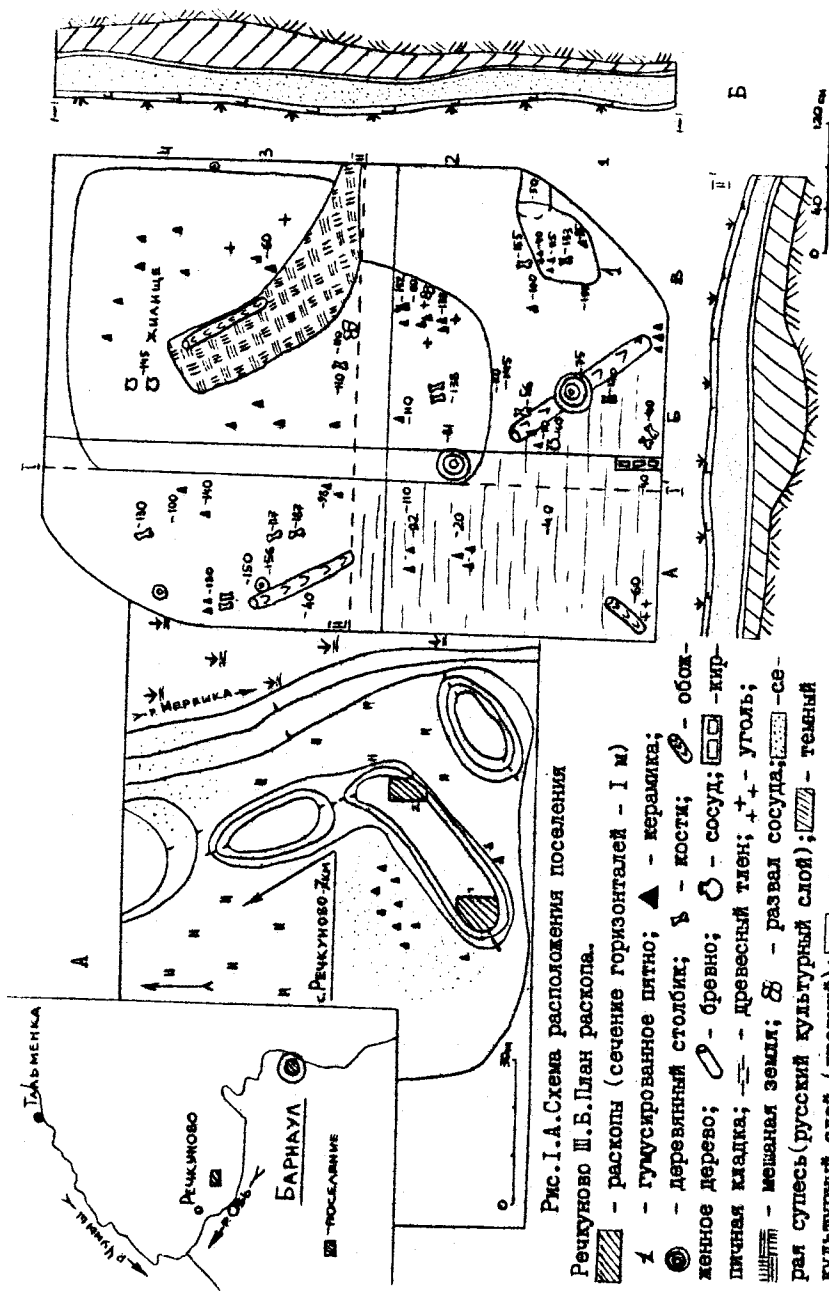

Рис. 1. А. Схема расположения поселения
Речкуново III-B. План раскопа.

// - раскопы (сечение горизонталей - I м)
 1 - гумусированное пятно; ▲ - керамика;
 ● - деревянный столбик; ♁ - кости; ⦿ - обожженное дерево; ⦿ - бревно; ⦿ - сосуд; ⦿ - кирпичная кладка; ⦿ - древесный тлен; + - уголь; // - мешаная земля; ⦿ - развал сосуда; // - темный слой супесь (русский культурный слой); // - темный культурный слой (древний); // - спрессованным нижняя часть Русского культурного слоя

керамики русского производства, остатками столбиков, бревен, фрагментами кирпичной кладки, костями животных и так далее. Ниже идет темный, хорошо гумусированный, без каких-либо примесей слой древнего поселения (рис. I Б).

Памятник был открыт автором в 1978 г. /15, с. 242/. Материалы этого года частично опубликованы /16, с. 60, 62, 64/. В 1979-80 гг. на поселении вскрыто на двух раскопах 128 кв. м.

Ж и л и щ е. Выявлено в северной и центральной частях раскопа I. Контуры его появились на глубине 1,1 м. Площадь жилища около 20 кв. м (5,3 x 3,8 м). Форма жилища близка к подквадратной с выступом (по-видимому, выход) на южной стороне. Жилище имело вид полуземлянки и было углублено в материк на 0,4 м, на поверхности не фиксировалось. Часть жилищного котлована была разрушена русским сооружением, прослеживавшемся в виде полосы мешаной земли, бревен и обгорелого дерева. Очаг не обнаружен. В заполнении котлована жилища встречено значительное количество фрагментов древней керамики и костей животных. У восточной стенки входа лежал развал верхней части большого сосуда (рис. 7, 1), в центральной части жилища - развал еще одного сосуда, восстановленного полностью (рис. 6, 2), у северной стенки котлована были обнаружены рядом два целых сосуда. Один из них стоял прямо (рис. 6, 3), другой лежал на боку (рис. 6, 1). На глубине 1,1 м встречены оба развала сосудов, часть фрагментов керамики и костей животных. Возможно, что все это находилось на кровле жилища, со временем рухнувшей. Целые сосульки стояли на полу на глубине 1,45 м. В раскопе за пределами жилищного котлована обнаружено керамическое изделие неизвестного назначения, украшенное двумя окружностями, выполненными отпечатками конца палочки (рис. 5, 8).

П я т н о. Видимо, хозяйственная яма, относящаяся к жилищу. Обнаружено в 1,2 м от него. Глубине ямы 1,55 м. Размеры - 0,86 x 0,7 м. Насыщено керамикой и костями животных.

Из раскопов, а также из сборов с уже разрушившихся частей поселения получена значительная коллекция керамики (материалы раскопок и сборов хранятся в лаборатории археологии Алтайского государственного университета). В раскопе 2 встречено небольшое количество керамики эпохи раннего железа, однако в настоящей статье она не рассматривается. Цвет керамики в основном светло-коричневый, хотя встречаются и вариации от красноватого до серого и черного. В изломе черепки серые. В качестве отшли-

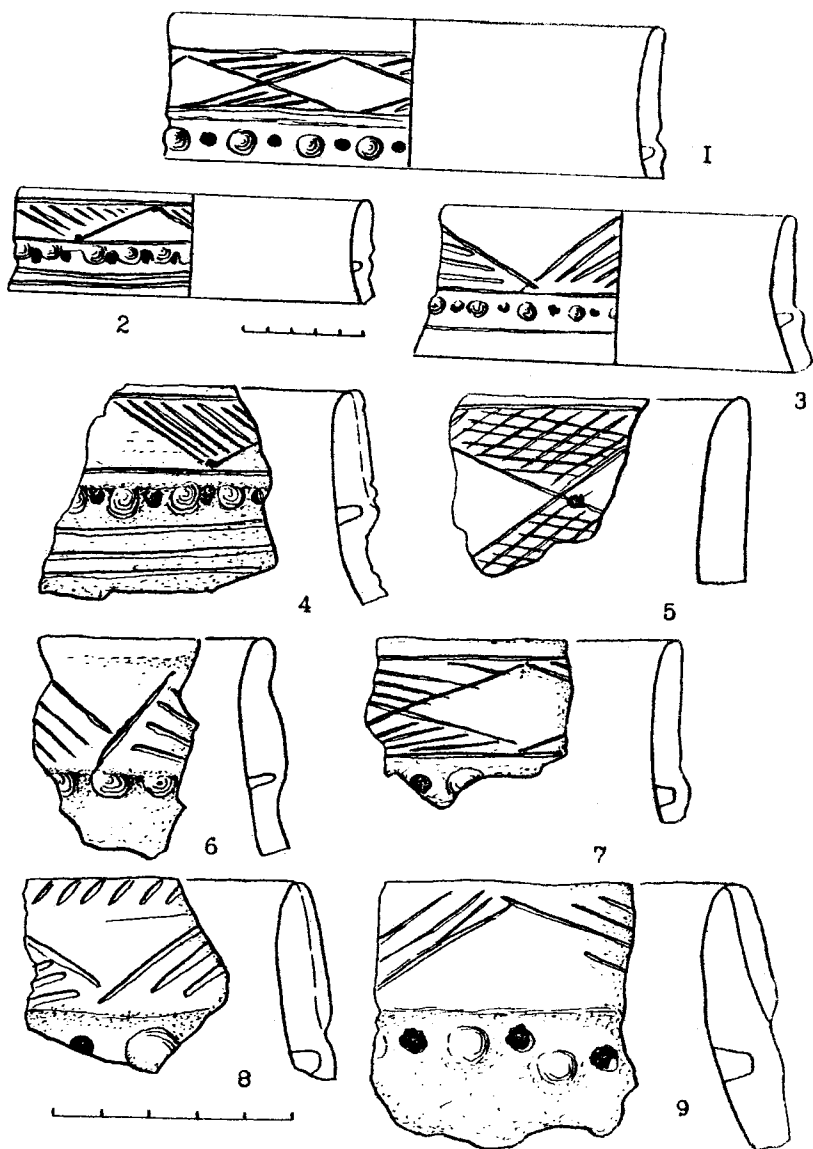

Рис. 2. Керамика поселения Речкуново III

теля использовалась дресва. Сосуды преимущественно горшковидные с прямым либо слегка отогнутым наружу венчиком и плоским дном. Срез венчика чаще всего округлый. В способе нанесения орнамента преобладает гладкий штамп и резная техника, гребенка встречается реже. Четко прослеживается зональность в нанесении орнамента, выделяется три зоны: венчик, шейка и плечики. Тулово и придонная часть чаще всего не украшались. При характеристике поселений важное значение имеют их керамические комплексы. С этой целью нами был проведен статистический анализ частоты орнаментальных мотивов в этих трех зонах (табл.).

Рассмотрены венчики 106 сосудов. Важнейшими орнаментальными мотивами по венчику являются ряды косо заштрихованных треугольников - 33,2 %, в том числе: обращенные вершиной вверх - 18,9 % (рис. 2-3, 6, 8; 3-4, 6, 7, 10; 6-1; 7-2), вершинами друг к другу, образуя при этом гладкий ромб - 8,5 % (рис. 2, 1, 5, 7; 3, 3; 5, 3), вершиной вниз - 3,8 % (рис. 2, 2, 4, 9; 3, 1, 2; 5, 1, 2). Не менее распространенными на венчике являются сетки - 25,5 % (рис. 3, 5; 4, 1; 3, 5, 7; 6, 1, 3; 7, 3), наклонные отпечатки штампа и резные наклонные линии - 16 % (рис. 2, 8). Столько же неорнаментированных венчиков (рис. 7, 4). Елочка - 7,6 % (рис. 3, 9; 4, 2, 6; 7 1). Остальные мотивы встречены единично: жемчужник - 0,9 %, лунки - 0,9 %, ямки - 1,9 %.

Рассмотрены шейки 46 сосудов. Практически все сосуды имеют по шейке либо пояс из "жемчужин", разделенных ямками, лунками или отпечатками уголка лопаточки, либо ряды каннелюр и прочерченных линий. Значение этих мотивов в орнаментации сосуда в целом состоит в отделении венчика от тулова. Они служат своеобразным барьером между первым и вторым. По-видимому, древний мастер достаточно четко связывал этот разделительный ряд именно с шейкой сосуда, что подтверждается абсолютным преобладанием этих мотивов именно по шейке. В.В. Бобровым была выдвинута оригинальная идея о втором орнаментальном поясе по венчику, основным элементом которого является "жемчужник" в различном сочетании с другими элементами. Сам В.В. Бобров признает, что происхождением своим этот второй орнаментальный пояс по венчику явно обязан шейке сосудов, где этот мотив господствует /12, с. 52/. Нам представляется, что вряд ли правомерно разрывать между венчиком и шейкой один и тот же мотив, тем более, что грань между ними провести иной раз очень трудно, а порой и невозможно. Скорее следует отнести смещение "жемчуж-

Таблица

Взаимовстречаемость орнаментальных мотивов керамических комплексов

Орнамент. зона	Элемент орнамента													Всего жемчужника	Количество со ступов			
Пятак	189	85	3,8															
	113	20	20	169														
Венчик	185	55	3	0,5	77	9	4	1							05			
Щетка																		
Плечки																		

ника" в область венчика издержками в работе мастера. Исходя из этих соображений, мы при анализе материала с поселения Речкуново III во всех случаях отнесли пояс "жемчужника" к шейке сосуда. "Жемчужник" в различном сочетании с другими элементами встречен на 69,6 % сосудов. Преобладает ряд "жемчужника", разделенного ямками, явно превосходя другие сочетания - 45,7 % (рис.2,1-4,7-9; 3,2,6,7,9,10; 4,1,2; 6,2). "Жемчужника", разделенного лунками, меньше - 15,2 % (рис.3,4; 4,3,6; 6,3; 7,1,2). Еще реже встречен ряд "жемчужника" в сочетании с отпечатками уголка лопаточки - 2,8 % (рис.3,1; 6,1). Значительное место в орнаментации шейки сосудов занимают ряды каннелюр и пререченные линии - 23,9 % (рис.2,2,4; 3,9; 4,1,4; 6,1,3). В 2,8 % случаев встречено разделение рядом ямок (рис.5,1,2; 7,3) и в 2,2 % случаев обнаружен ряд, состоящий из одного "жемчужника" (рис.2,6; 3,5).

Нами были учтены орнаментированные фрагменты зоны плечиков 85 сосудов. Чаще всего встречены ряды отпечатков наклонно поставленного штампа и наклонных резных линий - 29,4 % (рис.3,4; 4,1; 5,2,4-7). Довольно много сетки - 22,4 % (рис.3,5; 5,6,7; 6,2; 7,2), почти столько же подвесных штрихованных треугольников - 21,2 % (рис.3,1,2; 6,1,3) и елочки - 20 % (рис.4,2,8; 5,2; 7,1,3). Значительно меньше качалки - 5,8 % (рис.3,8) /см. также: 16,с.64,рис.7-9/. И, наконец, на 1,2 % сосудов обнаружен ряд ромбов (рис.6,2).

Нередко встречается подчеркивание ямками и лунками вершин треугольников как на венчиках сосудов (рис.2,2,4; 3,3,10; 7,2), так и на их плечиках (рис.3,1; 6,1).

Подводя итог характеристике орнаментации керамики с поселения Речкуново III, хочется заметить, что важнейшими орнаментальными мотивами сосудов этого памятника являются треугольники по венчику, ряд "жемчужника", разделенного ямками по шейке, и достаточно равномерно встречающиеся по плечикам ряды наклонных линий, сетка, треугольники и елочка. Все это позволяет нам с уверенностью отнести памятник к ирменской культуре, для орнаментации керамики которой характерен подобный комплекс признаков.

Мы согласны с В.В.Бобровым, что штрихованные треугольники по венчику и плечикам и "жемчужник" в различных сочетаниях по шейке скорее являются культурно определяющими, нежели характеризуют своеобразие памятника /12,с.56/. Они в определенной

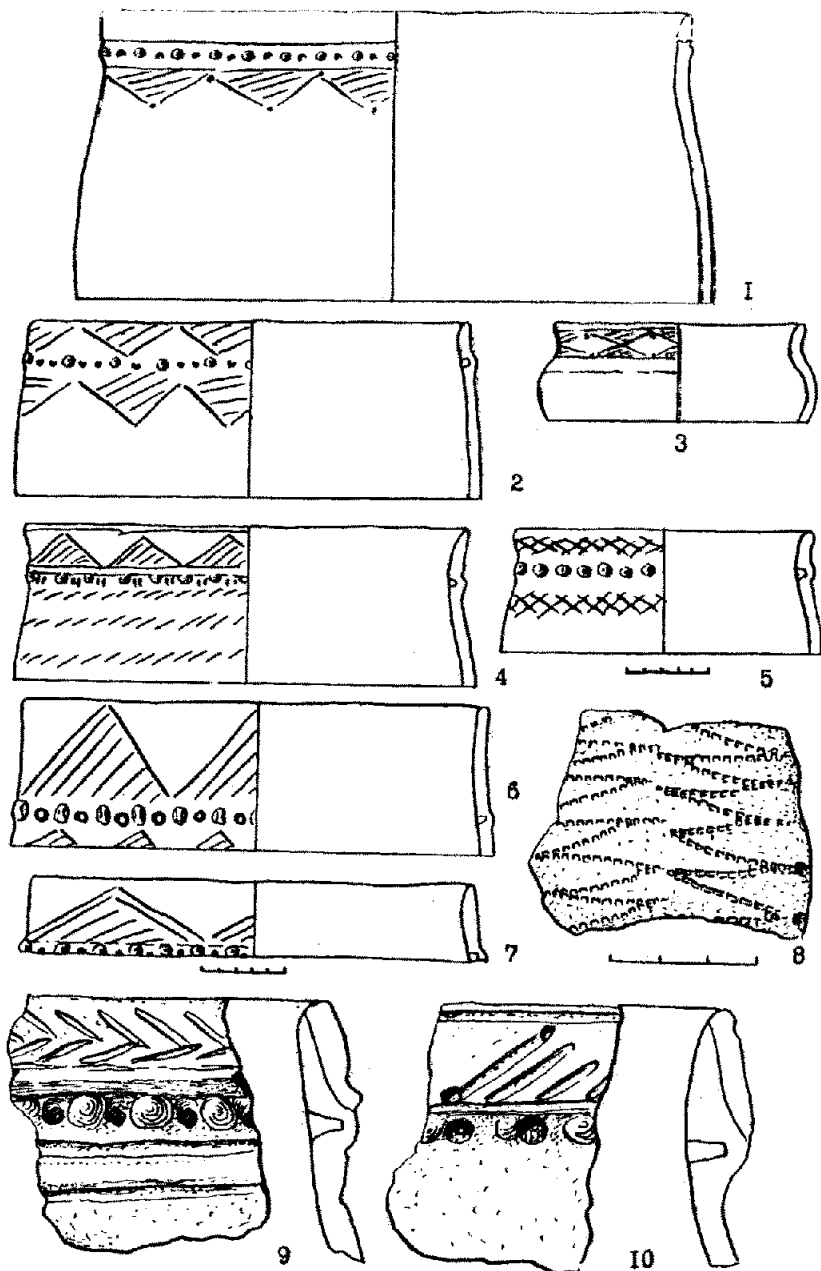

Рис. 3. Керамика поселения Речкуново III

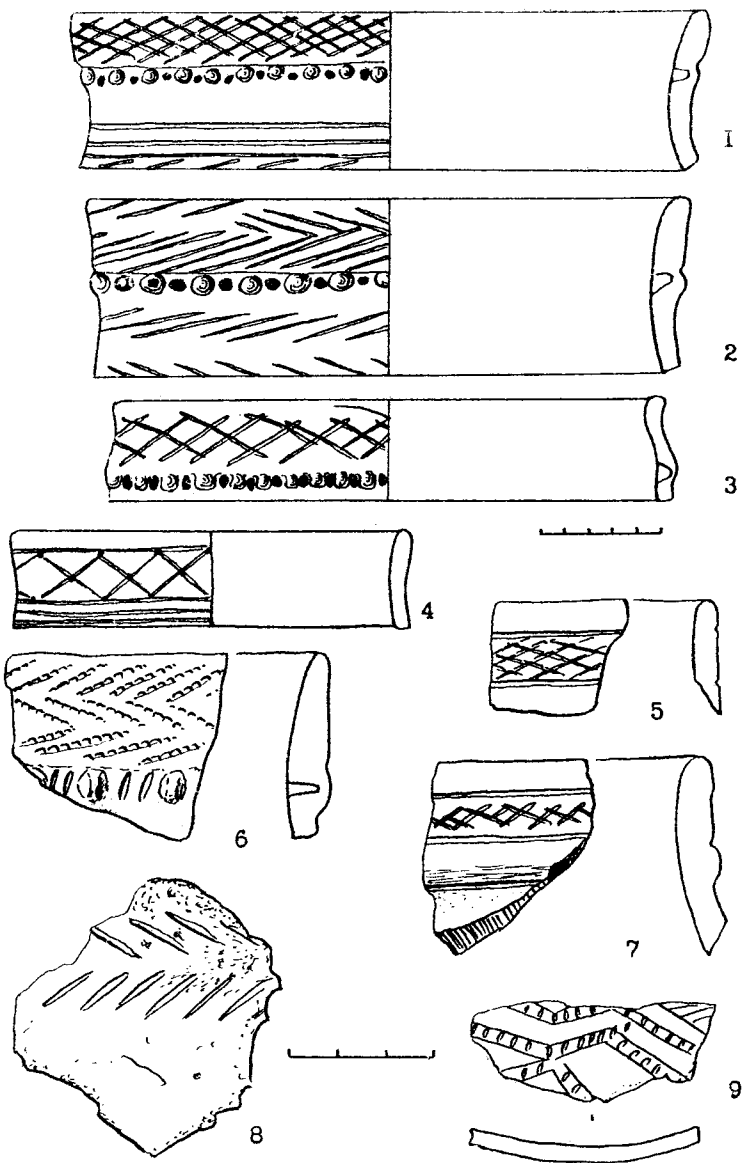

Рис.4. Керамика поселения Речкуново III

мере присущи многим ирменским поселениям и могильникам. Однако выяснение степени проявления этих "общепирменских" черт в орнаментации каждого конкретного ирменского памятника, как нам кажется, и позволяет выявить те этнокультурные компоненты, о необходимости выделения которых уже писалось раньше /10, с.61; 12, с.57/. Безусловно, должны приниматься во внимание также и специфические черты, присущие лишь этому памятнику либо микрорайону в целом.

На основании полученных статистических данных мы попытались выяснить основные этнокультурные компоненты, проявившиеся в материалах поселения Речкуново III. Для сравнения были использованы опубликованные данные по ирменским поселениям, находящимся на сопредельных с лесостепным Барнаульско-Бийским Приобьем территориях: Красный Яр I в Новосибирской области /9, с.40-41/ и Ляскус в Кемеровской области /12, с.51-52/. Попытка сравнить эти памятники интересна тем, что все они, безусловно, ирменские, однако их керамические комплексы отличаются друг от друга. Как Красный Яр I, так и Ляскус находятся значительно севернее Речкуново III. Эти районы испытывали иные культурные влияния, нежели Барнаульско-Бийское Приобье, что, по-видимому, и определило специфику памятников.

В результате исследования выявилось определенное сходство поселений Речкуново III и Ляскус. Керамический комплекс поселения Красный Яр I отличается от речкуновского в большей степени. Наибольшее сходство обнаружилось в следующих чертах: большой процент штрихованных треугольников по венчику (это характерно и для поселения Красный Яр I) и подвешных по плечикам, достаточно широко распространенные неорнаментированные венчики, преобладание "жемчужника" в различных сочетаниях по шейке (к сожалению, мы не имели данных по орнаментации зоны шейки керамики поселения Красный Яр I), значительное количество елочки по плечикам. Отметим сразу, что большинство этих черт не выходит за рамки "общепирменских". Однако даже здесь прослеживаются определенные различия. Если на Ляскусе (и особенно на Красном Яре I) в орнаментации венчика преобладают треугольники, соединенные вершинами и образующие при этом гладкий ромб, а на Ляскусе также подвешные и взаимопроницающие треугольники, то для Речкуново III характерен прежде всего ряд треугольников, обращенных вершиной вверх (значительное место они

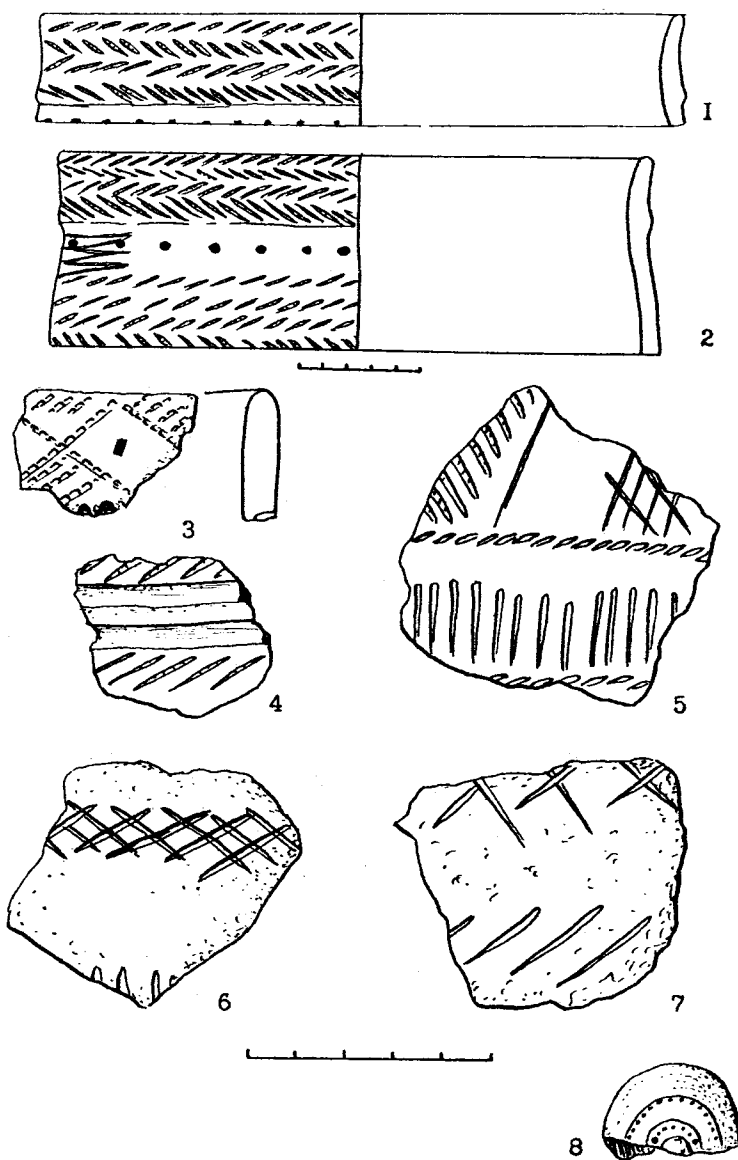

Рис.5.Керамика поселения Речкуново III

занимают и в Красном Яре I). В орнаментации зоны шейки на Лоскусе применялся чаще всего "жемчужник" в сочетании с отпечатками уголка лопаточки и лунками, а в Речкуново III предпочтение явно отдавалось "жемчужнику" в сочетании с ямками. Наконец, если в орнаментации зоны плечиков на Лоскусе резко преобладали подвесные треугольники, то на речкуновской керамике их процент был значительно меньше.

Еще большие различия выявляются между памятниками при анализе специфических черт их орнаментаций. Здесь особенно важно следующее: большой удельный вес сетчатых поясков по плечикам и особенно по венчикам сосудов с поселения Речкуново III, а также значительное место в орнаментации венчиков и особенно зоны плечиков на речкуновской керамике рядами наклонных линий. Эти мотивы играют очень незначительную роль в керамике как Лоскуса, так и Красного Яра I. Напротив, в орнаментации этих памятников, особенно в зоне плечиков, велик процент заштрихованных лент, образующих различные узоры, но практически совершенно отсутствующих в Речкуново III. Этим далеко не исчерпывается круг отличий.

Причиной значительных различий в орнаментации памятников, представляющих собой территориальные варианты одной культуры, и, видимо, хронологически близких, должно служить, как нам кажется, различное направление культурных связей. Не исключено, однако, что эти различия могут быть обусловлены и хронологическими рамками.

Если для жителей поселения Лоскус восточные связи с карасукской культурой Минусиной котловины, по-видимому, были традиционными, что объяснялось близостью территории, сходством природных условий и, возможно, типа хозяйства, то для населения, оставившего поселение Речкуново III, гораздо большее значение имели, вероятно, западные связи с "андроновским" миром и местная андроновско-еловская традиция. Действительно, такие черты в орнаментации керамики с поселения Лоскус, как самый высокий процент неорнаментированных венчиков среди всех ирменских памятников /I2, с.56/, часто встречающиеся подвесные треугольники по тулову и ряд других, характерны более для карасукской культуры, нежели для ирменской, что подтверждает предположение о взаимодействии ирменского и карасукского населения в контактной зоне, а, возможно, и об инфильтрации определенной части карасукцев на запад /II, с.133-135/.

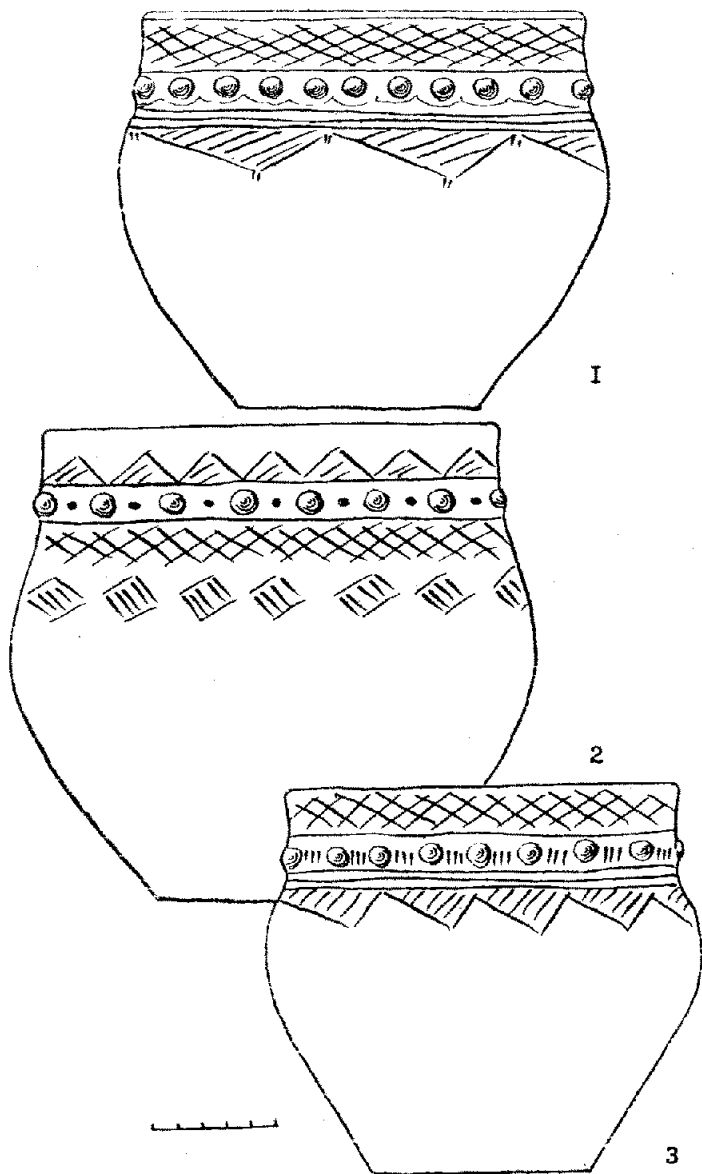

Рис.6.Керамика поселения Речкуново Ш

Напротив, последователями уже неоднократно отмечалось, что на Верхней Оби андроновские традиции в эпоху поздней бронзы были гораздо сильнее, нежели в Минусинской котловине /I, с.39-40; 7, с.9; 17, с.156/.

Керамический комплекс поселения Речкуново III также несет в себе андроновские черты, хотя и несколько трансформировавшиеся. Это плоскодонность керамики, горшковидная форма сосудов и их четкая профилировка (рис.6,7), в орнаментации - ряд треугольников, обращенных вершинами вверх по венчику сосудов (рис.2,3,6,8; 3,4,6,7,10; 6,1; 7,2), ряды каннелюр и прочерченных линий по шейке (рис.2,2,4; 3,9; 4,1,4; 6,1,3). Консерватизм андроновских традиций на Верхней Оби и, в частности, в лесостепном Барнаульско-Бийском Приобье, где расположено рассматриваемое поселение, объясняется, по-видимому, удобством этой территории для хозяйственной деятельности андроновцев /18, с.52; 19, с.22/, что способствовало оседанию их на длительное время в этих местах, а также инфильтрацией, а возможно и мигрирующей родственного андроновскому индо-иранского населения с запада, с территории современного Казахстана в эпоху поздней бронзы.

Для керамического комплекса Красного Яра I андроновские традиции характерны, пожалуй, еще в большей степени, чем для Речкуново III. Они проявляются прежде всего в очень большом проценте резячных штрихованных лент по плечикам и тулову сосудов, в значительном количестве штрихованных треугольников по венчику, обрешенных вершинами вверх, и других. Однако черты эти также в значительной степени уже трансформировались, что подтверждает хотя бы преобладание по венчику классического ирменского мотива - штрихованных треугольников с сомкнутыми вершинами, образующих при этом гладкий ромб. Сильные андроновские традиции прослеживаются в керамическом материале и других памятниках эпохи поздней бронзы в Новосибирском Приобье - Умна I, Улысино, Батурино III /9, с.40-41/. Возможно, это свидетельствует о более сильном воздействии андроновских племен на Новосибирское Приобье, нежели на Алтайское, являвшееся, скорее всего, южной периферией расселения андроновцев в Западной Сибири /18, с.53/.

Другой важнейший компонент, отчетливо прослеживаемый по материалам поселений Речкуново III, - еловский. Он проявляется в таких чертах орнаментации, как сетчатые пояски по венчикам

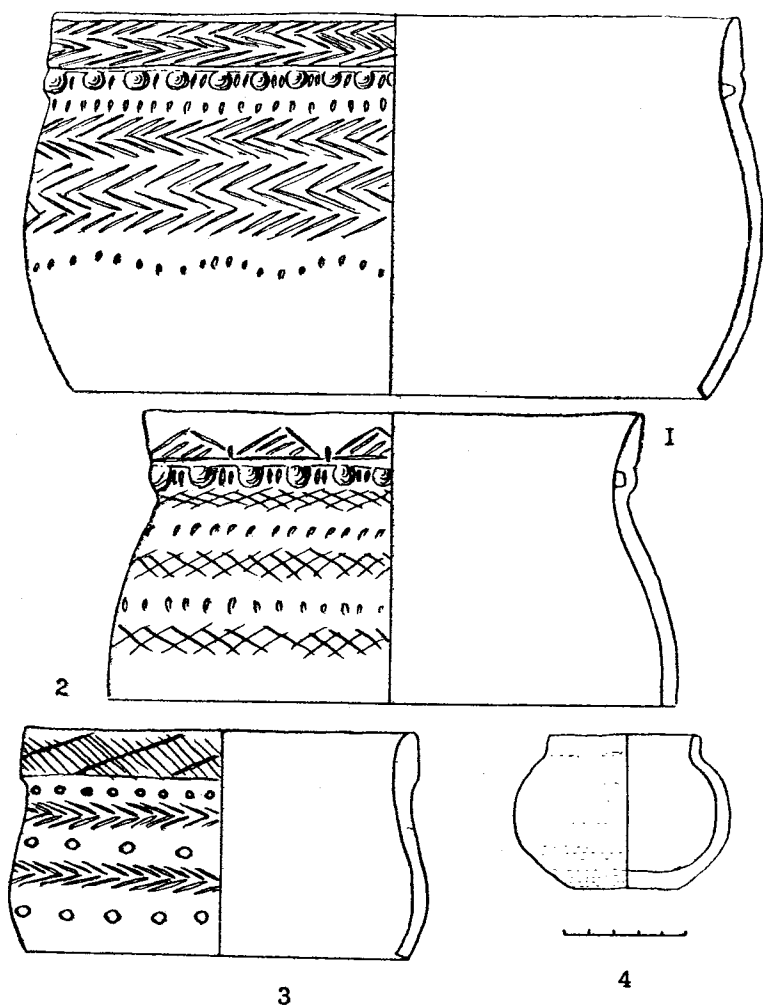

Рис.7.Керамика поселения Речкуново III

и плечикам сосудов, ряды горизонтальной елочкой и наклонных отпечатков гладкого и гребенчатого штампов, а также в разделении этих мотивов рядами ямок или лунок (рис.5; 7,1-3). Подобный орнаментальный комплекс достаточно хорошо известен в лесостепном Барнаульско-Бийском Приобье на целом ряде памятников, относимых к алтайскому варианту еловской культуры /18, с.53/: поселения Корчажка У и Костенкова Избушка на оз.Иткуль и другие. Встречен он и на сопредельных территориях (поселение Милованово Ш в Новосибирской области). Наиболее "чистый" памятник подобного типа - поселение Корчажка У. В материалах ирменского поселения Речкуново Ш также выделяется целый комплекс еловских орнаментальных традиций, и это не случайно.

Вопрос о взаимодействиях еловской и ирменской культур очень сложен и имеет различные толкования в литературе /20, с.180/. В орнаментации керамики целого ряда ирменских памятников лесостепного Барнаульско-Бийского Приобья прослежена еловская орнаментальная традиция. Примером является поселение Казенная Займка в Барнауле /21, с.18/. Традиционно еловскую культуру датируют XII-X (IX) вв. до н.э. /19, с.26; 20, с.162/. Судя по материалам памятников Барнаульско-Бийского Приобья, можно предположить, что она существовала здесь дольше, возможно, еще в УШ в. до н.э., т.е. еловское население проживало тут на протяжении всей эпохи поздней бронзы. Это подтверждается прежде всего тем, что на сменявшем эпоху поздней бронзы большереченском этапе большереченской культуры /1, с.44-85/, являющемся переходным временем от эпохи бронзы к эпохе железа, вновь значительное место занимает еловская традиция, до этого как бы "приглушенная" на время ирменской орнаментацией. Судя по материалам исследованного автором поселения Мыльниково, относящегося к большереченскому этапу и имевшего в орнаментации керамики сильные еловские традиции, еловская культура в Барнаульско-Бийском Приобье не могла прервать свое существование в IX в. до н.э., так как Мыльниково датируется VII-VI, возможно, УШ-VI вв. до н.э. В таком случае необходимо предположить сосуществование еловского и ирменского населения на территории Барнаульско-Бийского Приобья в эпоху поздней бронзы и допустить определенное взаимодействие их друг о другом, которое, как нам кажется, отразилось в целом ряде памятников: Казенная Займка, Малоугреново и другие. Следствием этого процесса являются, видимо, и некоторые орнаментальные

композиции на керамике с поселения Речкуново III, в которых на одном сосуде встречаются типичные ирменские черты: штрихованные треугольники с подчеркиванием вершин ямками по венчику и "жемчужник", разделенный лунками по шейке, с не менее типичными еловскими: поясками резной сетки, разделенной рядами лунок (рис.7,2). Встречена и классическая еловская керамика (рис.7,3). Процесс взаимодействия культур, по-видимому, привел к постепенному исчезновению ирменских черт и к победе еловской культурной традиции, так как на большереченском этапе она вновь полностью господствует. Не исключено, что еловцы со своим комплексным хозяйством /22, с.66/ оказались более приспособленными к окружающим природным условиям, нежели скотоводы-ирменцы, что в конечном итоге привело к ассимиляции ирменского населения еловским.

Говоря о сильном еловском компоненте в керамическом материале поселения Речкуново III, следует заметить, что, несмотря на это, памятник является все же типично ирменским. Культурная принадлежность его сомнений не вызывает. По-видимому, в материалах поселения отразилось лишь начало процесса смешения населения двух культур. Кроме того, поселение находится на правом берегу Оби, где еловская традиция, по крайней мере в пределах лесостепного Барнаульско-Бийского Приобья, значительно сильнее, нежели на левобережье, что хорошо прослеживается на целом ряде памятников.

Датировка поселения возможна пока лишь в пределах общей даты ирменской культуры - IX-VIII вв. до н.э. Уточнение датировки возможно только после сравнительного изучения материалов многих ирменских памятников и составления хронологических шкал.

Подводя итог, отметим, что введение в научный оборот материалов нового ирменского памятника - поселения Речкуново III - расширяет наши знания об эпохе поздней бронзы Верхнего Приобья и должно способствовать решению ряда спорных вопросов.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Г р я з н о в М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с.Большая Речка. - М.;Л., 1956. - 160 с.

2. Г р я з н о в М.П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири. - КСИИМК, 1956, 64, с.27-42.

3. М а т ю щ е н к о В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век): Часть IV. Еловско-ирменская культура. - Томск, 1974. - 191 с.
4. М а т ю щ е н к о В.И. Могильник эпохи поздней бронзы у деревни Иштан на Оби. - В кн.: Археология и этнография Южной Сибири. - Барнаул, 1984, с.63-69.
5. Ч л е н о в а Н.Л. Раскопки могильника Камышенка на Северном Алтае в 1970 г. - В кн.: Из истории Сибири. Вып.15.- Томск, 1974, с.112-119.
6. Ч л е н о в а Н.Л. Чрманоков погребение с богатым инвентарем. - КСИА, 1981, 167, с.100-108.
7. У м а н с к и й А.П., Д е м и н М.А. Керамика карасукского могильника у ст.Плотинная. - В кн.: Некоторые вопросы истории СССР. - Барнаул, 1974, с.3-18.
8. У м а н с к и й А.П., Д е м и н М.А. Бронзовый инвентарь могильника эпохи поздней бронзы у ст.Плотинная. - В кн.: Вопросы истории СССР. - Барнаул, 1974, с.3-14.
9. Т р о и ц к а я Т.Н. Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье. - В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. - Новосибирск, 1974, с.32-46.
10. С а в и н о в Д.Г., Б о б р о в В.В. Титовский могильник (к вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на хге Западной Сибири). - В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск, 1978, с.47-62.
11. С а в и н о в Д.Г., Б о б р о в В.В. Титовский могильник эпохи поздней бронзы на реке Инге. - В кн.: Проблемы западно-сибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. - Новосибирск, 1981, с.122-135.
12. Б о б р о в В.В. Поселение на р.Лускус. (Предварительное сообщение). - В кн.: Археология Южной Сибири. - Кемерово, 1979, с.47-59.
13. М а т в е е в А.В. Городище бронзового века на Уени. - В кн.: Вопросы археологии Приобья. - Тюмень, 1979, с.91-106.
14. С и д о р о в Е.А. Стратиграфия поселения Миловново-3. - В кн.: Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. - Новосибирск, 1983, с.10-20.
15. Ш а м ш и н А.Б. Работы западного отряда Алтайской экспедиции. - В кн.: АО 1979 года. - М., 1980, с.242-243.

16. Ш а м ш и н А.Б. К археологической карте Причумышья. - В кн.: Древняя история Алтая. - Барнаул, 1980, с.52-65.

17. К и с е л е в С.В. Древняя история Южной Сибири. - М., 1961. - 638 с.

18. К и р ю ш и н Ю.Ф. О культурах бронзового века в лесостепном Алтае. - В кн.: Сибирь в прошлом, настоящем и будущем, вып. III. - Новосибирск, 1981, с.51-54.

19. История Алтая: Учебное пособие. Часть I. - Барнаул, 1983. - 184 с.

20. К о с а р е в М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. - М., 1981. - 275 с.

21. Б о р о д а е в В.Б., К и р ю ш и н Ю.Ф., К у н - г у р о в А.Л. Археологические памятники на территории Барнаула. - В кн.: Памятники истории и культуры Барнаула. - Барнаул, 1983, с.7-30.

22. К и р ю ш и н Ю.Ф., К е л а ш н и к о в а Т.В., Ш а м ш и н А.Б. Формирование культурно-хозяйственных типов в лесостепном Алтае в эпоху бронзы. - В кн.: Барнаулу 250 лет. - Барнаул, 1980, с.64-67.

А.И.Мартынов, А.М.Кулемзин, Г.С.Мартынова
(Государственный университет, Кемерово)

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА У ПОСЕЛКА АКТАШ В ГОРНОМ АЛТАЕ

В 1968-1969 гг. археологическая экспедиция Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР и Кемеровского педагогического института под руководством авторов произвела раскопки могильника в зоне затопления строящейся Чуйской ГЭС в Акташском районе Горно-Алтайской автономной области.

В 12-17 км к югу от пос.Акташ по правому берегу р.Чуя раскинулись две небольшие долины. Одна из них - Алагатл - начинается от 455 км Чуйского тракта.

Длина долины 1300 м, ширина - 400 м. Вторая долина - Баратальская - расположена юго-восточнее первой и отделяется от нее небольшим скальным перешейком. Она начинается

отметки 458 км тракта и тянется на 4 км. Ширина долины — около 1 км. Обе долины, пересекающие Чуйский автомобильный тракт, представляют собой нижние надпойменные террасы Чуи. По сведениям гляциологов, они образовались в ранний период позднечетвертичного времени в результате интенсивного таяния Маушерского горного ледника. Долины сложены из последовательно чередующихся слоев донного илистого зеленоватого песка и плотной мелкоструктурной илистой глины, представляющих собой сезонные отложения, толщина которых в среднем колеблется от 0,05 до 0,3 м.

На территории этих долин было зафиксировано 292 кургана, 62 из которых были раскопаны в течение двух сезонов (47 — в Алагайльской, 12 — в Баратальской). Кроме того, в 1968 г. обследованы 3 кургана в долине Тербедек, которая находится в 8 км от Алагайльской долины ниже по Чуе, в стороне от тракта.

Курганы, находящиеся в долинах, различаются по величине и внешнему устройству. Многие из них имеют явные признаки ограбления: воронки в центре, разбросанные вокруг в беспорядке камни.

Устройство погребений и их материалы позволяют выделять среди раскопанных курганов отдельные типологические и хронологические группы:

I. Курганы диаметром от 12 до 60 м. К ним относятся курган 3, раскопанный в Алагайльской долине, и 2 кургана (диаметром 50-60 м) в Баратальской долине. Курганная насыпь их состоит из камней, перемешанных с песчанистой почвой. Внутри глубокой ямы (около 5 м) кургана 3 имелись остатки бревенчатого сруба (рис.1).

II. Курганы аналогичной конструкции, но меньшей величины. Диаметр насыпи 5-12 м, глубина могилы 2-5 м. На дне могилы — деревянный склеп в виде сруба в один-два венца с одним погребенным. К этой группе относятся курганы I, 2, II, 12, 19, 22 (рис.2).

III. Курганы с каменными склепами в могиле. Насыпи курганов овальные или прямоугольные в плане. Под каменной насыпью в могиле на глубине до 2 м находится каменный ящик из больших плит. В нем — остатки одного погребенного, мумифицированного трупа или куклы. К этой группе относятся курганы 23, I и 2 в долине Тербедек.

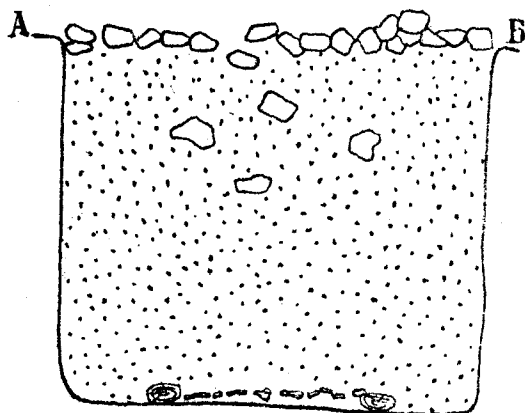
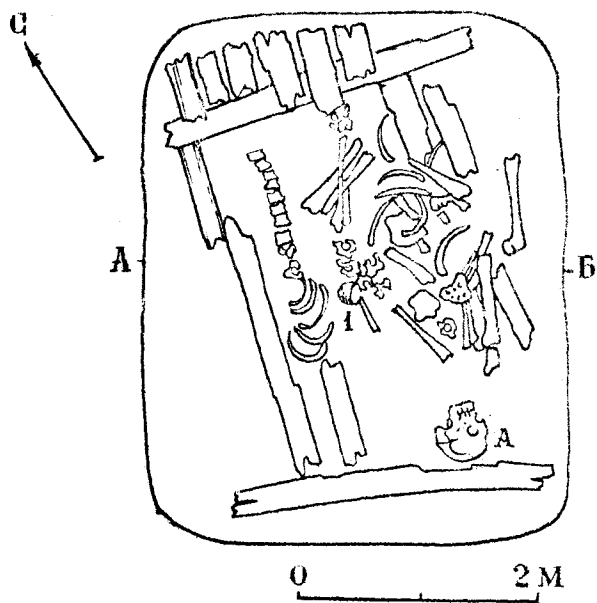

Рис. I. План и разрез могилы 3 (долина Алагаил)

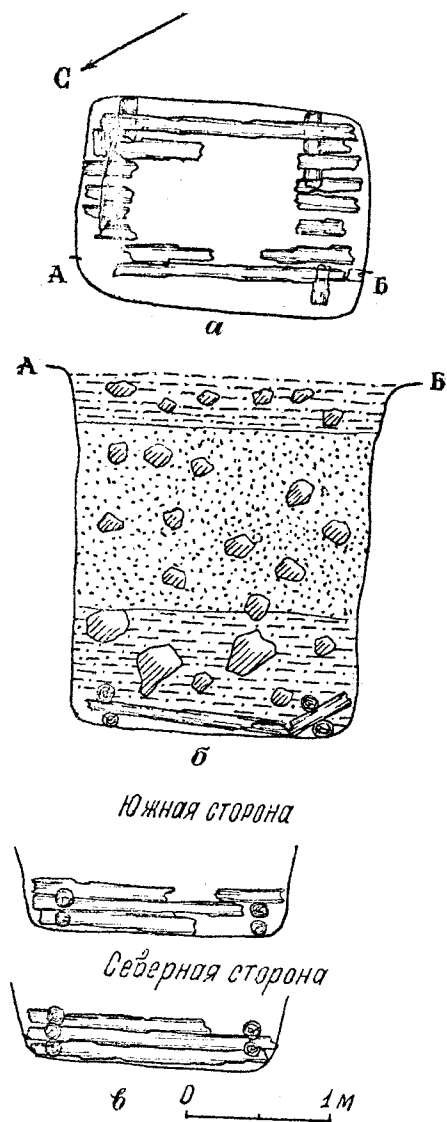

Рис.2. План и разрез могилы I (долина Алагаил)

IV. Каменные курганы с могилами на древнем горизонте и захоронения на горизонте под насыпью. Первые состоят из плоской каменной наброски, в центре которой устроена небольшая могила из поставленных на ребро каменных плит. В могиле обычно находятся остатки одного погребенного (курганы 38,42,50, 52,53,54 и курган 51 с несколькими погребенными).

К курганам с захоронением на древнем горизонте под насыпью, без могилы, относятся 16,24,29,31,33,37 и, очевидно, 30. Они, как и первые, были разграблены и не имели какого-либо инвентаря.

V. Курганы с каменной крепидой, содержащие иногда следы огня в захоронениях. Их насыпь невысокая, обычно четырехугольная, у основания выложенная каменными плитами. К этому типу относятся курганы 9,27,28,45,17,48,49 (рис.3).

VI. Прямоугольные поминальные сооружения. Ритуальные сооружения, внешне напоминающие курганы, но не содержащие погребений (сооружения - 8,10,13,14,17,18,20,21,25,26,32,35,39, 43 и 5 в Беретальской долине). К этому же типу сооружений относятся каменные оградки в виде колец, также не содержащие захоронения.

Большинство раскопанных памятников было разграблено до начала исследований, поэтому представляется описание только тех, которые содержали определенный археологический вещественный материал.

Д о л и н а А л а г а х л

К у р г а н I диаметром 8,5, высотой - 0,35 м находился в северо-восточной части долины. Насыпь круглая в плане, в центре - воронка диаметром 3 м. Насыпь кургана состоит из дикого скальника средней величины, присыпана песком и задерживана. На глубине 0,7 м четко обозначалось могильное пятно прямоугольной формы, вытянутое по направлению запад-восток. Могила была заполнена песком с глиной и завалена небольшими камнями. Размеры могильной ямы - 2,1 x 1,8 м.

На дне могильной ямы, под камнями, был расчищен хорошо сохранившийся деревянный сруб длиной 1,8, шириной 1 м, высотой - 0,3 м, сложенный из тонких бревен, соединенных в углах опособом "в паз", причем концы бревен выступали за пределы углов сруба на 0,3 м. Сверху сруб был покрыт тонкими бревнами, уложенными в ряд (рис.3). Их концы сохранились только около се-

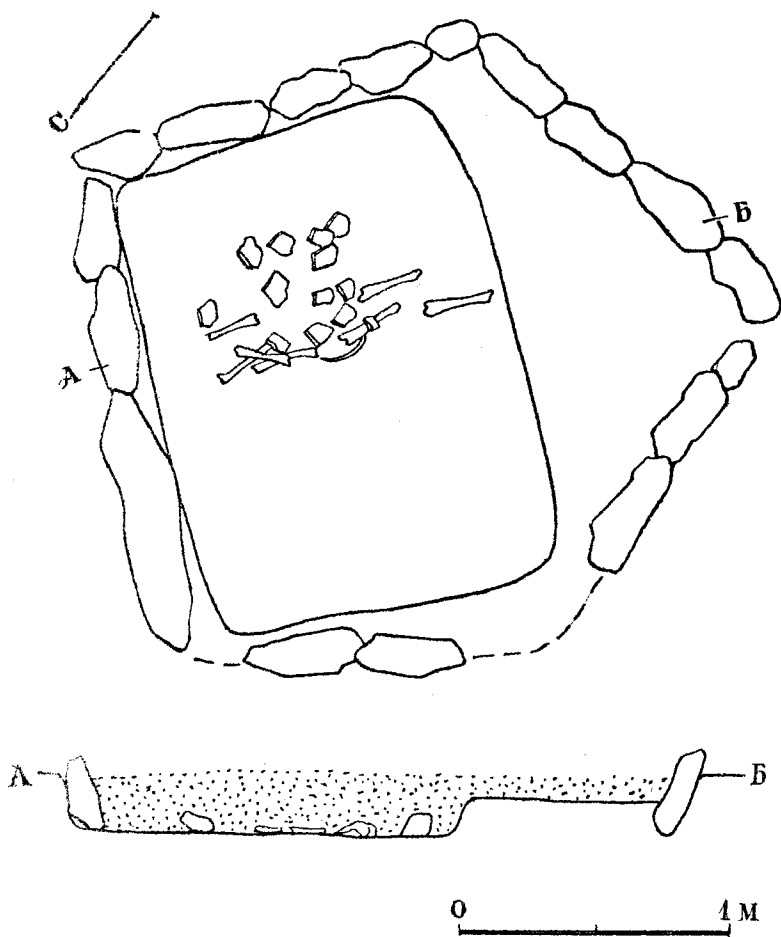

Рис.3. План и разрез погребения 27 (долина Алагаил)

веро-восточной и юго-западной стенок сруба. В восточной части перекрытия найдены два черешковых костяных наконечника стрел. При разборке сруба с северной стороны в северо-восточном углу могильной ямы обнаружено еще три таких же костяных наконечника. Могильная яма ограблена, в ней не оказалось скелета погребенного. Ограбление было совершено еще тогда, когда бревна перекрытия были достаточно прочными и грабителям пришлось их перерубать около западной и восточной стенок, сделав большое прямоугольное отверстие.

К у р г а н 3 расположен на правом берегу р. Чуи, между отметками 456-458 км Чуйского тракта, у дороги. Внешне курган представляет собой круглую в плане каменную насыпь диаметром 12 м, высотой 0,7 м. Каменная выкладка кургана в виде большого кольца, внешний диаметр которого образует край кургана. Ширина выкладки - 3,3-3,5 м. Площадь в центре кургана не заполнена камнем. После снятия курганной насыпи обнаружено могильное пятно с неровными очертаниями сторон. Размеры сторон могильной ямы: юго-восток - 2,7 м, юго-запад - 2,4 м, северо-запад - 3,3 м, северо-восток - 3 м; глубина - 4,9 м. На всю глубину могилы была заполнена песком с включением глины и забита камнем. В заполнении находились куски гнилого дерева, остатки костей барана и позвонки лошади. Сохранились также остатки шести бревен, расположенных в направлении запад-восток, уходящие под камни в восточной стороне могилы. Очевидно, это остатки сгнившего перекрытия. При дальнейшей расчистке могильной ямы в ее восточном углу было обнаружено сгнившее дерево. Видимо, в могильной камере был сооружен деревянный склеп, довольно большой высоты, так как остатки дерева прослеживаются на высоте 1,5 м от дна могилы. Конструкцию склепа определить трудно, но можно предположить, что его основу составлял сруб, покрытый бревенчатым накатом. Дно могилы было выстлано расколотыми бревнами (рис. I).

На дне было расчищено захоронение человека с лошадьё. Погребенный был положен головой на юго-восток. Первоначальное его положение было нарушено: нижняя челюсть лежала в отдалении от черепа, вместе с бедренной костью, скоплением ребер и позвонков восточнее основной части скелета, другая бедренная и берцовая кости были обнаружены у черепа, рядом разбросаны кости рук.

С восточной стороны от черепа найдены остатки железного кинжала плохой сохранности. У тазовых костей было расчищено бронзовое зеркало с отверстием на маленькой ручке. Среди костей скелета лежали два кусочка золотой фольги, рядом с черепом — кости барана, а вдоль северо-восточной стены — целый скелет лошади с железными удилами в зубах (рис.4,1).

К у р г а н II представляет собой сложенный из камней плоский холм высотой 0,5, диаметром 8 м. Размеры могильной ямы — 1,7 x 2 м; глубина — 1,5 м. Яма была заполнена песком с включениями глины и небольшого количества камней. На дне ее находился скелет женщины в возрасте 30-32 лет. Погребение разрушено. Череп лежал в западном углу, нижняя челюсть — у юго-западной стенки, ближе к центру могильной ямы. Остальные кости располагались по всему дну могильной ямы в беспорядке. На правом виске черепа — отверстие с длинными лучами трещин, очевидно, след от удара инструмента грабителя. В центре могилы вместе с фалангами пальцев обнаружено бронзовое зеркало с ручкой и остатки его кожного чехла (рис.5,1).

Погребение находилось в деревянном срубе, состоящем из двух венцов тонких лиственничных бревен. Дно склепа было выстлано слоем березовой коры. Корой была покрыта и крыша склепа, от которой остались небольшие осколки сгнившего дерева.

К у р г а н I5 находился в восточной части Алагайльско-го могильника. Диаметр — 8, высота — 0,6 м. Насыпь состояла из крупных камней, под которыми обнаружено могильное пятно. Размеры могильной ямы определены только приблизительно — 3 x 2 м (рис.6). Яма ориентирована углами по сторонам света. В северном углу могильной ямы, сразу под камнями, обнаружено захоронение лошади. При скелете — костяной мундштук, узда и три костяных украшения — бляшки от сбруи (рис.7,1-3).

К у р г а н I9 расположен слева от дороги в Кош-Агач, около горы. Внешне он представлял собой небольшой холм из земли и крупных камней диаметром — 10, высотой — 0,5 м.

После снятия камней было обнаружено слабо заметное прямоугольное могильное пятно. По цвету заполнение не отличалось от окружающей его земли, а выделялось только более мягкой и рыхлой почвой. Его размеры примерно 2,8 x 2,5 м, глубина — 2 м. Могильная яма заполнена в основном песком с мелкими вкраплениями глины.

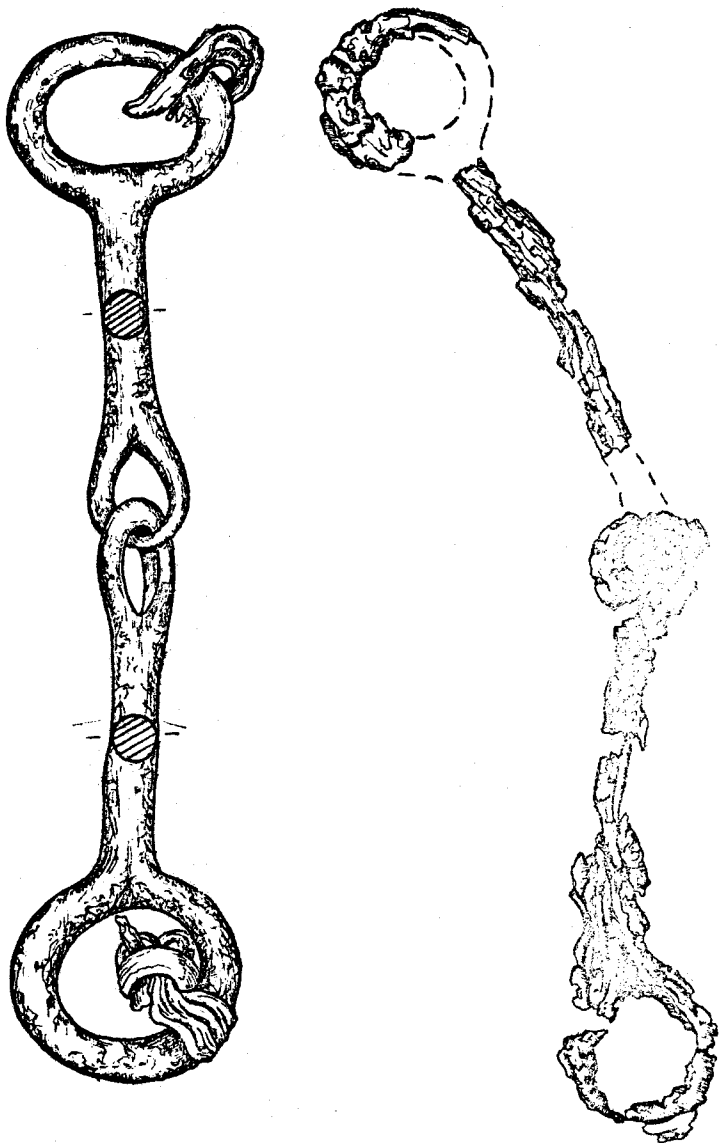

Рис.4.Удила: 1 - железные из погребения 3 (долина Алагая); 2 - бронзовые из погребения I (Тербедск)

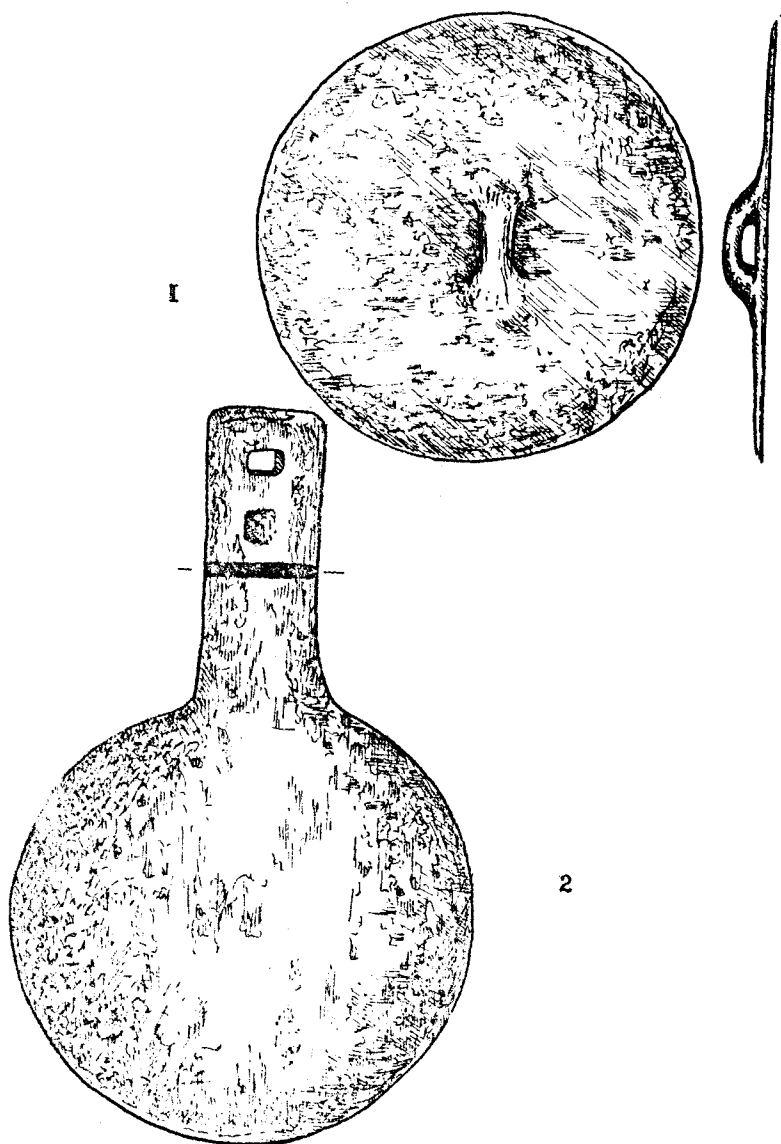

Рис.5.Бронзовые зеркала: 1 - погребение 23;
2 - погребение II (долина Алагаил)

На глубине 1,6 м от поверхности ямы лежали крупные каменные плиты. Под каменной наброской было обнаружено погребение человека с лошадью. Погребенная женщина в возрасте 45-50 лет была положена внутри деревянного сруба длиной 2, шириной - 0,45 м, от которого сохранились остатки сгнившего дерева. Лучшее сохранилась та (северная) часть склепа, где лежал скелет лошади. Следы дерева найдены на костях человека.

Человеческий скелет сохранился довольно хорошо, хотя череп раздавлен упавшими камнями. По расположению ребер и костей таза видно, что погребенный был положен на спине. Ноги, подогнутые в коленях, свалились вправо. Под скелетом лежали остатки подошвки или ошейки из толстой кожи, сохранившейся небольшими фрагментами. Около черепа найдена золотая пластинка рельефного тиснения с изображением оленя с ветвистыми рогами. Рядом с этой пластинкой располагались золотая подвеска с круглой халцедоновой бусиной, мелкие костяные бусинки и две маленькие выпуклые золотые нашивки на куске кожи. У правого плеча находился бронзовый нож с кольцевым навершием. Около правой руки, почти у самого запястья, найдено бронзовое зеркало с петелькой сбоку. Под черепом погребенного лежала бронзовая спица, а перед лицевой частью черепа находились два небольших окислившихся кусочка железа и костяное украшение (рис. 8, I-8). Около черепа обнаружили несколько позвонков и кости крестцовой части скелета барана.

С северной стороны погребенного, между срубом и стеной могильной ямы, лежал полностью сохранившийся скелет лошади, расстояние между скелетом лошади и человеком - 0,5 м. Под черепом лошади лежал большой камень. Передние и задние ее ноги были поджаты под туловище. От сруба сохранились бронзовые и костяные приспособления, бронзовые удила, а около них - костяные посылки с изображением грифоньих головок на концах. В области живота лежали две пряжки.

К у р г а н 22 находился у самого подножия горы, справа от дороги в Кош-Агач. Внешне представлял собой круглую в плане насыпь диаметром 8, высотой - 0,8 м, поверхность которой обложена камнями. Под насыпью обнаружено могильное пятно прямоугольной формы, размером 2 x 1,6 м, вытянутое на запад-восток.

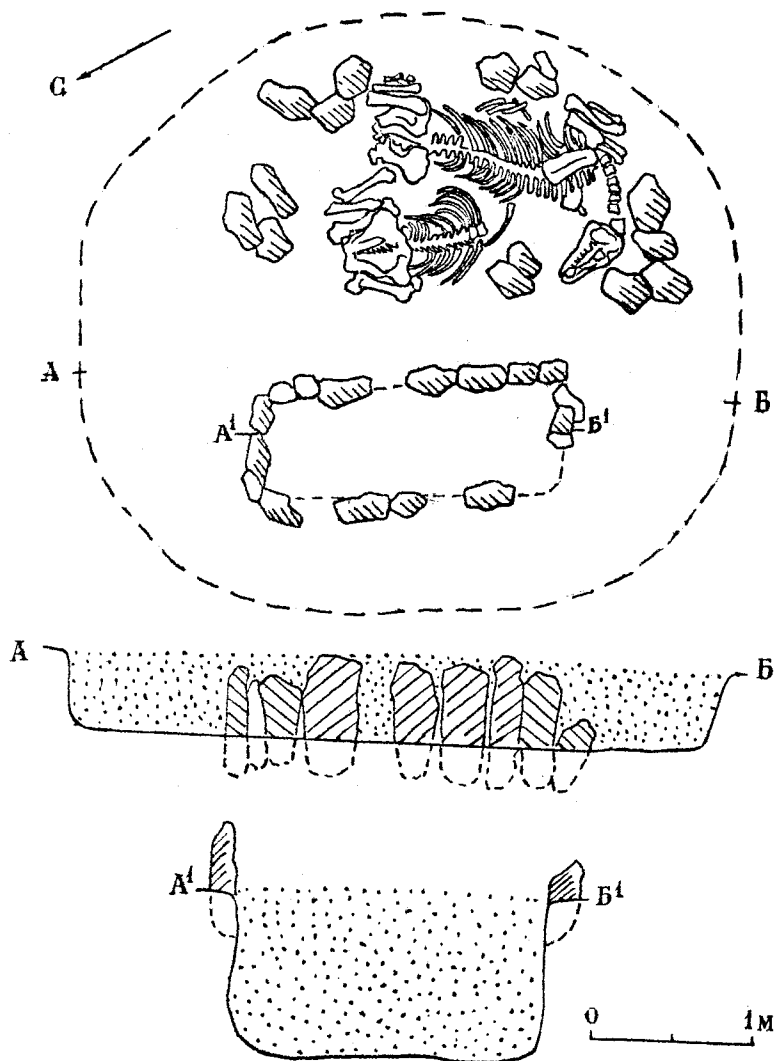

Рис. 6. План и разрез могилы 15 (долина Алагаил)

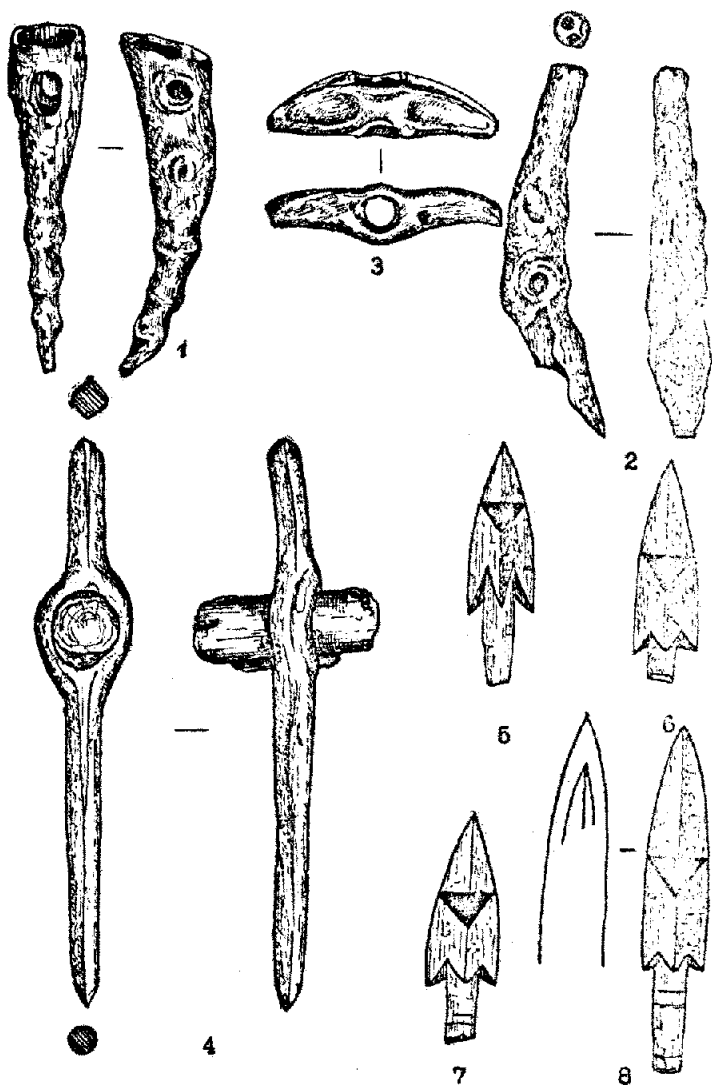

Рис.7.Бронзовое (4) и костяные (1-3,5-8) изделия из долин: 1-3 - Алагам, погребение 15; 4-8 - Тербадок, погребение I

Могильная яма была заполнена песком и глиной. На глубине 0,6 м обнаружен скелет мужчины. Погребенный был положен головой на восток, на спине, ноги согнуты в коленях. У черепа погребенного найден камень. Можно предположить, что погребенный находился в деревянной колоде или внутри сруба, так как у восточной стенки могильной ямы были обнаружены остатки стнившего дерева.

У левого плеча лежали фрагменты железного кинжала или меча с остатками деревянной ручки, вложенной в кисть левой руки. У таза находились остатки кожи и две подвески из кости. На поясе лежала орнаментированная костяная пластина. В области бедренной кости слева найдена круглая костяная бляшка с отверстием в середине, у берцовой кости правой ноги — костяная застёжка. На расстоянии 0,5 м от правого локтя находилась железная пуговица. В ногах погребенного обнаружены незначительные фрагменты глиняного сосуда (рис.9,1-9).

К у р г а н 23 представлял собой плоский холм из земли и камней диаметром — 8, высотой — 0,8 м. В ходе раскопок были уточнены очертания и размеры могильного пятна. Могильная яма, длиной 2,1, шириной 1,1, глубиной 1,7 м, вытянута с запада на восток, заполнена песком, перемешанным с глиной и камнями. На глубине 1,4 м обнаружена каменная кладка. Поставленные на ребро большие каменные плиты образовывали хорошо заметный вал. Это сооружение, заваленное плитами и камнями различной величины, представляло собой ящик четырехугольной формы, шириной 0,4, длиной 1,8 м из поставленных на ребро плоских плит (рис.10).

Около южной стенки сооружения лежал скелет погребенного, головой на восток. Левая рука согнута в локте, а правая вытянута вдоль туловища, ноги немного согнуты в коленях. Скелет, сохранившийся довольно хорошо, принадлежал женщине 30-32 лет. Около черепа находились кусочки кожи, часть небольшой выпуклой четырехугольной золотой бляшки с неясным изображением животного и золотая круглая бляшка на кожаной основе. Справа, на плече погребенной, лежало большое круглое бронзовое зеркало с петелькой в центре (рис.5,2). Рядом с ним около черепа — костяная застёжка с отверстием в центре, около правой руки погребенного — бронзовый нос с продольной прорезью у основания. Около правой бедренной и тазовой костей на боку лежала округлая небольшая плоская каменная зернотерка.

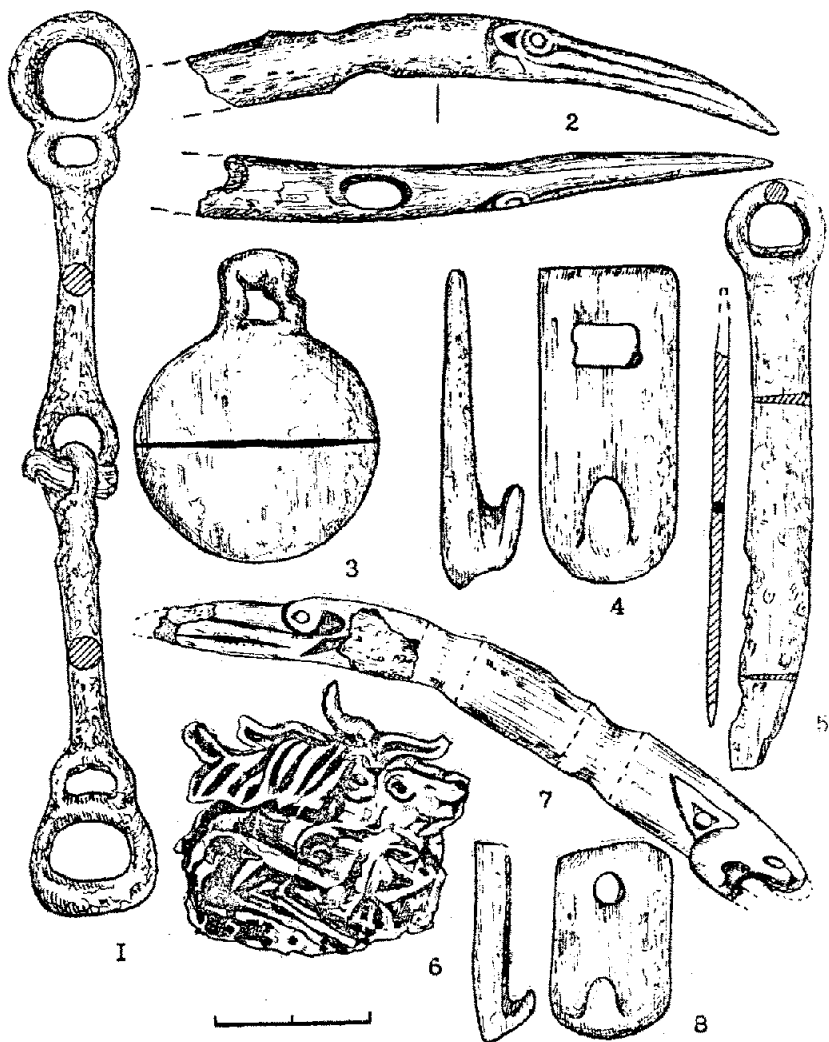

Рис.8.Находки погребения 19 (долина Алагаил):
 1,3,5,6 - бронзовые;2,4,7,8-костяные

К у р г а н 27, расположенный на правом берегу Чуи, между Алагайльской и Бератальской долинами, представлял собой каменную круглую насыпь высотой 0,4, диаметром 4 м.

В центре насыпи, на поверхности, были видны пять больших плоских камней, образующих могилу подквадратной формы, размером 1,5 x 1,5 м. Могильная яма засыпана сероземом, перемешанным с камнями. На глубине 0,2 м были обнаружены остатки человеческого скелета очень плохой сохранности, от которого осталась только масса разрозненных полуобгоревших костей, железный двухлопастный наконечник стрелы, 16 железных поясных украшений, осколок керамического сосуда. Дно могилы было усыяно мелкими кусочками древесного угля.

К у р г а н 42 — один из крайних с западной стороны могильника. Насыпь его, совсем небольшая, диаметром 6, высотой 0,3 м, круглая в плане, состояла из каменных плит (рис. II).

В результате расчистки каменной насыпи в центре кургана была обнаружена оградка из поставленных на ребро больших каменных плит, которые образовывали овальную кладку, длиной 2,4, шириной 1,6 м. Оградка была сооружена на поверхности погребенной почвы, сразу под насыпью. Сверху ее покрывала довольно большая каменная плита. Овал оградки вытянут с северо-запада на юго-восток. Внутренняя часть склепа была разделена каменной перегородкой на две части — северо-западную и юго-восточную. Внутри северо-западной части находился скелет подростка. Погребенный был положен скорченно на левом боку. Другая половина погребальной камеры была пуста (рис. II).

К у р г а н 50 расположен в северной части долины Алагаи у подножья высокой скалы. Насыпь кургана состоит из каменного холма, диаметром 4, высотой 0,3 м, поросшего дерном, круглого в плане. На вершине кургана находится каменная выкладка, смещенная от центра кургана к западу. В насыпи, состоящей из земли и камней, находилась ограда, сооруженная из пяти каменных плит, поставленных на ребро. Плиты выступали на 15–20 см над поверхностью насыпи. Внутри ограды на глубине 0,3 м обнаружены остатки скелета погребенного. По остаткам костей видно, что погребенный был положен в скорченном положении на левом боку, головой на восток. От скелета сохранились лопатка, предплечье, несколько ребер и позвонков, кости таза, бедренные и берцовые кости ног.

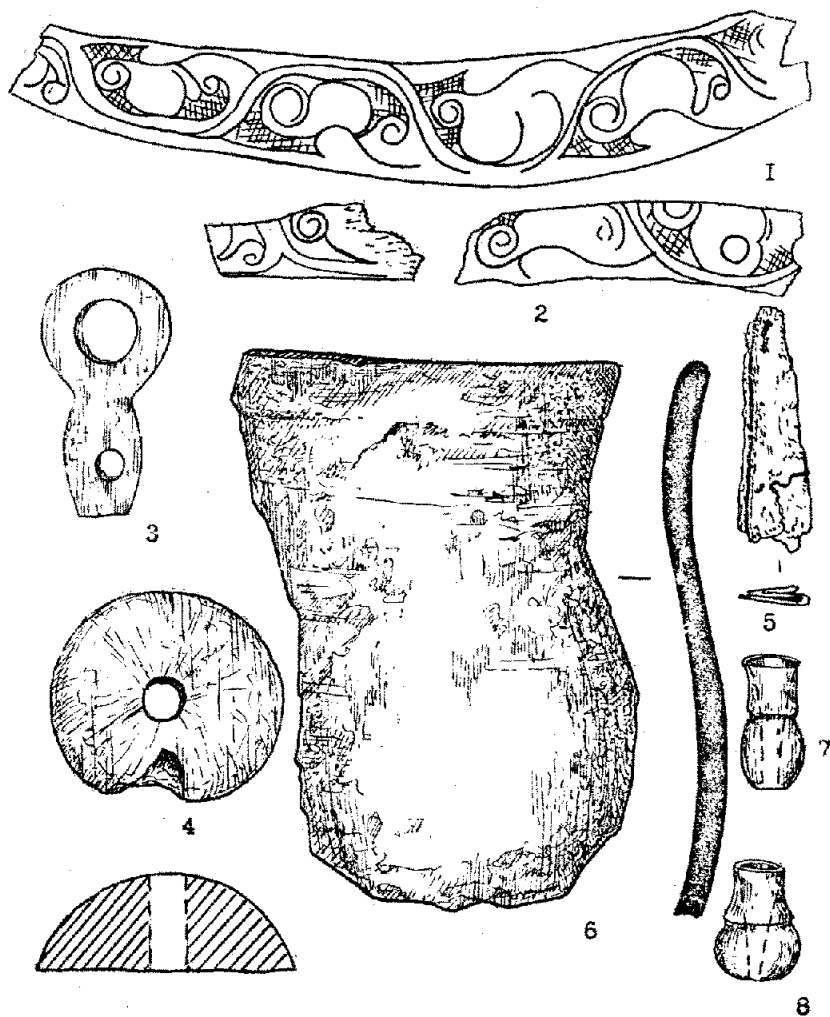

Рис.9. Находки погребения 22 (долина Алагами):
 1-4,7,8 - костяные; 5 - бронза; 6 - керамика

Никакого инвентаря с погребенным не обнаружено.

К у р г а н 51 расположен в северо-западной части долины Алагаил на пологом склоне горы. Курганная насыпь, круглая в плане, диаметром 1,2, высотой 0,5 м, состоит из земли и камней, присыпанных песком и покрытых дерном. Камни сосредоточены плотнее в южной части насыпи. На расстоянии 1-1,2 м от края кургана в насыпи камни отсутствуют.

В центре находится каменная круглая в плане выкладка, диаметром 1,4 м. Высота стен выкладки 0,5-0,6 м, плиты стоят на уровне основания кургана, в верхняя их часть выступает над поверхностью кургана на высоту 0,1 м. Выкладка заполнена в верхней части слоем почвы с дерном толщиной 0,2 м, ниже - слой песка толщиной 0,3 м. На уровне основания кургана обнаружены кости трех погребенных, очевидно, потревоженные грабителями (рис. 12).

Погребение "А". Скелет находился в южной части могильной ямы. Погребенный был положен на левый бок, скорченно, головой на запад. Сохранились череп, шейные позвонки, лопатка, кости правой руки, несколько ребер и кости таза.

Погребение "Б". От погребенного сохранились полуистлевшие кости скелета. Найдено несколько грудных и поясных позвонков, четыре ребра, большие и малые берцовые кости ног, а также кости ступней. Они свидетельствуют, что погребенный был положен вытянуто, головой на юго-восток.

Погребение "В" находилось в восточной части могилы. Погребенный был положен вытянуто, головой на север, на спине.

Найдены кости правой руки, грудные и поясные позвонки, несколько остатков ребер, тазовые кости и длинные кости ног. Никакого инвентаря с погребенным не обнаружено.

К у р г а н 52 находится в северной части долины Алагаил между Чуйским трактом и скалой. Насыпь круглая в плане, диаметром 8, высотой 0,5 м. Курганная насыпь состоит из камней средней величины. В насыпи кургана обнаружена ограда прямоугольной формы, сложенная из больших каменных плит, расположенная посреди кургана, с небольшим отклонением от центра в юго-западную сторону, вытянута по направлению северо-запад - юго-восток.

На глубине 0,5 м было обнаружено погребение. Скелет погребенного находился в скорченном положении, на левом боку, с подогнутыми ногами и согнутыми в локтях руками, так, что кисти

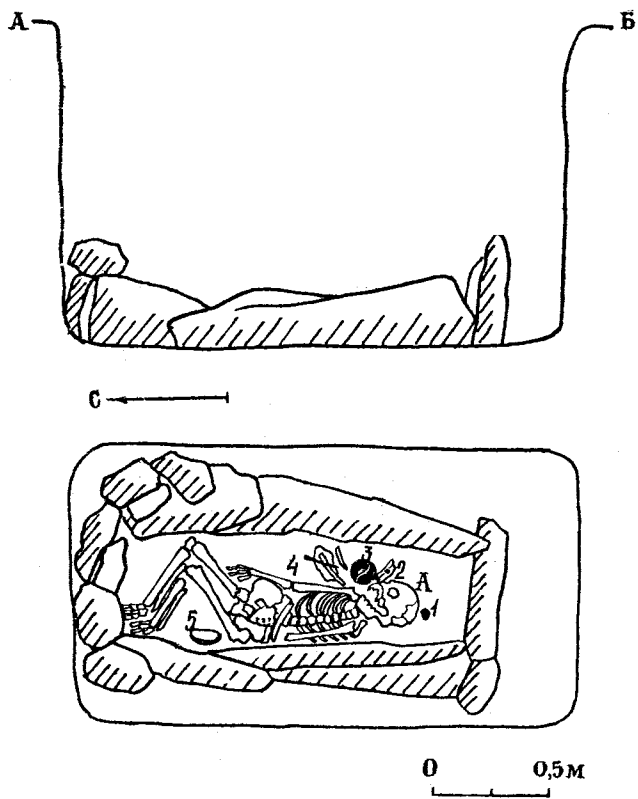

Рис. 10. План и разрез погребения 23

рук располагались у лица. Головой погребенный был направлен в западный угол могилы. Скелет, сохранившийся хорошо, принадлежал мужчине в возрасте 19-20 лет. Очевидно, погребенный при жизни лишился ноги, так как кости левой ноги ниже колена в могиле не обнаружены, хотя кости скелета не нарушены. На правой большой берцовой кости заметен след сросшегося перелома кости. Никакого инвентаря со скелетом не найдено.

К у р г а н 53 расположен в 30 м к западу от кургана 50. Курган представляет собой небольшой плоский холм, круглый в плане. Диаметр кургана 4, высота 0,3 м. На вершине кургана с небольшим отклонением к северо-западу находилась каменная ограда (склеп). Каменный ящик состоял из четырех больших, поставленных на ребро плит. Склеп вытянут в направлении северо-восток - юго-запад. Размеры - 0,8 x 1 x 6 x 1,5 м. Погребальная камера (глубина - 0,5 м) была заполнена песком с мелкими камнями и задернована. На дне камеры обнаружено детское погребение. Сохранились фрагменты скелета, вещей не обнаружено.

Б а р а т а л ь с к а я д о л и н а

Курган 13, расположенный в центре могильника, представляет собой невысокий овальный холм, высотой 0,2 м, вытянутый по направлению северо-восток - юго-запад. Диаметры - 6,5 и 4,5 м. По краю насыпи кургана имеется ограда из каменных плит, вершины которых выступают над поверхностью земли на высоту 10-20 см. Внутри ограда разделена каменными плитами на три части. Каждая часть представляет собой погребальную камеру. С юго-восточной стороны имеется по два балбала.

Могила 1 - крайняя с северо-востока. Стороны каменной ограды равны: северо-восточная - 2,7, юго-восточная - 2 м, противоположные - 2,8 и 1,6 м. Ограда была заполнена скельником и задернована. На глубине 0,3 м на дне камеры обнаружен обломок железной пластинки, напоминающей среднюю часть ножа. Других остатков погребения в могиле не оказалось.

Могила 2 расположена с юго-западной стороны от ограды 1, их разделяет плита. Ограда прямоугольная, вытянута по линии северо-запад - юго-восток. Длина сторон: северо-восточная - 2,5, юго-восточная - 1 м, юго-западная - 2,5 м, северо-западная - 1,2 м. Ограда сооружена из каменных плит, поставленных на ребро. Пространство внутри задерновано. На глубине 0,3 м, на дне могилы обнаружены кусочки дерева, мелкие древесные

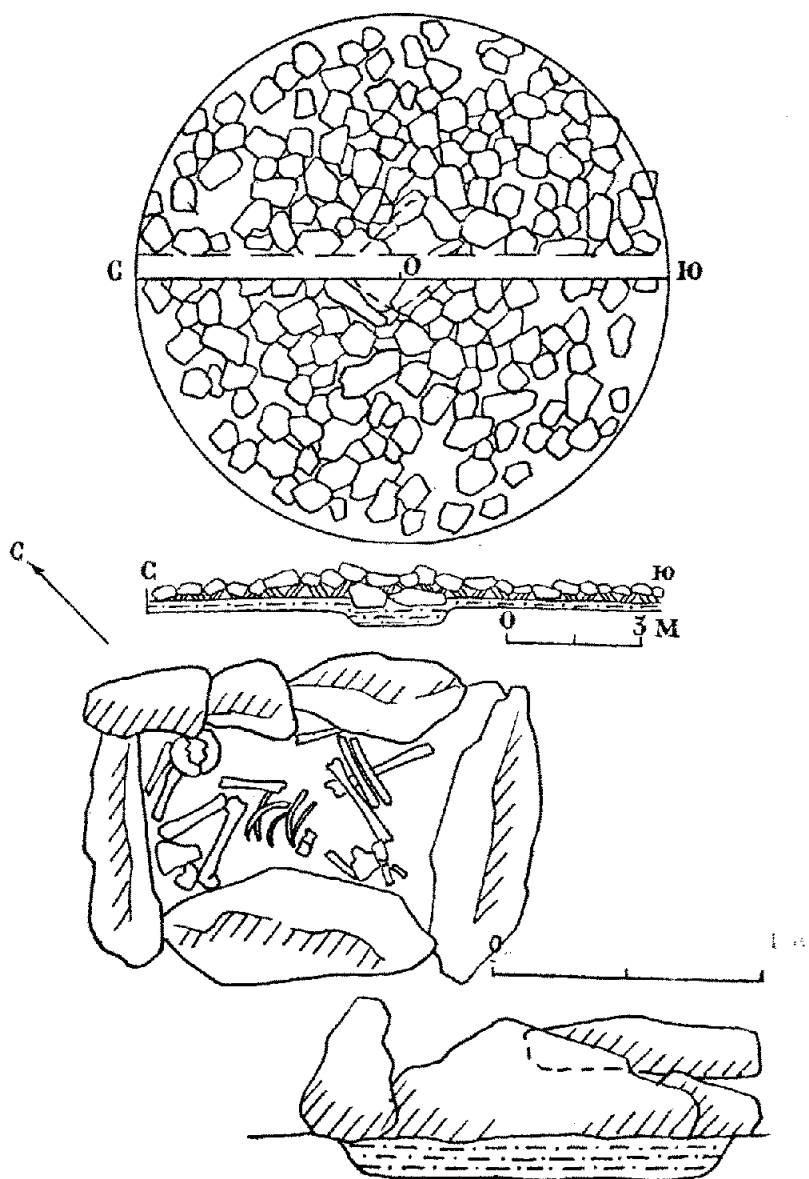

Рис. II. План и разрез кургана и погребения 42
(долина Алагамл)

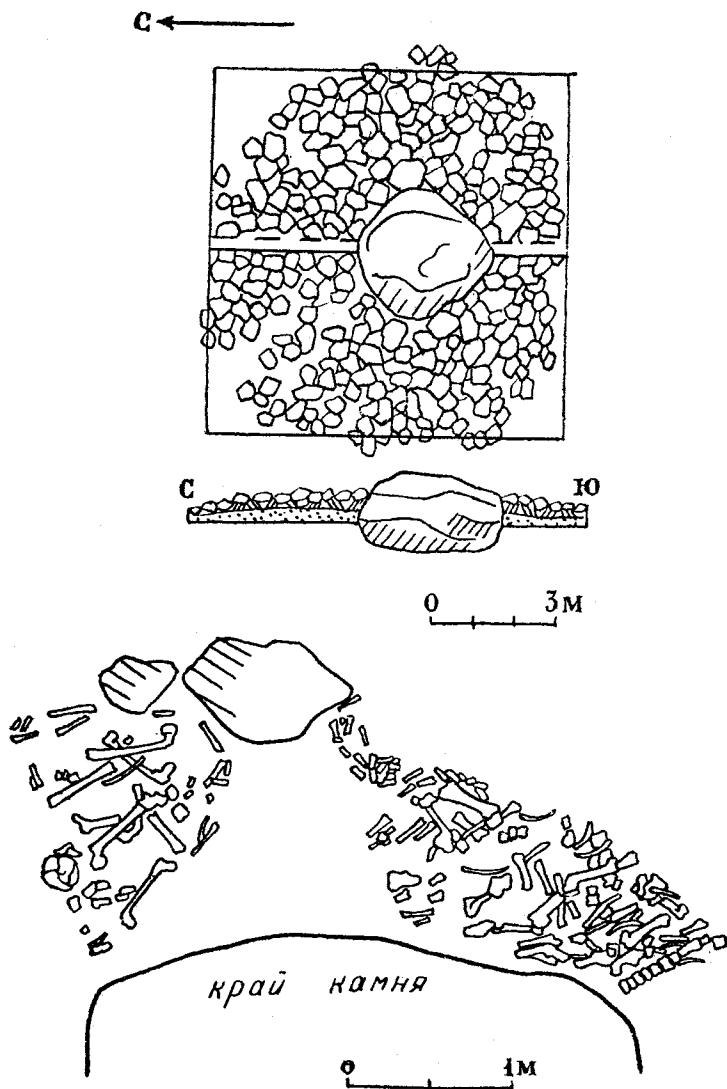

Рис. 12. План и разрез погребения 51 (долина Алагама)

угли. Никакого инвентаря и остатков погребенного в могиле не обнаружено.

Могилы 3 расположена в юго-западной части кургана. Оградка сложена из каменных плит, поставленных на ребро. Длина сторон оградки: северо-восточная - 3, юго-восточная - 1,6, юго-западная - 3, северо-западная - 1,8 м. На глубине 0,3 м. на зачищенном дне склепа обнаружены железные удила у северо-восточной стены. Никаких остатков погребенного и инвентаря в могиле не было.

К у р г а н 44 расположен на берегу Чуи, на площадке, отделенной от основной части долины невысокой сопкой, поросшей лесом. Внешне курган выглядит как овальный небольшой земляной холм, вытянутый с северо-запада на юго-восток. Высота кургана 0,25 м, диаметр около 5 м. Насыпь состоит из песчаной земли, в которой встречаются небольшие камни.

Под курганной насыпью на глубине 0,35 м заметно могильное пятно четырехугольной формы размером примерно 4 x 3 м. Глубина могильной ямы 0,4 м. Она была заполнена буроватым песком. На глубине 0,4 м, на дне могильной ямы, были обнаружены разрозненные кости человека. От скелета сохранились остатки бедренных и берцовых костей, черепной коробки, нижняя челюсть, несколько поясничных и грудных позвонков и ребер. С восточной стороны от погребения находились разрозненные кости ребра и позвонки барана.

К у р г а н 49 имеет подпрямоугольную в плане насыпь, вытянутую с северо-востока на юго-запад, со сторонами 2,8 x 2 м, высотой - 0,4 м. От середины северо-восточной стороны кургана по прямой линии на расстоянии 32 м стоят семь небольших камней - балбалов. Насыпь кургана состоит полностью из камней. Под насыпью находилась прямоугольная могильная яма глубиной 0,2 м, заполненная супесью буроватого цвета. На дне могильной ямы после зачистки были обнаружены остатки костей барана. В юго-западной части ямы были древесные угли и остатки гнилого куска дерева длиной около 0,7 м. Остатков скелета погребенного и инвентаря в могиле обнаружено не было.

Д о л и н а Т е р б е д о к

Три кургана исследовано в долине Тербедок, в 8 км от долины Алагаил вниз по Чуе. Долина, небольшая по размерам, вытянута вдоль течения реки. Западная ее сторона ограничивается рекой, восточная - горами.

Курган I расположен в северо-восточной части могильника. Он представляет собой каменную насыпь, покрытую дерном, размером 6 x 3 м, высотой 0,3 м.

При снятии насыпи в северо-восточной части кургана на материке было обнаружено могильное пятно длиной 1,8, шириной 0,9 м. На глубине 1,6 м в могильной яме находился ящик, сложенный из каменных плит, длиной 1,45, шириной 0,45 м, северо-западная сторона его суживается до 0,3 м. Перекрытие ящика состояло из четырех поперечных плит, плотно пригнанных друг к другу и нависающих над краем ящика. Поверх поперечных плит была положена большая продольная плита. На одном уровне со склепом у северо-восточной стенки могильной ямы обнаружен скелет лошади, положенной на боку головой на юго-восток с подогнутыми ногами, с бронзовыми удилами в зубах и кожаными ремешками на концах (рис.2).

Под крышкой склепа, заполненного крупноструктурной землей, лежали обломки небольшого сосуда с плоским дном. Рядом с ними — пять позвонков барана, обломок бронзового ножа. У восточной стенки склепа вместе лежали чекан с хорошо сохранившимся кусочком древка, нож в деревянных ножках с ремешком для крепления. Все это было завернуто в кожу. В северном углу склепа были обнаружены четыре четырехгранные костяные наконечники стрелы (рис.7,4-8).

К у р г а н 2 находился в центре долины Тербедек, у подножия восточной скалы. Насыпь прямоугольной формы с закругленными углами, размером 4 x 3 м и высотой 0,4 м, состояла из камней и земли. Камни плотно уложены, задернованы. Под насыпью обнаружено вытянутое могильное пятно прямоугольной формы, размером 1,9 x 1 м. На глубине 0,8 м находился каменный склеп, размером 1,8 x 0,4 м, высотой 0,6 м, сооруженный из поставленных на ребро плит. Дно склепа выстлано каменными плитами, боковые стены образуют четыре плиты, две по 18 м, две по 0,4 м. Сверху склеп был покрыт пятью каменными плитами, плотно пригнанными друг к другу. На его дне обнаружены остатки погребения человека. От скелета сохранился череп с двумя шейными позвонками и обломками нижней челюсти. На уровне пояса погребенного находился бронзовый крючок, рядом с ним — бронзовые пуговица и чекан. У юго-западной стенки склепа в кожаном чехле лежал обломок бронзового ножа, а в центре могилы, на ка-

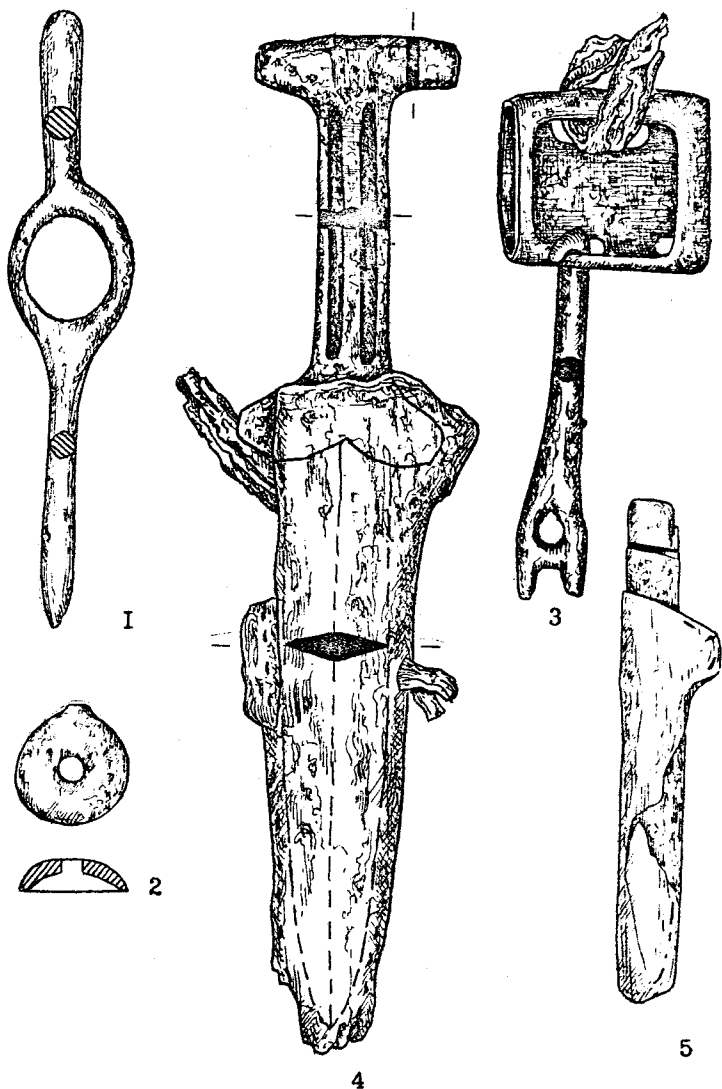

Рис. 13. Бронзовые изделия погребения 2 долины Тербедок

менной плите, в кожаном чехле лежал бронзовый кинжал (рис. 13, I-5). По всему дну склепа попадались крупные истлевшие куски кожи, своим расположением напоминающие силуэт человека. Могила не была ограблена. Очевидно, в ней была захоронена кукла с черепом человека.

Курганы, раскопанные нами в горно-алтайских долинах, несмотря на то, что многие из них были ограблены, дали значительный материал, представляющий определенный научный интерес. Устройство погребения, вещественный материал и другие детали обряда захоронения позволяют высказать предварительные мнения относительно их хронологии и археологической характеристики. Можно предположить, что к наиболее древним погребениям следует отнести курганы с каменными склепами на древнем горизонте и подкурганые захоронения на горизонте, отнесенные нами к IY группе. Отсутствие инвентаря затрудняет их датировку. Однако то обстоятельство, что эти курганы сильнее задернованы по сравнению с курганами скифского времени, западная ориентировка погребенных, характерная для периода ранней бронзы юга Сибири, а также антропологический тип черепов, предварительно определенный как европеоидный, что характерно для раннебронзовых погребений Тувы, позволяют отнести курганы IY группы к бронзовому веку.

Следующую хронологическую группу представляют курганы I и II типов. Это крупные курганы с глубокими могильными ямами. В них найдены бронзовые вещи, типичные для скифского времени Южной Сибири: бронзовые зеркала, бронзовый нож, детали конской сбруи, кинжалы, чеканы, костяные наконечники стрел, известные в курганах майемирского, пазырыкского и шибинского этапов.

К следующему историческому периоду, к эпохе ранних тюрок Алтая относятся курганы У типа, в которых найдены железные предметы и орнаментированные костяные пластинки.

Ю.Т.Мамадаков

(Алтайский государственный университет, Барнаул)

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В ГОРНОМ АЛТАЕ

Несмотря на длительное археологическое изучение Горного Алтая, памятники конца I тыс. до н.э. — первых веков н.э. до сих пор почти не обследованы. Это объясняется, видимо, тем, что внимание исследователей в первую очередь привлекали хорошо сохранившиеся курганы с каменной насыпью. Курганы малых размеров, еле заметные на современной дневной поверхности, долгое время не изучали. Между тем для решения вопросов датировки, культурной принадлежности археологических памятников, этнической истории древнего населения Горного Алтая важное значение имеют материалы, полученные из памятников указанного периода, поэтому определенный интерес представляют материалы курганного могильника Булан-Кобы IV.

Курганный комплекс Булан-Кобы IV, расположенная на террасовом плато левого берега Катуня, в 5,5 км к югу от с.Иня Онгудайского района Горно-Алтайской автономной области (рис.1), открыта автором /Г,с.212/. Памятник состоит из 67 курганов, 8 из которых раскопаны.

К у р г а н 33 (нумерация раскопанных курганов дана по генеральному плану могильника) представлял собой нечеткую насыпь высотой 0,1 м. Под насыпью находилась подпрямоугольная могильная яма размерами 2,9 x 2,1 м, глубиной 1,35 м, по периметру которой уложены плотно подогнанные друг к другу плоские камни в 2 слоя в виде невысокой стенки. Яма ориентирована по оси запад-восток, на дне ее сооружен каменный ящик из 13 вертикально поставленных плит. Размеры ящика — 2,8 x 1,1 м, высота — 0,38 м. Ящик перекрыт поперек каменными плитами, на которых лежал скелет лошади на правом боку, ориентирован черепом на восток. Лошадь была взнузданной. В ее зубах находились железные одноколычатые удила, возле левого уха найдено костяное кольцо, обнаружены роговой предмет удлинённой формы, 3 костяные пронизки, в форме косо срезанной с широкого конца трубочки, и роговое кольцо для крепления ремней (рис.4,4-9; 5,7).

Внутри каменного ящика находилась колода. Погребенный уложен на спине, в вытянутом положении, головой на восток.

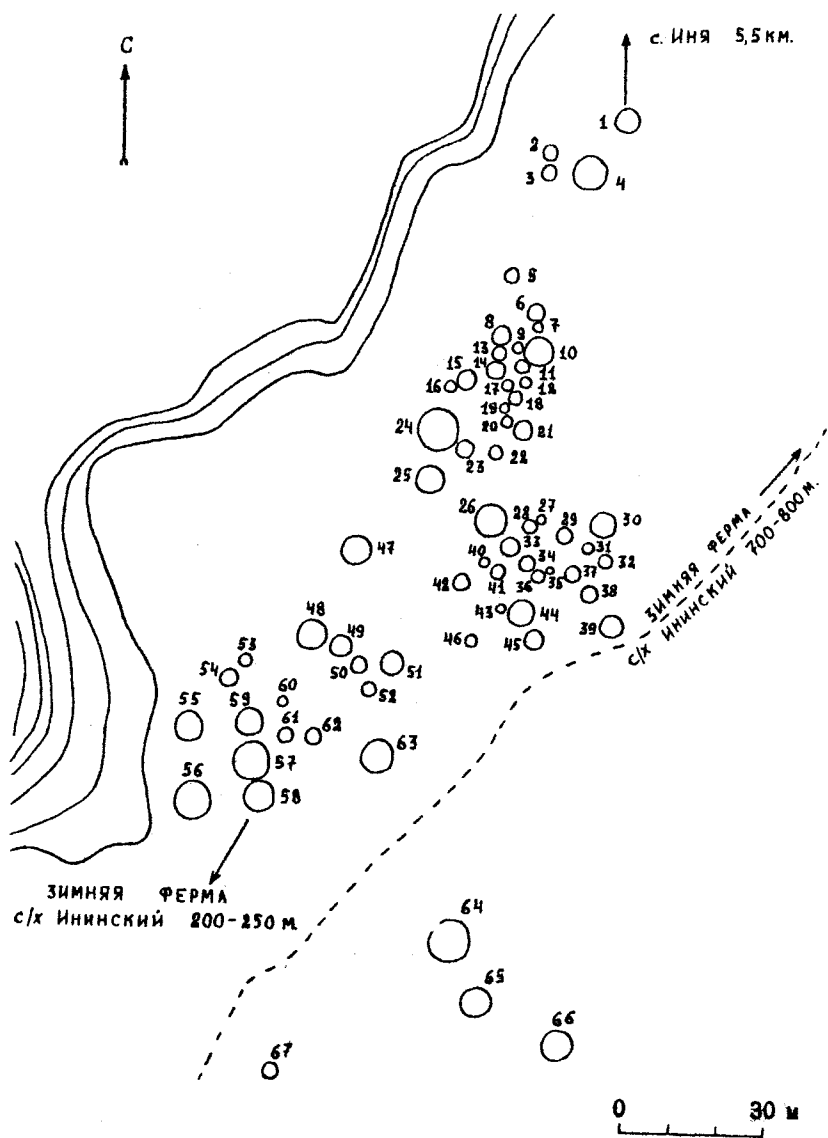

Рис. I. План могильника Булан-Кобы IV

У правого бедра умершего лежали 3 железных трехлопастных наконечника стрел, один из которых - ярусный, с круглыми отверстиями в лопастях (рис.5,4). В районе пояса найдена железная пряжка и сильно коррозированные кусочки железа, по плохому сохранившимся очертаниям форм напоминающие детали ремня. Видимо, слева на ремне висел железный черешковый нож с отогнутой назад рукояткой (рис.4,10). Другой железный нож со слегка уплощенным кольцевидным навершием находился между ног погребенного (рис.5,1).

К у р г в н 12 овальной формы представлял собой наклонно вкопанные камни и плиты, положенные плашмя (рис.2,1). Размеры кургана - 2,1 x 1,75 м, высота - 0,15 м. Он вытянут по линии восток-запад. Середина его заполнена более мелкими камнями.

Под насыпью выявлена прямоугольная яма размерами 2,0x0,8м, глубиной 0,9, ориентированная по оси восток-запад. На дне ямы сооружен каменный ящик из 11 вертикально вкопанных камней. Он перекрыт поперек каменными плитами (рис.2,2-8). В ящике, размерами 1,93 x 0,62 м, высотой 0,3 м, обнаружен костяк человека, лежащий на спине, в вытянутом положении, черепом на восток (рис.2,3).

Инвентарь, сопровождающий погребенного, не очень богат. Круглая бронзовая бляха с полушарной выпуклостью в центре находилась рядом с черепом на уровне правого уха (рис.4,2). Две бронзовые пластинки лопастевидной формы с длинными загнутыми стержнями лежали с левой и правой сторон черепа, рядом с нижней челюстью (рис.4,3). Здесь же найдена железная пряжка (рис.4,1).

К у р г в н 34, 35, 38, 47. На современной поверхности они представляли собой сильно задернованные нечеткие кольцевидные оградки, диаметром от 2,6 до 3,5 м, высотой от 0,15 до 0,17 м. Их внутренняя площадь заполнена более мелкими равными камнями.

Под насыпью обнаружены прямоугольные могильные ямы. Они заключены в кольца из горизонтально уложенных друг на друга в 2 слоя плоских камней в виде невысокой стенки.

В к у р г а н е 34 могильная яма ориентирована по оси северо-восток - юго-запад (рис.3,3). Ее размеры - 2,72 x 0,90 м, глубина 1,25 м. В яме расчищен костяк лошади, уложенный на

плитах перекрытия каменного ящика (рис.3,4). Он лежал на спине с подогнутыми вверх конечностями, черепом ориентирован на северо-восток. В зубах животного найдены фрагменты железных однокольчатых удиц.

На дне ямы сооружен каменный ящик из 9 вертикально поставленных и хорошо подогнанных друг к другу плит (рис.3,5). Его размеры - 2,4 x 0,68 м, высота - 0,3 м. В нем не было человеческого костяка, но обнаружены 6 целых накладок лука: одна пара длинных и одна короткая концевые накладки, три средние (рис.3,5). Рядом с короткой накладкой лежали 2 узкие костяные пластинки. Возможно, эти пластинки использовались для дополнительного укрепления плечевой части лука. В северо-восточной части ящика обнаружены миниатюрный железный черешковый нож, кости барана и 7 железных трехлопастных черешковых наконечников стрел с костяными свистунками (рис.3,5). Железный черешковый нож с отогнутой назад рукоятью был в деревянных ножнах с железным полукольцом. Здесь же, рядом с ножом, встречены восьмеркообразные звенья железной цепочки (рис.3,5) и железная пряжка пояса. Это кенотаф, вещи, положенные в ящик, свидетельствуют, по-видимому, о том, что покойника полагалось хоронить головой на северо-восток.

В кургане 35 могильная яма, размерами 2,2 x 0,9 м, глубиной - 1,3 м, ориентирована по оси восток-северо-восток - запад-юго-запад (рис.2,4). На дне ее сооружен каменный ящик из 8 вертикально поставленных и плотно подогнанных друг к другу плит. Его размеры - 1,85 x 0,56 м, высота - 0,4 м. Ящик перекрыт поперек каменными плитами, на которых лежал костяк лошади, на спине с подогнутыми вверх конечностями, головой ориентированный на восток-северо-восток (рис.2,5). В ее зубах находились железные однокольчатые удила плохой сохранности.

В ящике обнаружен человеческий костяк, в вытянутом положении, на спине, черепом ориентирован на восток-северо-восток (рис.3,1). Около правой ключицы погребенного найдены кости барана.

Могильная яма в кургане 38 ориентирована по оси северо-восток - юго-запад. Ее размеры - 2,32 x 0,85 м, глубина - 1,1 м. На дне ямы сооружен ящик из 9 вертикально вкопанных и плотно подогнанных друг к другу плит. Размеры ящика - 2,2 x 0,8 м, высота - 0,43 м. Он перекрыт поперек каменными плитами.

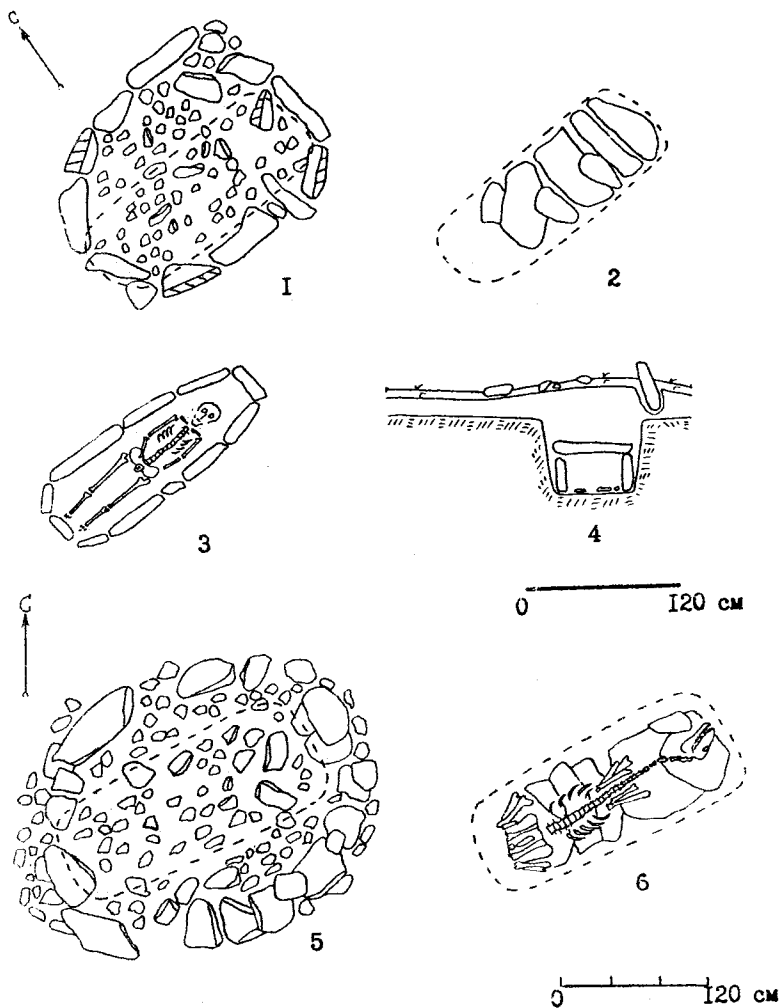

Рис.2.Могильник Булан-Кобы IV: 1,4 - план и разрез насыпи кургана I2; 2,3 - план погребения и перекрытия; 5 - план насыпи кургана 35; 6 - план перекрытия и захоронения коня

Погребенный лежал вытянуто на спине, головой ориентирован на северо-восток. У черепа умершего найдено деревянное блюдо на 4 коротких ножках, в котором находился миниатюрный железный черешковый нож. Рядом с левой ключицей погребенного встречены истлевшие остатки деревянной чешки, диаметром 6 см.

В насыпи кургана 47 найдены кости животных. Прямоугольная могильная яма, размерами 2,7 x 1 м, глубиной 0,55 м, ориентирована по оси восток-запад. Вещей не найдено.

К у р г а н 28 на поверхности представлял собой сильно задернованную насыпь, имевшую форму кольца. Местами удалось проследить горизонтально уложенные друг на друга в 2 слоя плоские камни в виде невысокой стенки. В этом кургане ничего не обнаружено.

С северо-востока, вплотную к кургану, полукольцом уложены камни. В этом полукруге (к у р г а н 27) обнаружено погребение. Оно находилось в прямоугольной яме размерами 1,6 x 0,83 м, глубиной 1,15 м, ориентированной по линии северо-восток-восток - юго-запад-запад. На дне ямы обнаружена колода, выдолбленная из цельного дерева, в которой вытянуто на спине лежал детский костяк, черепом на юго-запад-запад. У левой кисти найдены миниатюрный железный черешковый нож. Других вещей в погребении не было.

Характерной особенностью исследованных курганов могильника Булай-Кобы IV является их единообразие. Эта общность сказывается в следующих признаках: 1) устройство кольца из горизонтально уложенных друг на друга в 2 слоя плоских камней в виде невысокой стенки, середины плоских камней верхнего ряда приходились над стыками 2 камней нижнего ряда, верхняя часть стенки была несколько скошена внутрь; 2) прямоугольная могильная яма; 3) расположение ямы в центральной части площади кургана и ориентация в общем направлении восток-запад; 4) сооружение каменных ящичков на дне ямы; 5) погребения все одиночные, умершие лежали вытянуто на спине, головой на восток с отклонением на север.

Кроме указанных общих черт курганы имеют и некоторые отличия:

- в кургане 27 нет кольца, детский костяк с другой ориентацией лежит в колоде. Несмотря на это, все же следует отнести его к данной группе курганов. Основанием для такого

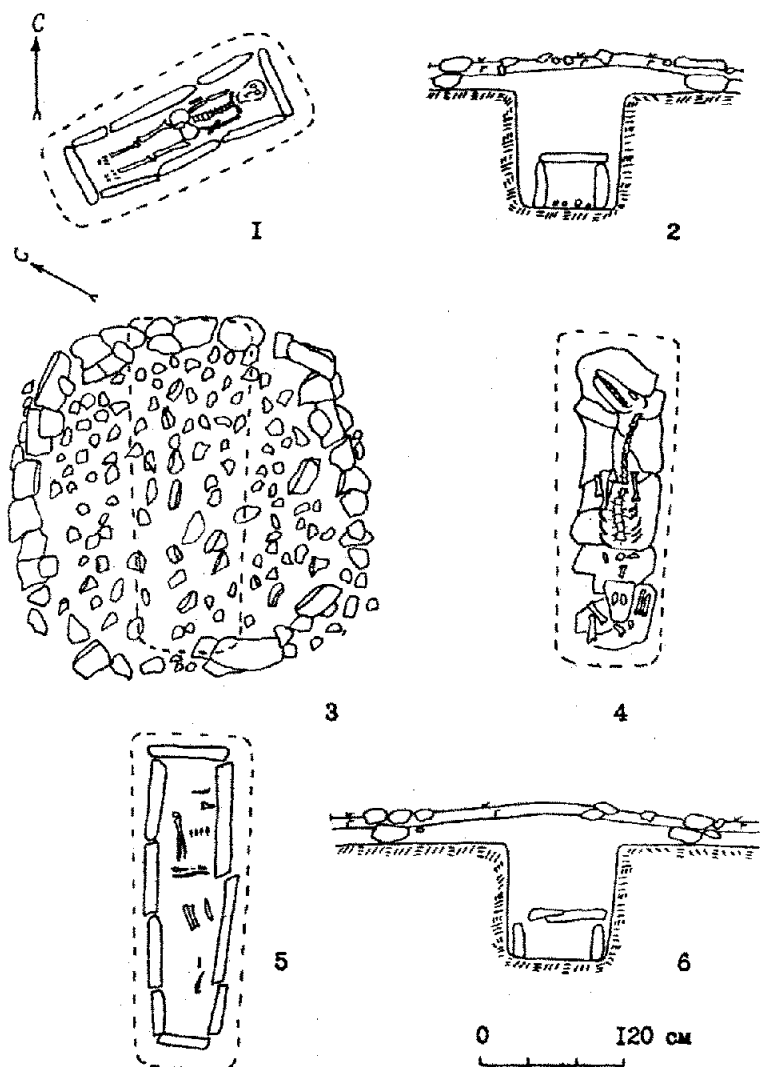

Рис.3.Могильники Булан-Кобы IV: 1,2 - план и разрез погребения из кургана 35;3,6 - план и разрез кургана 34; 4 - план перекрытия и захоронения коня;5 - каменный ящик (кенотаф)

утверждения служат форма могильной ямы и ее глубина, полукруг уложенных камней над могильной ямой и их расположение по отношению к кургану, в котором, видимо, подразумевается основное погребение, т.е. отличная запад-юго-западная ориентировка умершего может быть объяснена, вероятно, его отношением к предполагаемому основному захоронению;

- в курганах 33,34,35 сразу поверх перекрытия ящика были уложены взнузданные лошади, ориентированные головой в том же направлении, что и умершие.

Несмотря на имеющиеся различия в погребальном обряде, создается такое впечатление, что все курганы сооружались одним и тем же населением. С накоплением материала, видимо, удастся выяснить причины такого отличия. Может быть, это объясняется разным возрастом и полом умерших, социальными мотивами и так далее.

Определить точно время сооружения курганов могильника Булан-Кобы IV трудно ввиду отсутствия вещей с узкой хронологией, а найденный инвентарь датируется зачастую довольно широко.

Две бронзовые пластинки лепестковидной формы с длинными загнутыми стерженьками, орнаментированы мелкими вдавлениями с одной стороны (рис.4,3). И, судя по их расположению в непогребованном погребении, пожалуй, эти украшения служили подвеской для волос. Если это верно, то волосы были заплетены в 2 косы. Типологически близкие по форме и орнаментации серьги (только золотые) известны в памятниках Тувы II в. до н.э. - I в. н.э. /2, с.112, табл.Ш-16; 3, с.209, рис.132-1).

Круглая бронзовая бляха с полусферной выпуклостью в центре украшена мелкими вдавлениями, нанесенными в 2 круга. Она имеет 2 мелких отверстия для пришивания, т.е. это не серьга, хотя найдена на уровне правого уха (рис.4,2).

Вооружение представлено железными наконечниками стрел и костяными накладками лука. 2 мелких трехлопастных наконечника стрел с треугольной головкой и лопастями, срезанными под тупым углом к черешку (длина 3,5 см), близки трехлопастным наконечникам "сарматского" типа (за исключением наконечников стрел с "опущенными" жальцами) (рис.5,2). Такие наконечники стрел датируются концом I тыс. до н.э. (III-I вв. до н.э.) - началом новой эры (I в. н.э.) /4, с.10-II; 5, с.37-38, табл.ХIХ-27; 2, с.108/.

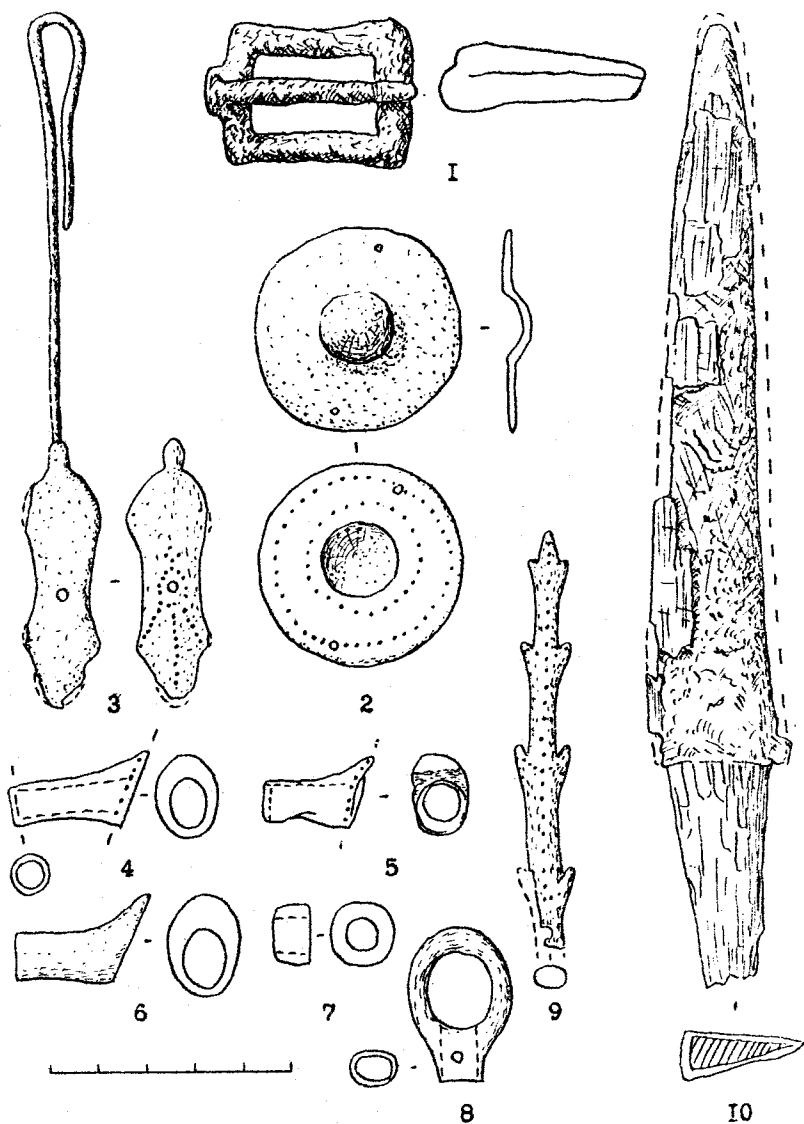

Рис.4.Инвентарь курганов 12 (1-3) и 33 (4-10)
могильника Булан-Кобы ІУ: 1,10 - железо; 2,3 - бронза;
4-9 - кость

Найдены 7 экземпляров железных трехлопастных черешковых наконечников стрел с ромбическим контуром головки (рис.5,5,6).

На все наконечники надеты полые костяные свистунки с тремя отверстиями. Известно, что стрелы со свистунками существуют с гуннского времени. Подобные наконечники обнаружены в могильнике Кокэль гуннского времени /6, табл. I0-I2, I6, 23, 24, 26, 32; 7, рис. I4-2-4; рис. 2I-4, 40-6-9). Наконечники стрел с ромбической головкой, аналогичные к раскопанным в могильнике Булан-Кобы IV, имеются в погребениях Белый Бом II, датированных Г.Д. Глобой II в. до н.э. - III-V вв. н.э. /8, с. I2I, табл. IV-7, 8/. Кроме того, они представлены в курганах могильника Балктынль, которые по комплексу сопровождавшего инвентаря С.С. Сорокиным датируются второй четвертью I тыс. н.э. /9, с. 65, рис. 5-8, I0/. Несмотря на широкие хронологические рамки указанных памятников, надо иметь в виду, что такие наконечники считаются довольно поздними. Их датируют временем не ранее II и по V вв. н.э. /2, с. I09; 4, с. II; 9, с. 65; I0, с. 84, рис. 6/.

Железный трехлопастной ярусный наконечник стрелы из кургана 33 характеризуется наличием четко выраженных плечиков с острогольной асимметрично-ромбической верхней частью боевой головки и широкими лопастями нижнего яруса, с круглыми отверстиями в них (рис.5,4). Несмотря на разницу в терминологии, отметим, что такие наконечники были широко распространены в памятниках конца I тыс. до н.э. - середины I тыс. н.э.

В Забайкалье они известны у хуннов I в. до н.э. - I в. н.э. /II, с. I73-I79, табл. I-I2-I6, II-I7-I9, 2I-25, 27, 28/, а также в памятниках Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. - I в. н.э. и III-V вв. н.э.) /I2, с. IIO, табл. IV-68; I3, с. I66, рис. 2-I/. Ярусные наконечники стрел чаще находили в погребениях могильника Кокэль, датированных С.И. Вайнштейном и В.П. Дьяконовой со II в. до н.э. по V в. н.э. /3, с. I92-209, табл. I-7-9, 25, 26, 30, 3I; 6, с. 254-255, табл. III-I3, I4, 29, 43, 44; 7, рис. 40-I0, 42-4; 49-II; 57-I; I4, с. 234-238, табл. I-22; III-5/. Встречены они в Оренбургской области в Кызыладырском захоронении гуннского времени /I5, рис. 2-7-9/. Подобные наконечники есть в могилах середины I тыс. н.э. на Большом мысе близ Томска, раскопанных М.Н. Комаровой /I6, с. 48, рис. 27-II, I8, 22, 23, 26, 27/. В памятниках Алтая аналогии ярусным наконечникам стрел обнаружены в материалах II-V вв. н.э. с Ближних Елбанов /I7, с. II2,

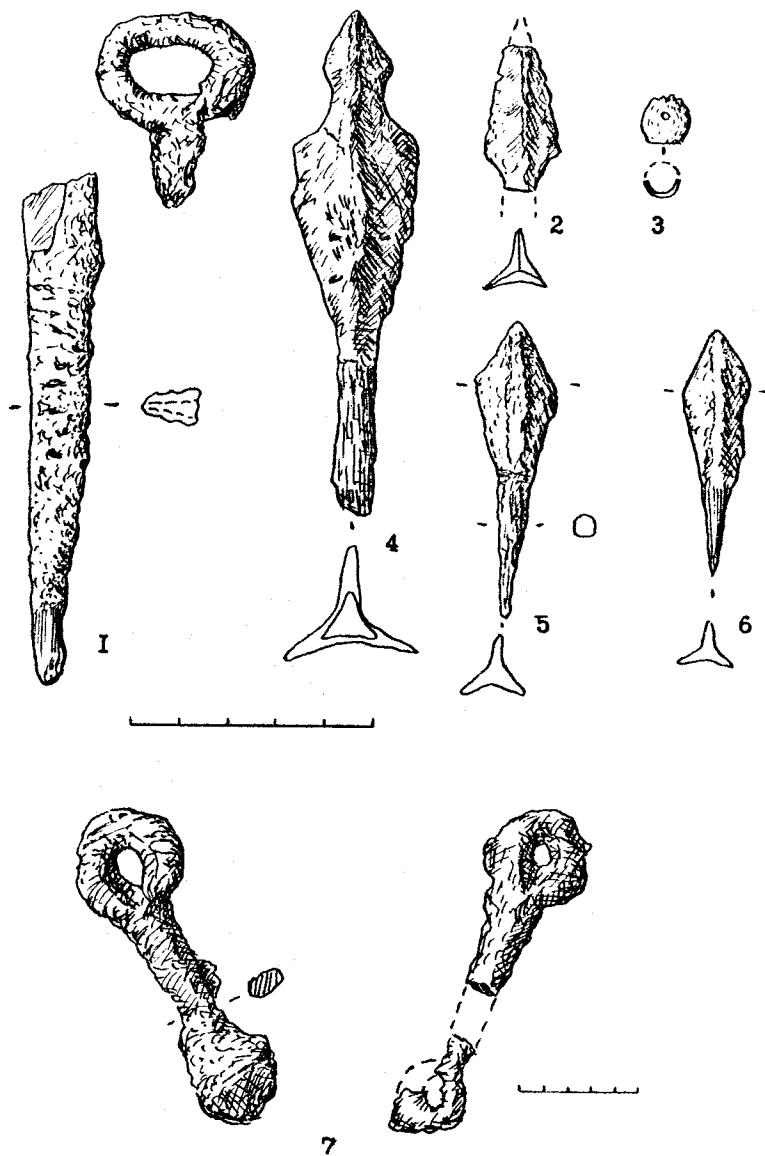

Рис. 5. Инвентарь курганов 33 (1, 2, 4, 7) и 34 (3, 5, 6)
могильника Булан-Койн IV: 1, 2, 4 - 7 - железо; 3 - кость

табл. XXXVII-15/, в могильнике конца IV-начала VI вв. н.э. в Степном Чумыше /18, с. 148, рис. I-3, 4/, во впускном погребении шестого Пазырыкского кургана /19, с. 53, рис. 3-2/, в Балыктыльском погребении, датированном С. С. Сорокиным не ранее II в. н.э. /9, с. 63, рис. 5-4-7, 9/.

Вопрос о датировке ярусных наконечников стрел решается, как видим, по-разному. Рассматриваемый наконечник наиболее близок к балыктыльским II-VI вв. н.э., хотя от последних отличается верхней частью боевой головки, более глубокими и широкими лопастями. Хуннские наконечники I в. до н.э. - I в. н.э. также имеют глубокие и широкие лопасти, но сравнительно короткую верхнюю часть боевой головки. Лопастя ярусных наконечников из могильника Кокэль, как считает П. Б. Коновалов, "несколько мельче и уже", чем хуннские /11, с. 176/, и их развитие "шло в сторону удлинения верхней части боевой головки... и сужения лопастей. При этом плечики - ступеньки - уменьшались и теряли свою выразительность" /15, с. 64-65/. На наш взгляд, на изменение формы верхней части боевой головки сильное влияние оказали трехлопастные наконечники стрел лавролистной формы, широко распространившиеся с начала нашей эры. Видимо, булан-кобинский наконечник можно рассматривать как последующую ступень развития ярусных наконечников. Очевидно, он существовал позднее типично хуннских, но раньше или одновременно с ярусными наконечниками стрел с удлиненной верхней частью боевой головки, близкой к лавролистной форме. Вероятная дата булан-кобинского наконечника стрелы - I-III вв. н.э.

В могильнике Булан-Кобы IV обнаружены костяные накладки на лук, который имел одну пару длинных (34,5 см) и одну короткую (7 см) концевые, 3 срединные накладки (рис. 6, I-3). Концевые накладки представляют собой узкие, слегка изогнутые пластины с полукруглым вырезом для тетивы на расширенном и закругленном концах. Срединная фронтальная накладка (24,5 см) - узкая прямая пластина с расширенными и уплощенными концами. Срединные боковые накладки представляют собой пластины слегка сегментовидной формы (25,5 и 22 см) также с уплощенными концами, которые помещались по бокам деревянной киböити, а узкая - посередине между ними с внутренней стороны. О таком расположении накладок на деревянной основе лука свидетельствует их положение в ящике. Длина лука, судя по сохранившимся накладкам,

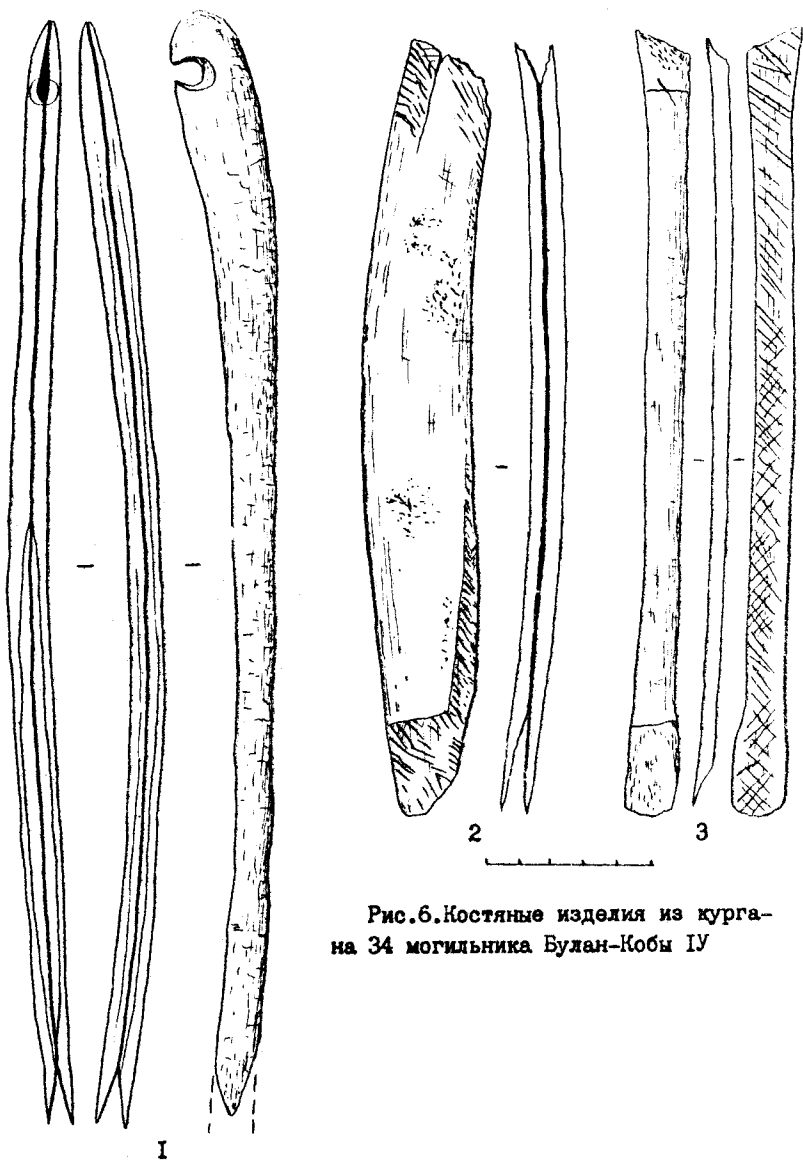

Рис.6.Костяные изделия из кургана 34 могильника Булан-Кобы IV

находившимся в неповрежденном положении, составляла 153 см. Данный лук, очевидно, был асимметричным. Аналогичные накладки луков известны из погребения гунно-сарматского времени в местности Кара-Холь /20, рис. 32/, на могильнике Кокель /14, табл. I-32, 38/, у хуннов Забайкалья /II, табл. III-V/. На территории Горного Алтая такие накладки лука встречены в могильнике Балкыткуль /9, рис. 10-2-8/. Костяные накладки лука из погребений берельского типа, датируемые А.А. Гавриловой IV-V вв. н.э. /19, с. 57, табл. III-3, рис. 5-3, 6/, близки также булан-кобийским и балкыткульским. С накоплением материала, очевидно, можно будет решить вопрос о преемственности луков с длинными концевыми накладками о указанных могильников.

В кургане 33 могильника Булан-Кобы IV найден клиновидного сечения с прямым лезвием железный нож со слегка уплощенным кольцевидным навершием (рис. 5, I). Железные ножи с кольцом распространены на большой территории и датируются II в. до н.э. - IV в. н.э. /II, с. 200; I2, с. 98, I63; 2I, с. 150, рис. 3-17, I9-2I; 22, с. 70-89, рис. 50-I4, 26, 28; 2, с. 110-III, табл. III-27, 28, рис. 72-I; 23, с. 85-9I, табл. 4-3, 4, 7/.

В этом же погребении обнаружен клиновидного сечения железный черешковый нож с отогнутой назад рукоятью (рис. 4, IO), вложенный в деревянные ножи. Другой железный черешковый клиновидного сечения нож с отогнутой назад рукоятью был в деревянных ножнах с железным полукольцом и, видимо, восьмеркообразными звеньями железной цепочки (рис. 7, I-2), на которой, вероятно, подвешивался к поясу. Аналогичные ножи с отогнутыми назад рукоятями имеются в могилах II-IV вв. памятника Ближние Елбаны XII и XIX /I7, табл. XXXII-I, 22, X I-10, X УП-7/, в парном захоронении в урочище Татарские могилки, относимом ко II-IV вв. /I8, с. 148, рис. 5-3-5/, в склепах Таштыка I-II вв. /I2, табл. 4-II9/, во впускном погребении II-IV вв. кургана 6 в урочище Пазырык /I9, с. 53, рис. 3-7, 8/.

Восьмеркообразные звенья (рис. 7, 2), найденные вместе с ножом с отогнутой рукоятью, идентичны звеньям сырского этапа I-II вв. таштыкской культуры /I2, рис. 47-6, 7/. Рядом со звеньями лежала железная пряжка пояса (рис. 7, 3), представляющая собой полуовальное кольцо с неподвижным шпеньком, выступающим вперед, за который крепился ремень. Кольцо приковано к 2 узким железным пластинам, между которыми заклепками крепился

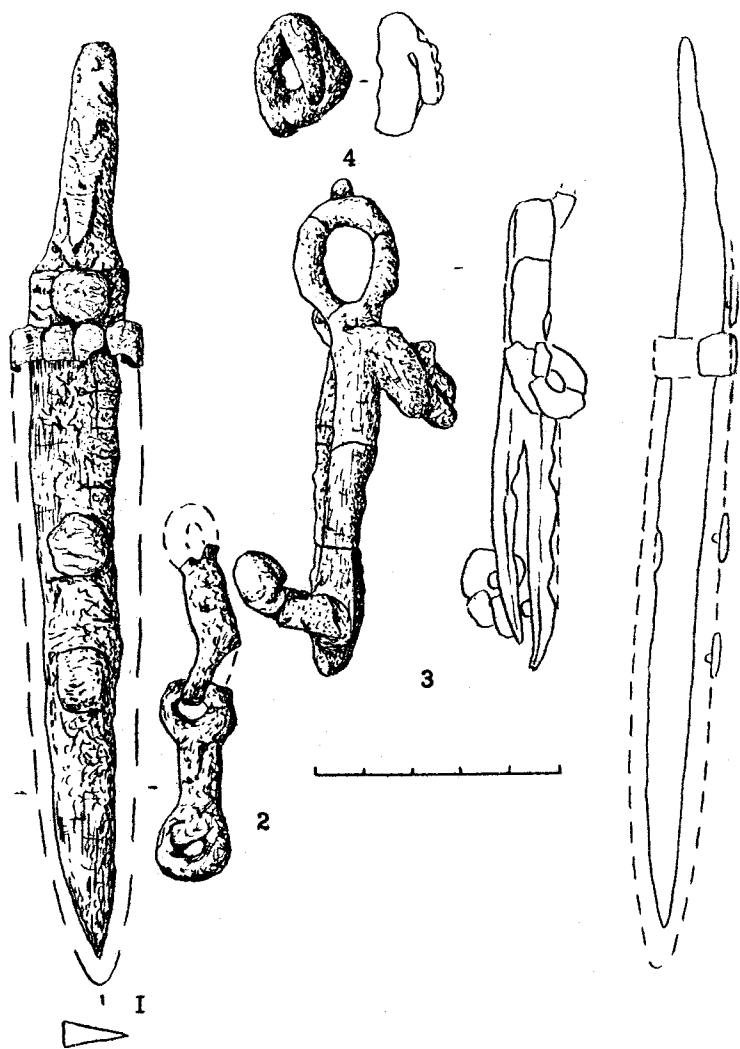

Рис.7. Железные изделия из кургана 34 могильника Булан-Кобы IV

ремень. Приковано также маленькое кольцо, очевидно, для подвешивания предметов. Железные пряжки с неподвижным шпеньком были распространены в памятниках II в. до н.э. — V в. н.э. Тувы /6, с.257, табл. XIII-13-17; 3, с.209, табл. XI-35-38/.

В Горном Алтае деревянная утварь известна с пазырыкской культуры и традиция ее изготовления сохранялась до недавнего времени у алтайцев. Деревянное подвальныйное блюдо на 4 коротких ножках, обнаруженное в могильнике Булан-Кобы IV, сближается по своей форме, размерам с деревянными блюдами I в. до н.э. — первых веков н.э. на могильнике Кокаль /6, с.254-255, табл. X/.

К снаряжению коня относятся костяные пронизки в форме кося срезанной с широкого конца трубочки, имитирующие копыта (рис. 4, 4-6). Они аналогичны костяным пронизкам, найденным в кургане IO могильника Кок-Су I У-III вв. до н.э. /24, рис. 3-4, позиционная таблица/, в могильниках Камень II IУ-II вв. до н.э. /25, рис. 2-II/, Каменный мыс III-II вв. до н.э. /25, табл. X УЦ/, памятниках Тесянского этапа II-I вв. до н.э. /21, с.161, рис. 3-II/, в могилах Соколовских курганов, датируемых А.П. Уманским и Н.Д. Брусином III-II вв. до н.э. /26, с.199, рис. 4-7, 8/.

Роговой предмет удлиненной формы представляет собой стержень с четырьмя парами отростков и круглым отверстием у основания (рис. 4, 9). Повторяя очертания предмета, вдоль стержня нанесены мелкие точки. Судя по форме и месту расположения на черепе лошади, данный предмет, возможно, выполнял функцию султанчика или являлся его составной частью.

К снаряжению коня относится также роговое кольцо слегка овальной формы (рис. 4, 8), которое имеет отверстие для продевания ремня и перпендикулярное ему маленькое отверстие для его закрепления. Найденные однокольчатые удила датируются широко. На территории Горного Алтая они известны с последних веков I тыс. до н.э. вплоть до VIII-IX вв.

Могильник был предварительно датирован нами второй половиной I тыс. до н.э. /1, с.212; 27, с.216/. Приведенные аналогии позволяют уточнить хронологические рамки его существования и определить их в пределах конца I тыс. до н.э. по первые века нашей эры. Наиболее вероятная дата I в. до н.э. — I-II вв. н.э. В связи с этим встает вопрос о культурно-этнической принадлежности исследованных курганов. Имеющегося материала еще недостаточно для широких исторических обобщений, однако ряд замечаний предварительного характера можно сейчас высказать.

Прослеженные особенности погребального обряда и комплекс предметов сопроводительного инвентаря исследованных курганов не позволяют связывать их непосредственно с населением пазырыкской культуры и памятниками кара-кобинского типа. Они являются сразу, что может иметь место в результате миграции пришедшей группы населения, вступившей в контакт с местными племенами. Последним обстоятельством, по-видимому, можно объяснить сходство черт погребального обряда Булан-Кобы IY с памятниками пазырыкской культуры и кара-кобинского типа (сопровождающие погребенных конские захоронения и их ориентация в том же направлении, что умершие, положение покойников головой на восток, наличие каменных ящиков, одиночные захоронения, отсутствие конских захоронений в некоторых курганах). В это время происходят существенные изменения в культурах населения Восточного Казахстана и Саяно-Алтая в связи с хуннской экспансией. Но местное население Горного Алтая, по мнению Д.Г.Савиннова, "осталось жить на своих прежних местах", оно "не могло не подвергнуться влиянию новой, хуннской культуры" /29, с.53/ и, видимо, воздействию культур других этнических групп, втянутых в сферу влияния хунну. Об этом свидетельствует наличие такой конструктивной особенности, как устройство кольца из горизонтально уложенных друг на друга плоских камней в 2 слоя в виде невысокой стенки, распространение сложных луков хуннского типа и предметов из железа (ярсовые наконечники стрел, кольчатые ножи, ножи с отогнутой рукоятью, пряжки с неподвижным шпеньком, наконечники стрел с костяными насадками-свистульками и так далее).

Дальнейшие работы на могильнике Булан-Кобы IY, на наш взгляд, позволят со временем решить многие вопросы этого малоизученного периода в археологии Горного Алтая.

ЛИТЕРАТУРА

1. М а м а д а к о в Ю.Т. Работы Онгудайского отряда. - АО 1981 года. - М., 1983, с.212.
2. К ы з л а с о в Л.Р. Древняя Тува. - М., 1979. - 207 с.
3. Д ь я к о н о в а В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокаль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) - ТТКАЭЭ. - Л., 1970, т.Ш, с.80-209.

4. Сорокин С.С. О датировке и толковании Кенкольского могильника. - КСИМК. - М., 1956, вып. 64, с. 3-14.
5. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. - М., 1971. - 171 с.
6. Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокель конца I тысячелетия до нашей эры - первых веков нашей эры. - ТТКАЭЭ. - М.; Л., 1966, т. II, с. 185-291.
7. Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокель в 1962 году. - ТТКАЭЭ. - Л., 1970, т. III, с. 7-79.
8. Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом II. - В кн.: Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. - Горно-Алтайск, 1983, с. 116-126.
9. Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Назырка. - АСТЭ. - Л., 1977, вып. 18, с. 57-67.
10. Литвинский Б.А. Среднеазиатские железные наконечники стрел. - СА, 1965, № 2, с. 75-91.
11. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. - Улан-Удэ, 1976. - 221 с.
12. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. - М., 1960. - 197 с.
13. Худяков Ю.С. О вооружения таштыкского воина. - В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск, 1978, с. 164-169.
14. Дьяконова В.П. Археологические раскопки на могильнике Кокель в 1966 г. - ТТКАЭЭ. - Л., 1970, т. III, с. 210-238.
15. Засецкая И.П. Погребение у села Кызыл-Адыр Оренбургской области (к вопросу о гунно-хуннских связях). - В кн.: Древние памятники культуры на территории СССР. - Л., 1982, с. 54-77.
16. Комарова М.Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. - МИА, 1952, № 24, с. 7-50.
17. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. - МИА, 1956, № 48. - 227 с.
18. Уманский А.П. Могильники Верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше. - В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. - Новосибирск, 1974, с. 136-149.
19. Газдрлова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. - М., 1965. - 113 с.

20. Г р а ч А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге. (Полевой сезон 1958 г.). - ТТКАЭЭ, 1960, т.1, с.73-150.

21. П ш е н и ц ы н а М.Н. Третий тип памятников тесинского этапа. - В кн.: Первообытная археология Сибири. - Л., 1975, с.150-162.

22. П ш е н и ц ы н а М.Н. Тесинский этап. - В кн.: Комплекс археологических памятников у горы Топсей на Енисее. - Новосибирск, 1979, с.70-89.

23. М а р т ы н о в А.И. Лесостепная тугарская культура. - Новосибирск, 1979. - 208 с.

24. С о р о к и н С.С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-Су (Южный Алтай). - АСТЭ, 1974, вып.16, с.62-91.

25. Т р о и ц к а я Т.М. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. - Новосибирск, 1979. - 124 с.

26. У м а н о к и й А.П., Б р у с и я к Н.Д. Соколовские курганы. - В кн.: Археология и этнография Алтая. - Барнаул, 1982, с.187-202.

27. М а м а д е к о в Ю.Т. Работы в Горном Алтае. - АО 1982 года. - М., 1984, с.216-217.

28. С у р а в а к о в А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань I (к вопросу о выделения кара-кюбинской культуры). - В кн.: Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. - Горно-Алтайск, 1983, с.42-52.

29. С а в и н о в Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая. - КСИА, 1978, вып.154, с.48-55.

С.В.Неверов

(Алтайский государственный университет, Барнаул)

КОСТЯНЫЕ ПРЯЖКИ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (VIII-X вв. н.э.)

Во второй половине I тыс. н.э. широкое распространение в кругу средневековых южносибирских культур получали костяные пряжки с двумя ременными прорезями и подвижным язычком, относимые последователями к разряду подпружных /1, с.24; 2, с.169; 3, с.37; 4, с.98; 5, с.121; 6, с.35/. Однако необходимо указать, что наряду с этим они выполняли роль поясных пряжек. Об этом свидетельствуют факты их расположения с поясными наборами в погребениях сrostкинской культуры (Сростки, Ближние Елбаны, Шадринцево), а также их изображения на поясах каменных изваяний Тувы и Горного Алтая /7, с.85; 8, с.37/. Использовались они и для крепления других (не только подпружных) ремней конского снаряжения /9, с.297/.

Данная категория находок является наиболее многочисленной не только в погребениях сrostкинской культуры, но и во всех средневековых культурах сопредельных территорий. Несмотря на это, в настоящее время нет ни одной работы, которая была бы посвящена вопросу происхождения, развития и видоизменчивости отдельных типов костяных пряжек с подвижным язычком, и также установлению их хронологических рамок. Отдельные попытки, правда, предпринимались и раньше. Так, в 1930 г. М.И.Грязнов отметил, что отличия ранних (VI-VII вв. н.э.) костяных пряжек от поздних (VIII-X вв. н.э.) заключаются в появлении острого носика дужки /1, с.24/. А.А.Гаврилова отнесла пряжки со сплошными прорезями к V-VII вв., а с T-образными — к VIII-X вв. н.э. /2, с.169/. Л.М.Чиндина вообще считает, что выделение хронологических типов костяных пряжек на Алтае, а также в соседних районах — неоправданно /6, с.35/. Она пишет, что оба типа, выделенные А.А.Гавриловой, встречаются как в ранних (берельских), так и в поздних, сrostкинских (IX-X вв.) комплексах /6, с.35/. Нет единого мнения и по вопросу происхождения и датировки данных пряжек. Так, А.Н.Бернштам считал, что "турки являются изобретателями пряжек с подвижным язычком, широко применяемых в одежде и в конской сбруе" /10, с.77; II, с.135/. Д.Р.Кызласов склонен видеть исходные формы подобных пряжек в гунно-сарматском и даже более раннем скифском вре-

мени /II, с. 135/. А.К. Амброс датирует появление костяных пряжек с подвижным язычком не ранее начала УП в. /5, с. 121/. Различны мнения и о верхней границе существования этих пряжек. Одни исследователи датируют ее X в., другие доводят этот рубеж до XIII в. н.э. Для решения этих вопросов необходима классификация и типология костяных пряжек всех южносибирских культур. Одним из звеньев может стать предложенная типология костяных пряжек с подвижным язычком сросткинской культуры.

Одной из задач формально-типологического анализа является выделение объектов исследования и их описание. Так как для костяных пряжек этого пока не сделано, считаем необходимым остановиться на данном вопросе подробнее. На рисунке I даны основные элементы костяных пряжек: рамка (1) — названа так по аналогии с бронзовыми или железными пряжками, функционально служит для закрепления свободного конца ремня на пряжке посредством язычка (2). С одной стороны рамка ограничена дужкой (3), иногда имеющей острый носик (4), с другой — осью, на которой крепится язычок, либо вырезами различной формы, имеющимися на бортиках (5). Приемная прорезь (6) служит для продевания и закрепления свободного конца ремня. Концевая прорезь (7) служит для закрепления неподвижного конца ремня на щитке (8).

Основой для типологии служит шестичленная система деления материала, в которой каждая классификационная единица включает в себя признаки в зависимости от степени их всеобщности для данной категории, тем самым выявляя и степень их изменчивости во времени и пространстве /12, с. 8/. Группа определяется по материалу изделия, разряд — по материалу подвижного язычка, раздел определяется формой прорезей для ремня и крепления язычка, отдел характеризуется наличием или отсутствием вырезов на бортиках, которые четко отделяют рамку от щитка, тип — форма рамки и дужки, подтип — форма и длина щитка. Данная классификационная система является открытой, поэтому с накоплением материалов и новых данных в ней могут быть выделены дополнительные единицы, такие, как подразряд, подраздел, подраздел. В материалах сросткинской культуры зафиксировано 98 экземпляров костяных пряжек с подвижным язычком.

Группа I. Костяные.

Разряд I. С костяным язычком.

Раздел I. Однотавровые. Так называемые Т-образные. Прорезь для язычка отделена от концевой прорези перешейком.

Отдел I. Невыделеннорамчатые. На бортиках пряжек отсутствуют вырезы, нет ярко выраженного перехода рамки в щиток.

Т и п I. Четырехугольные (рис. I, 2) (6 экз.) По форме рамка представляет собой четырехугольник, близкий квадрату с закругленными углами. Дужка прямая либо слегка изогнутая.

П о д т и п а). Простые - щиток представляет собой простой четырехугольник, который по длине равен рамке. П о д т и п б). Скобчатые - четырехугольный щиток имеет на основании вырез в виде квадратной скобки. П о д т и п в). Овальные - торцевые углы щитка сильно закруглены.

Т и п 2. Арочные (рис. I, 3) (10 экз.) Отличаются от четырехугольных тем, что имеют сильно изогнутую дужку.

П о д т и п г). Простые. П о д т и п д). Овальные.

П о д т и п е). Расширенные - основание щитка расширяется в стороны.

Т и п 3. Пятиугольные (рис. I, 4) (8 экз.) В основе формы рамки лежит пятиугольная фигура. Дужка образована двумя сторонами рамки, сходящимися под тупым углом.

П о д т и п ж). Простые. П о д т и п з). Овальные. П о д т и п и). Расширенные.

Т и п 4. Круглые (рис. I, 5) (6 экз.) Рамка имеет форму круга, плавно (без боковых вырезов) переходящего в четырехугольную форму щитка.

П о д т и п к). Простые.

Отдел II. Выделеннорамчатые. На бортиках пряжек имеются вырезы различной формы, которые резко отделяют рамку от щитка.

Т и п 5. Пятиугольные (рис. 2, I) (9 экз.)

П о д т и п л). Простые. П о д т и п м). Овальные. П о д т и п н). Фигурные - бортики щитка имеют овально-выпуклую форму, а основания - небольшие выступы.

Т и п 6. Круглые (рис. 2, 2) (5 экз.) Круглая рамка переходит в параллельные прямые плечики, которые затем переходят в щиток.

П о д т и п о). Простые. П о д т и п п). Трапециевидные - в основе формы щитка лежит трапеция, обращенная длинным основанием в сторону рамки.

Т и п 7. Сердцевидные (рис. 2, 3) (6 экз.) Рамка имеет сердцевидную форму с ярко выраженным острым носиком дужки.

П о д т и п р). Простые. П о д т и п ж). Трапециевидные. П о д т и п т). Прямоугольные - щиток простой прямоугольной формы в два и более раза превышает длину рамки.

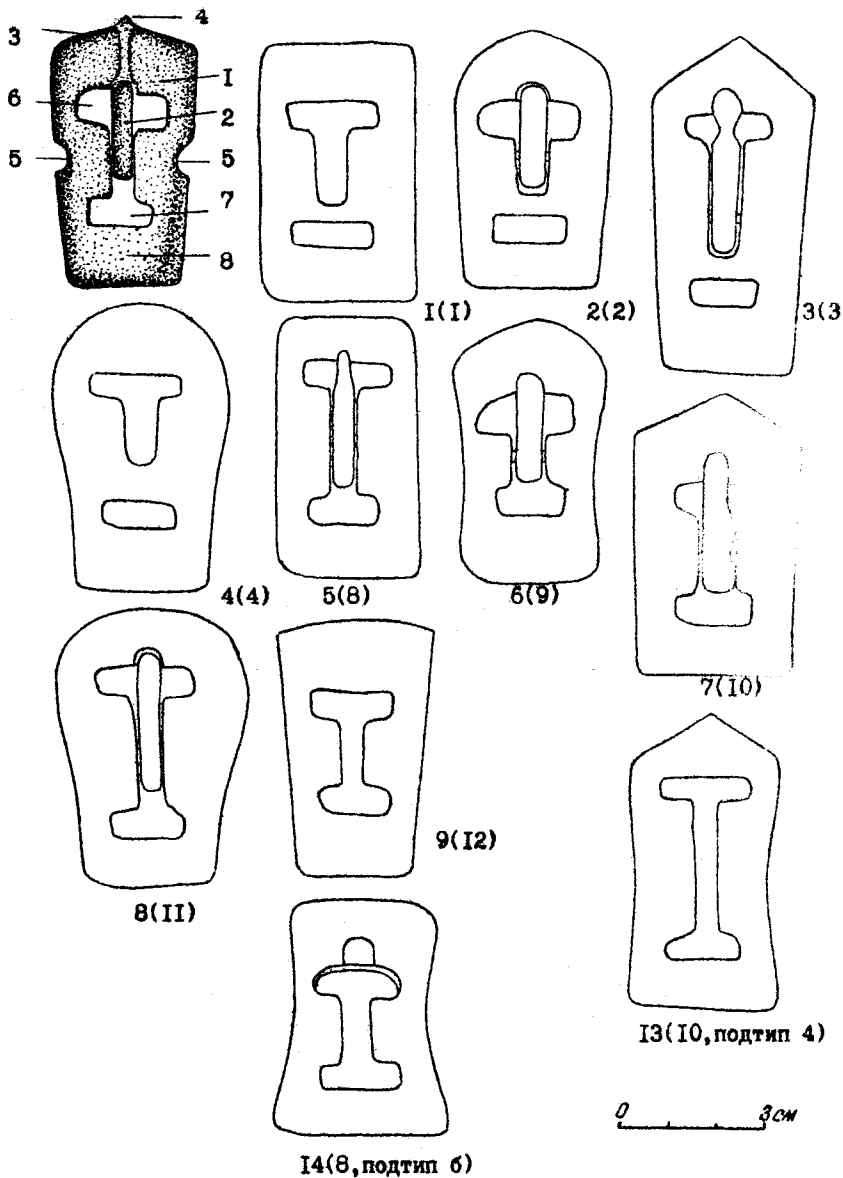

Рис. I. Основные элементы костяных пряжек и типы пряжек сrostкинской культуры (в скобках указан номер типа)

Раздел II. Двухтавровые. Приемная прорезь соединена с концевой сплошной прорезью для щитка.

Отдел I. Невыделеннорамчатые.

Тип 8. Четырехугольные (рис. I, 6) (5 экз.) Подтип а). Простые. Подтип б) Расширенные.

Тип 9. Арочные (рис. I, 7) (4 экз.) Подтип в). Простые. Подтип г). Овальные.

Тип 10. Пятиугольные (рис. I, 8) (5 экз.) Подтип д). Простые. Подтип е). Скобчатые.

Тип 11. Круглые (рис. I, 9) (4 экз.) Подтип ж). Простые.

Тип 12. Клиновидные (рис. I, 11) (4 экз.) В основе формы рамки лежит трапеция. Длина основания дужки относится к длине основания щитка как 2:1; 1,5:1. Дужка овальная. Подтип з). Простые.

Отдел II. Выделеннорамчатые.

Тип 13. Пятиугольные (рис. 2, 4) (8 экз.) Подтип и). Простые. Подтип к). Трапециевидные.

Тип 14. Круглые (рис. 2, 5) (3 экз.) Подтип л). Простые. Подтип м). Трапециевидные.

Тип 15. Сердцевидные (рис. 2, 6, 7) (7 экз.) Подтип н). Простые. Подтип о). Скобчатые. Подтип п). Трапециевидные.

Разряд II. С железным язычком.

Раздел I. Двухтавровые.

Отдел I. Выделеннорамчатые.

Тип 16. Арочные (2 экз.) Подтип а). Простые.

Тип 17. Сердцевидные (5 экз.). Подтип б). Простые. Подтип в). Скобчатые.

Группа II. Роговые. Пряжки изготовлены из поперечного спила рога.

Разряд I. Двухтавровые.

Отдел I. Выделеннорамчатые. Так же, как и у костяных, наблюдаются фигурные, чаще просто полукруглые вырезы с боков, разделяющие пряжку на рамку и щиток.

Тип 18. Круглые (рис. 2, 9) (2 экз.) Представляют собой простой круглый поперечный срез рога без дополнительной подработки контура пряжки.

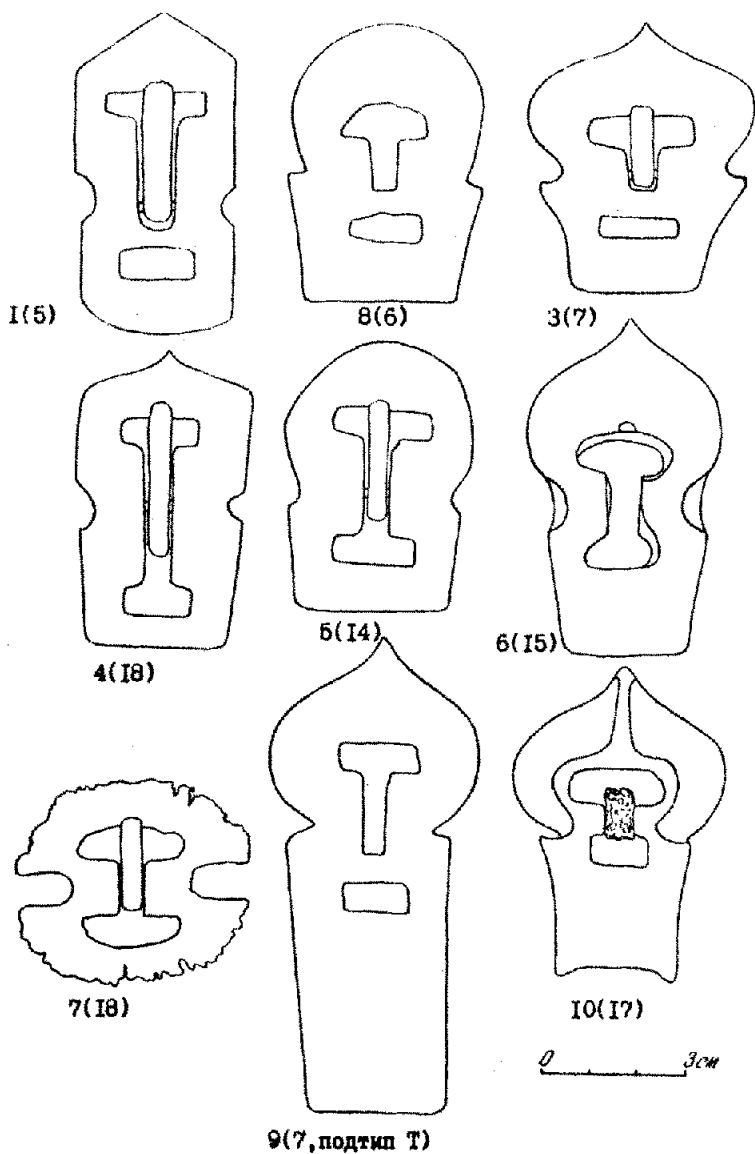

Рис. 2. Типы костяных пряжек срубинской культуры
(в скобках указан номер типа)

Костяные и роговые пряжки с подвижным язычком сrostкинско-кой культуры с учетом шестичленной системы классификации представлены 18 типами.

Аналогии костяным пряжкам с двумя ременными вырезами и подвижным язычком найти не сложно. Подобные типы (однотавровые и двухтавровые в сочетании с различными вариантами ремок и шитков) в VI-XI вв. н.э. были широко распространены по всей полосе степей Евразии: от Забайкалья на востоке до Дуная на западе, от Тянь-Шаня на юге до тавжной полосы на севере /16, табл.54-I; 17, с.89; 18, рис.35,30; 19, с.326, табл.I-2, II-8, III-14; II, рис.148; 20, табл.I-2I, II-86, I05; 21, рис.28,76; 42, рис.5, II, табл.XV-13; XXI-8,9; 22, с.87; 23, табл.I-68,7I,73,75,77,79; 24, табл.I-82,83; 25, табл.IX; 26, рис.4-3I,8-22,4I-25; 27, рис.3-53; 28, рис.I5,19,20,2I; 29, рис.I7;30,3I/. По материалам памятников наиболее ранние костяные пряжки с подвижным язычком большинством исследователей датируются VI-VII вв. н.э. /42, с.57, рис.4,5; 27, рис.3; 32, табл.II/. По времени это совпадает с созданием государства у турков и с выходом их, после 552 г., на широкую историческую арену. Поэтому данные пряжки считают турецким изобретением, а их истоки видят в материальной культуре Первого турецкого каганата /10, с.77; 3, с.37/. Однако это не совсем верно, так как появление костяных пряжек с подвижным язычком и тавровым вырезом для него относится еще к гунно-сарматскому времени. Они известны в погребениях I-III вв. н.э. в Восточном Казахстане /13, с.89/, в позднесарматских погребениях Восточной Европы /14, с.184, табл.XXVIII-I,6/ и Южного Урала /15, с.13-14/. Судя по имеющимся материалам, формирование нового принципа закрепления ремня на подвижном язычке происходило не в турецкой, а в гунно-сарматской среде, получив дальнейшее развитие уже у турков. Эти пряжки, занимая промежуточное звено между пряжками скифского времени и пряжками VI-X вв., указывает, как нам кажется, на корни возникновения и развития позднеримских костяных пряжек.

Костяные пряжки, как отдельная категория, прошли в своем развитии несколько этапов. Наиболее ранними являются пряжки скифского времени с неподвижным шпеньком-инопочкой либо продолговатой формы на дужке рамки или с игловидным носиком на дужке рамки и двумя ременными прорезами. Такие пряжки известны на Алтае с пазырыкского этапа (V-III вв. до н.э.) эпохи ранних кочевников /9, с.205; 33, табл.XXII,14; I; рис.8; 34, рис.I;

35, синхр. табл. П/. Классификация этих и подобных пряжек является вопросом специального исследования, не входящим в задачи данной работы. Однако для выяснения исходных форм пряжек гунно-сарматского времени и более поздних важны некоторые моменты. Костяные пряжки скифского времени, так же, как и поднекочевнические, можно разделить на несколько отделов. (Это касается не только отделов, но и большинства типов, что скорее всего объясняется не столько преемственностью, сколько всеобщностью и универсальностью этих форм. Переход от неподвижного шпенька к подвижному язычку практически не влиял на форму рамок и щитков). I) Невыделеннорамчатые — прямоугольные (четырёхугольные) со шпеньком на дужке рамки, одной концевой прорезью на щитке /33, табл. 55, 6/. II) Четырёхугольные, невыделеннорамчатые с двумя прорезями для концов ремня и игловидным носиком-запором на дужке /33, табл. 41/. III) Выделеннорамчатые — с круглой или овальной рамкой, имеющей такую же приемную прорезь. Дужка рамки имеет кнопочной либо язычковой формы шпенок. На щитке — концевая прорезь для ремня /33, табл. 51, 4/. IV) Выделеннорамчатые с круглой рамкой без приемной прорези, с неподвижным шпеньком на дужке рамки, с концевой прорезью на щитке /33, табл. 41, 77/. Внутри этих отделов можно выделить подотделы, типы и подтипы, которые определяются формой неподвижного шпенька-запора, формой рамки и щитка.

Вышеописанные пряжки, несомненно, копировали собой формы однотипных бронзовых пряжек этого времени /34, рис. I/. Причем, как на бронзовых, так и на костяных пряжках шпенок кнопочной (грибовидной) формы является ранним показателем /34, рис. I; 35, синхр. табл. I, II, III/. Его типологическое развитие шло по пути удлинения в сторону щитка и превращения его, с одной стороны, в шпенок язычковой формы у пряжек I, III отделов и, с другой — в игловидный носик дужки у пряжек типа костяных блоков (отдел II). Судя по имеющимся публикациям, пряжки отделов I, IV наиболее ранние и датируются VI-V, VI-IV вв. до н.э. /33; 34, с. 12; 35, прилож./ Пряжки же II отдела известны в III-II вв. до н.э. в лесостепном Верхнем Приобье /36, рис. 4/, в V-III вв. до н.э. в Туве /II, табл. П-35/, во II-I вв. до н.э. в Хакасско-Минусинской котловине /37, рис. 48, 29/. Примерно в это время (III-I вв. до н.э.) в Горном Алтае и Туве известны

пряжки III отдела /35, синхр. табл. II; 38/. Они имеют длинный шпенок язычковой формы, вытянутый в сторону щитка. В денных экземплярах, в отличие от ранних, закрепление свободного конца ремня так же, как и у пряжек с игловидным носиком-запором стало возможным не только с лицевой, но и внутренней стороны. Это является принципиальным в пряжках с подвижным язычком, где закрепление ремня возможно только с внутренней стороны дужки. Пряжки этого типа определяют последний этап развития пряжек с неподвижным шпеньком. Оставалось одно - отделить это от рамки и закрепить подвижно на оси щитка. Скорее всего это было сделано сначала на однотипных бронзовых пряжках, а затем перенесено на костяные. Судя по всему, этот процесс шел параллельно и закончился одновременно в самом начале I тыс. н.э. В дальнейшем получили распространение пряжки с подвижным язычком гунно-сарматского времени, которые совершенствовались уже во второй половине I тыс. н.э. в среде тюркских народов. Какую-то роль в развитии этих форм сыграла, видимо, и так называемые костяные пряжки-блоки, имеющие две прорези для концов ремня. Им недоставало лишь подвижного язычка, чтобы стать законченными формами пряжек VI-X вв. н.э., появление которых было подготовлено всем ходом развития различных типов костяных пряжек скифского и гунно-сарматского времени.

Как уже отмечалось, датировка костяных пряжек с подвижным язычком на всей территории Евразии очень обширна - с VI по XII вв. н.э. Из них, пожалуй, выделяются лишь специфические, невыделеннорамчатые, со щитком, в несколько раз превышающим рамку, пряжки предмонгольского и монгольского времени /42, рис. 13, 18; 39, с. 18/. VI-X вв. датируются практически все выделенные нами типы пряжек сrostкинской культуры. Однако, как нам кажется, несоответствия в этих типах (рис. I, И) указывают на путь их развития, а также позволяют выделить некоторые хронологические особенности рассматриваемых типов. Известные материалы позволяют сделать вывод, что в Южной Сибири, как и в Восточном Казахстане, Южном Зауралье, Восточной Европе невыделеннорамчатые пряжки предшествуют выделеннорамчатым, следовательно, развитие рамок шло по пути округления или заострения более ранних прямых дужек, а отсюда - изготовление рамок округлой либо сердцевидной формы, посте-

пенное удлинение щитка по сравнению с рамкой. Что же касается форм прорезей, то мы склонны поддержать мнение Л.М.Чиндиной: в VI-VII вв. н.э. пряжки с одноставровыми и двухставровыми вырезами встречаются в синхронных комплексах /6, с.35/. Видимо, формирование этого типологического признака происходило раньше. Наличие этих двух типов прорезей в поздних, например, сросткинских погребениях еще ни о чем не говорит, так как типологическое следование подразумевает лишь раннее или позднее формирование и развитие того или иного эволюционного признака. Чаще эти формы существуют. Высказывание А.А.Тавриловой о более поздней датировке одноставровых (по ее терминологии Т-образных) пряжек, на наш взгляд, не подтверждается имеющимися экземплярами пряжек гунно-сарматского времени, оформленными одноставровыми прорезями. Косвенным доказательством могут служить и железные пряжки с аналогичными прорезями таштыкской культуры /37, рис.67, 22-24, 71, 6/. Скорее всего, одноставровый вырез является не поздним, а наоборот, ранним показателем. В VI-X вв. пряжки оформлялись теми или иными типами прорезей в зависимости, видимо, от каких-то особых технологических приемов их изготовления. Так как, по нашим наблюдениям, на их форму не влияли ни различные сочетания вариантов рамок и щитков, ни материал (железо, кость) подвижных язычков.

Невыделеннорамчатые пряжки сросткинской культуры представлены типами I-4, 8-12. Подобные типы хорошо известны на всей территории Евразии. Их появление относят к V-VI, VI-VII вв. н.э. /2, с.169; 3, с.37; 4, с.98; 6, с.35; 42, с.57/. Верхней границей их бытования принято считать конец I тыс. н.э. /1, с.25; 3, с.37; 5, с.121/, хотя отдельные экземпляры встречаются в погребениях XI-XII вв. /40, табл. I, 2; II, с.12; 41, рис.82, 16/. Судя по приведенным аналогиям (см. с. 198), типологически наиболее ранними являются пряжки типов I, 8. Именно пряжки подобных типов известны в VI-VII вв. на Алтае /2, с.169; 3, с.37; 42, с.57/, в VI-VIII вв. в Хакасии /43/ и Туве /20, табл. I, 21/. По своей конструкции - невыделеннорамчатые, четырехугольные с прямой дужкой - они повторяют формы пряжек предшествующего гунно-сарматского времени. Дальнейшее их развитие шло по пути изменения очертания дужек, что отразилось в появлении арочных (типы 2, 9) и пятиугольных (типы 3, 10) пряжек. Формирование данных типологических признаков относится к VII-началу

УШ вв. н.э. /42, табл. XX, XXI, XV; 35, табл. III, I4; 28, рис. I5, I9-2I; 23, табл. I). Параллельно с изменением дужки шел процесс перехода к выделеннорамчатым формам, что, видимо, отразилось на сrostкинских пряжках типов 4, II, 8 (подтип б), I2 (подтип з), которые представляют собой переходные формы. У одних круглая рамка плавно переходит в четырехугольный щиток, у других, наоборот, сохраняется форма рамки, подобная типам I, 8, хотя уже намечается некоторое выделение щитка. К этим промежуточным формам можно отнести пряжки с плевным, едва заметным переходом рамки в щиток. Дальнейшим развитием типов 3, IO (и их подтипов) являются выделеннорамчатые пряжки типов 5, I3. Они имеют на бортиках полукруглые вырезы, которые четко отделяют рамку от дужки. По имеющимся в литературе данным, этот типологический признак появляется в самом конце УП-начале УШ вв., но наибольшее распространение получает в УШ-Х вв. /23, табл.; 26, рис. 5I, I2, 66, 6; 3, рис. I9, 20/. Подобные пряжки известны и в X-XI вв. /26, рис. 74; 4I, с. I92/. Все сказанное о линии развития, времени и территории бытования касается и пряжек типов 6, I4, которые являются более поздней типологической разновидностью типов 4, II. Однако, в свою очередь, они являются исходными формами пряжек типов 7, I5, I7 - сердцевидных, которые отличаются от круглых появлением острого носика дужки. Такие пряжки в IX-X вв. известны в Туве, Горном Алтае, Восточном Казахстане, Южном Зауралье /I9, табл. VIII; 9, с. 3IO; 23, табл.; 26, рис. 74/. В памятниках ранее IX в. подобные пряжки не известны, поэтому необходимо считать данный признак характерным лишь для пряжек IX-X, X-XI вв. н.э. Наибольшее применение такие пряжки получили у племен сrostкинской культуры и у кимаков Восточного Казахстана. Своими формами пряжки типов 7, I5, I7 копируют формы однотипных бронзовых пряжек, получивших распространение на данной территории также в конце УШ-начале IX вв. /I, рис. I; 32, табл. II; 23, табл./. Сердцевидные пряжки (их главный признак - острый носик дужки) позволяют выделить наиболее поздний тип пятиугольных выделеннорамчатых пряжек сrostкинской культуры - тип I3, который отличается от однотипных наличием удлиненного острого носика дужки. Из числа сердцевидных, на наш взгляд, самой поздней является пряжка типа I7 (подтип г). Она полностью имитирует форму сердцевидных пряжек IX-X вв., но отличается от подобных ей конца I тыс. н.э. большей длиной щитка, который в два

реза превышает длину рамки. В Уш-Х вв., как было показано, размеры рамки и щитка равны либо имеют некоторые незначительные отклонения в ту или иную сторону. В начале II тыс. н.э. щиток постепенно удлиняется, выделеннорамчатые формы заменяются однотавровыми невыделеннорамчатыми, со щитком, в два и более раз превышающим длину рамки. Видимо, пряжки типа I7 (подтип т) характеризуют собой начало процесса перехода от форм пряжек предмонгольского времени к более массивным и удлиненным пряжкам монгольского времени /42,рис.13; 39,18/.

Хочется отметить еще одну особенность сердцевидных пряжек срооткинской культуры. Только они встречаются в сочетании с железным язычком. Язычок из железа характерен больше всего для пряжек X-XII вв. /40,табл.П; 26,рис.70; 41,с.192/. Этот элемент, видимо, может служить показателем более позднего типологического признака по сравнению с костяным язычком.

Наибольшой, довольно редкой серией находок являются роговые пряжки, изготовленные из поперечного среза основания рога марала. Подобные пряжки известны в Туве, Монголии, Горном Алтае в комплексах Уш-IX вв. /11,с.188; 43,табл.IV,33/.

Итак, выделенные нами типы костяных пряжек срооткинской культуры, на наш взгляд, могут служить основой для относительной хронологии археологических памятников Южной Сибири второй половины I тыс.н.э.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Г р я з н о в М.П. Древние культуры Алтая. - В кн.: Материалы по изучению Сибири. - Новосибирск, 1930, № 2, с.24,25.

2. Г а в р и л о в а А.А. Могилы поздних кочевников у г. Суханики на Енисее. - СА, 1964, № 2, с.169.

3. М о г и л ь н и к о в В.А. Тюрки. - В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., 1981, с.37, рис.19,20.

4. Г р я з н о в М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка. - МИА, 1956, № 48, с.98.

5. А м б р о з А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Часть 2. - СА, 1971, № 3, с.121.

6. Ч и н д и н а Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. - Томск, 1977, с.35.

7. Е в т ю х о в а Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. - МИА, 1952, № 24, с.35.

8. К у б а р е в В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. - Новосибирск, 1984, с.37.

9. К и с е л е в С.В. Древняя история Южной Сибири. - МИА, 1949, № 9, с.205-310.

10. Б е р н ш т а м А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции "Чуйская долина". - МИА, 1950, № 14, с.77.

11. К ы з л а с о в Л.Р. Древняя Тува. - М., 1979, с.135,188, табл.П,35, рис.148.

12. К ы з л а с о в И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. САИ, вып.ЕЗ-18. - М., 1983, с.9.

13. Ч е р н и к о в С.С. Восточно-Казахстанская экспедиция 1950 г. - КСИИМК, вып.48, 1952, с.99.

14. Отчет третьего отряда Волго-Донской экспедиции 1934 г. - ИИМК.-М.;Л., 1941, с.184, табл.ХХУШ,1,6.

15. С о р о к и н С.С. О датировке и толковании Кеннольского могильника. - КСИИМК, вып.64, 1956, с.13-14.

16. Д е р е в я н к о Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. - Новосибирск, 1975, табл.54,1.

17. Д е р е в я н к о Е.И. К вопросу о древних связях племен Дальнего Востока с кочевниками Центральной Азии во второй половине I тыс. н.э. - Кемерово, 1974, вып.5, с.89.

18. К ы з л а с о в Л.Р. Средневековые памятники Западного Забайкалья (IX-X вв.) - В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., 1981, рис.35,30.

19. В а й н ш т е й н С.И. Памятники второй половины I тыс. н.э. в Западной Туве. - Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции, т.П. - М.;Л., 1966, с.326, табл.1,2,П,8,Ш,14,УШ.

20. К ы з л а с о в Л.Р. История Тувы в средние века. - М., 1969, табл.1,2Г; П,86,105.

21. К ы з л а с о в Л.Р. Древнехакасская культура чаатас VI-IX вв. - В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., 1981, рис.28,76.

22. А р с л а н о в а Ф.Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане. - В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. - Алма-Ата, 1969, с.87.

23. Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского иртышья (УШ-ХП вв.) - В кн.: Новое в археологии Казахстана. - Алма-Ата, 1968, табл. I, 68, 71, 73, 75, 77, 79.
24. Агеева Е.И., Максимов А.Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года. - ТИИАЭ АН КазССР, 1959, т. 2, табл. I, 82, 83.
25. Археологическая карта Казахстана. - Алма-Ата, 1960, табл. IX.
26. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала УШ-ХП вв. - М., 1981, рис. 4, 31; 8, 22; 41, 25, 51, 12; 66, 6; 70; 74.
27. Амбров А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи У-первой половины УШ вв. - В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., 1981, с. 10-23, рис. 3, 5, 3.
28. Мажитов Н.А. Южный Урал в УШ-УШ вв. - В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., 1981, рис. 18, 19, 20, 21.
29. Шер Я.А. Памятники алтайско-орхонских тюрков на Тянь-Шане. - СА, 1963, № 2, с. 17.
30. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. - М.:Л., 1966, с. 158.
31. Собрание Погодина. - ИИМ, 54661 А 17/176, № 340, 345, 355, 352.
32. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюрское время. - Л., 1983, табл. П.
33. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. - М.:Л., 1953, с. 359, табл. XXII, 14; X, 1.
34. Марсадилов Л.С. Хронология курганов Алтая (УШ-УУ вв. до н.э.): Автореф. дис.... канд. ист. наук. - Л., 1985, с. 12, рис. 1.
35. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. - Л., 1980, табл. I, II, III.
36. Могильников В.А., Куйбышев А.В. Курган Камень II (В. Приобье) по раскопкам 1976 г. - СА, 1982, № 2, рис. 4.
37. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. - Новосибирск, 1980, рис. 48, 29; 67, 22-24; 71, 6.
38. Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом II. - В кн.: Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. - Горно-Алтайск, 1983, с. 116-126.

39. Ф е д о р о в - Д а в ы д о в Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. - М., 1966, с.18.

40. М а т ю щ е н к о В.И., С т а р ц е в а Л.М. Еловский курганный могильник I эпохи железа. - Вопросы истории Сибири. - Томск, 1970, вып.5, табл.1,2; Ш, 22.

41. М о г и л ь н и к о в В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии в X-XII вв. - В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., 1981, с.192, рис.82,16.

42. Г а в р и л о в а А.А. Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. - М., Л., 1965, с.57, рис.5, II; 4, 5, 13, 8, табл.ХV, 13; ХХI, 8,9; ХХ.

43. Б о р о в к а Г.И. Археологическое изучение среднего течения р.Толы. - В кн.: Северная Монголия. -Л., 1927, т.2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСГЭ - Археологический сборник государственного Эрмитажа
АО - Археологические открытия
ВИ - Вопросы истории
ГАИМК - Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ - Государственный исторический музей
ИА АН СССР - Институт археологии АН СССР
ИС - Из истории Сибири, Томск
ИИМК - Институт истории материальной культуры
ИЭ АН СССР - Институт этнографии АН СССР
КСИА - Краткие сообщения института археологии
КСИИМК - Краткие сообщения института истории материальной культуры
ММА - Материалы и исследования по археологии СССР
СА - Советская археология
САИ - Свод археологических источников
СЭ - Советская этнография
ТИИАЭ АН Каз. ССР - Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз.ССР
ТТКАЭЭ - Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции
ТТТАКЭ - Труды кочевнической археологической комплексной экспедиции, Алшхабад

СО Д Е Р Ж А Н И Е

К о с а р е в М.Ф. Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири по археологическим материалам	3
П л а х и н В.Т. Гносеологическая специфика археологических источников.....	15
К у н г у р о в А.Л., К а д и к о в Б.Х. Многослойное поселение Усть-Сема	29
М о л о д и н В.И., П е т р и н В.Т. Разведка в Горном Алтае	50
К и р ш и н Ю.Ф., К л ю к и н Г.А. Памятники неолита и бронзы юго-западного Алтая	73
А б д у л г а н е е в М.Т. Керамика эпохи ранней бронзы с Алтая	117
Ш а м ш и н А.Б. Поселение Речкуново Ш - новый памятник эпохи поздней бронзы Верхнего Приобья	129
М а р т ы н о в А.И., К у л е м з и н А.М., М а р т ы н о в а Г.О. Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае	147
М а м а д а к о в Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае	173
Н е в е р о в С.В. Костяные пряжки сросткинской культуры (УШ-Х вв. н.э.)	192

А Л Т А Й
В ЭПОХУ КАМНЯ И РАННЕГО МЕТАЛЛА
Межвузовский сборник

Тематический план Минвуза РСФСР 1985 г., п.1088

Редактор Л.И.Базина
Корректор И.С.Лапина

Подписано в печать 27.06.85. АГ № 04236
Формат 60 x 84 1/16. Бумага для множительных аппаратов.
Офсетная печать. Уч.-изд.л. 10,0, усл.-печ.л. 9,3.
Тираж 500 экз. Заказ 283 Цена I р.50 к.

Редакционно-издательский отдел Алтайского госуниверситета.
Лаборатория множительной техники АГУ.
656099, Барнаул, ул.Димитрова, 66